

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4 (18), 2018

История

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 4 (18), 2018

History

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Буданова И. А. Interreg как способ интенсификации европейского территориального сплочения в ЕС (2007—2017 гг.)	5
Евсеев В. А. Отечественная историография конца XX — начала XXI века о социально-экономических проблемах английского города раннего нового времени	16
Тюленев В. М. Учитель в позднеантичном обществе	26
Фёдорова Е. Л. Географический фактор в истории древнего Ближнего Востока	34
Юдин К. А. Кинематограф в контексте советско-американских отношений накануне и в период «холодной войны» (вторая половина 1920 — начало 1950-х гг.)	39

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Балахонова М. А., Околотин В. С. Роль Императорского Православного Палестинского Общества в паломничестве на рубеже XIX—XX вв.	53
Бутрин Е. С. Особенности интеграции Кинешемского уезда в состав Иваново-Вознесенской губернии в 1918 г.	63
Ильин Ю. А. Дело «бывших советских работников» г. Кинешмы и уезда (2-я половина 1918 г.) (По материалам газеты «Рабочий и крестьянин»)	75
Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Многослойная сезонная стоянка эпохи первобытности Сахтыш IV (Ивановская область)	85

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИВГУ

Задорожникова Е. Б. Стандартизация социальных услуг	95
Клюев М. В. Будущие нобелевские лауреаты в Иванове	98
Тресцова Е. В. Актуальные проблемы правового режима недвижимого имущества	100
Орлова С. А. Преступления японских военных в годы Второй мировой войны	104
<i>Сведения об авторах</i>	108

<i>Информация для авторов</i> <i>«Вестника Ивановского государственного университета»</i>	110
--	-----

CONTENTS

GENERAL HISTORY

Budanova I. A. Interreg as a way to intensify European territorial cohesion in the EU (2007—2017)	5
Evseev V. A. Russian historiography on the eve of XX—XXI centuries about the socio-economic problems of English town in the early modern history	16
Tyulenev V. M. A teacher in Late Antiquity	26
Fedorova E. L. A Geographical factor in the history of the Ancient Middle East	34
Yudin K. A. Cinematograph in the context of the Soviet-American relations on the eve and in the period of the «cold war» (the second half of the 1920s — the beginning of the 1950s)	39

RUSSIAN HISTORY

Balahonova M. A., Okolotin V. S. The role of Imperial Orthodox Palestine Society in pilgrimage at the turn of XIX—XX cc.	53
Butrin E. S. Peculiarities of integration of Kineshemy district into the structure of Ivanovo province in 1918	63
Ilyin Y. A. The case of the «former Soviet workers» of the city and district of Kineshma (second half of 1918) (according to the materials of the newspaper «Worker and Peasant»)	75
Utkin A. V., Kostyleva E. L. Prehistoric multilayer seasonal site Sakhtysh IV (Ivanovo region)	85

CONFERENCE PROCEEDINGS OF IVANOVO STATE UNIVERSITY LECTURERS

Zadorozhnikova E. B. Standardization of social services	95
Klyuev M. V. Future Nobel laureates in Ivanovo	98
Trestsova E. V. Actual problems of legal regime of real estate	100
Orlova S. A. Crimes of the Japanese military in the years of the Second world war	104
<i>Information about the authors</i>	108
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	110

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2018. Вып. 4 (18). История**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Издается в авторской редакции

Дата выхода в свет 14.12.2018 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 100 экз. Заказ № 171. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ББК 63.3(4)64

И. А. Буданова

INTERREG КАК СПОСОБ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СПЛОЧЕНИЯ В ЕС (2007—2017 гг.)

В статье проанализировано развитие Interreg в период 2007—2017 гг. в качестве одного из главных драйверов на пути к европейскому территориальному сплочению. Рассмотрены политические, институциональные и пространственные аспекты Interreg, выявлены основные проблемы в указанный период и очерчены перспективы инициативы в контексте новой политики сплочения 2021—2027 гг.

Ключевые слова: Interreg, политика сплочения, европейское территориальное сплочение, ЕС, Европейская комиссия.

The article analyzes the development of Interreg in the period 2007—2017 as one of the main drivers on the road to European territorial cohesion. The political, institutional and spatial aspects of the Interreg are reviewed, its main problems during this period are identified, and the prospects for the initiative are outlined in the context of the new cohesion policy of 2021—2027.

Key words: Interreg, cohesion policy, European territorial cohesion, EU, European Commission.

«Интеррег», один из самых европейских аспектов политики сплочения.

*Корина Крету*¹

На сегодняшний день наибольший поток информации, поступающий о делах Евросоюза, связан с миграционными делами, Brexit, ослаблением заинтересованности граждан ЕС в его развитии, санкциями, развернутыми против России, разногласиями внутри самого Союза. И, на первый взгляд, вырисовывается образ дома, стены которого трещат по швам, а крыша давно прохудилась. И нет ни средств, ни, что более важно, политической воли, чтобы его отремонтировать.

Однако за всеми этими, конечно, немаловажными событиями забываются, в том числе и самими гражданами ЕС, те вещи, которые по-прежнему

© Буданова И. А., 2018

¹ Цит. по: Cross Border News. 2015. № 111. P. 1. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=2ahUKEwicmb-fzqPeAhUPhqYKHV1aCbUQFjADegQIBhAC&url=http%3A%2F%2Fwww.espaces-frontaliers.org%2Ffileadmin%2Fuser_upload%2Fdocuments%2FNewsletter%2FEN_NL111_09_15.pdf&usg=AOvVaw0mimrMCddh0731xRczBck6 (дата обращения: 20.10.2018).

продолжают работать на сшивание европейского пространства, принося ежедневную пользу миллионам человек, проживающим в Европе. Речь идет о европейском территориальном сотрудничестве (ЕТС), зафиксированном как Цель 2 в Политике сплочения (далее — ПС) действующего программного периода 2014—2020 гг. На сегодняшний день выражением воплощения ЕТС стала инициатива Interreg.

Таким образом, цель статьи — проанализировать программу Interreg в качестве катализатора и одного из главных драйверов достижения европейского территориального сплочения.

В начале работы осветим общую информацию об Interreg², затем перейдем к рассмотрению ее политических, институциональных и территориальных аспектов, проанализируем проблемы в развитии данной инициативы и очертим ее перспективы в контексте курса Europe Post 2020.

Итак, еще в середине 1970-х гг., благодаря инициативам, развернутым области региональной политики, начинает развиваться трансграничное сотрудничество между регионами ЕС, разделенными национальными границами. Этому способствовал созданный в 1975 г. Европейский фонд регионального развития (ЕФРР), в рамках которого выделялись небольшие средства на нужды взаимодействия приграничных регионов. Кроме того, из-за экономического кризиса начала 1970-х гг. локальные и региональные власти чувствовали недостаток внимания со стороны национальных элит к местным проблемам. Желание регионов быть услышанным привело к двум последствиям.

Во-первых, наднациональные структуры ЕЭС включились в борьбу за влияние на региональный и локальный уровень, что привело к появлению многочисленных проектов для регионов со стороны Комиссии ЕЭС (далее — Комиссия, КЕС). Во-вторых, сами регионы попытались усилить свою самостоятельность, в том числе за счет большего взаимодействия друг с другом и привлечения внимания со стороны наднациональных структур. Так, в 1987 г. одна из авторитетнейших европейских организаций Ассоциация европейских приграничных регионов (АЕВР) начала переговоры с КЕС и членами Европейского парламента (ЕП) с целью создания долгосрочного проекта, основанного на европейской финансовой поддержке приграничных регионов. Инициатива должна была быть направлена на смягчение нежелательных последствий открытия границ и преодоления национальных различий в ЕЭС.

Эта идея и привела к появлению Interreg-программы, официально запущенной в 1990 г. Официальная цель, указанная в документах Сообщества, звучала так: «...коллективная инициатива, направленная на то, чтобы национальные границы перестали быть препятствием на пути гармоничного развития и объединения Европы» [15]. Таким образом, Interreg изначально была ориентирована на привлечение различных заинтересованных сторон к взаимодействию по устранению барьеров на пути свободного передвижения товаров, людей, капиталов и услуг.

Со времени своего появления Interreg прошла большой путь развития. Можно выделить 5 этапов в ее развитии: 1990—1994 гг. — Interreg I; 1995—1999 гг. — Interreg II; 2000—2006 гг. — Interreg III; 2007—2013 — Interreg IV и 2014—2020 гг. — Interreg V. В работе речь пойдет преимущественно о двух последних периодах, как наиболее показательных с точки зрения интенсификации

---

² Interreg в данной работе будет именоваться программой и инициативой, что для нас в рамках рассматриваемого сюжета, является синонимами.

территориального сплочения. Отметим, что, несмотря на амбициозные цели, стоящие перед Interreg, ее бюджет нельзя назвать большим. Так, на Interreg IV из бюджета ЕС было выделено 8,7 млрд евро (что составляло всего 2,5 % от общего бюджета политики сплочения ЕС), а на Interreg V — 10,1 млрд евро³, предназначенные для инвестиций в более 100 программ сотрудничества между регионами и территориальными, социальными и экономическим партнерами.

Таким образом, появление Interreg позволило привлечь внимание к территориальному измерению европейской интеграции, которое до этого времени находилось в тени экономики и сделать это посредством усиления трансграничного и межрегионального взаимодействия регионов ЕС, находящихся на периферии Сообщества. Подчеркнем, что с самого начала программа приобрела несколько аспектов, самыми важными из которых, на наш взгляд, являются политический, институциональный и собственно территориальный (пространственный). Обратимся к рассмотрению этих аспектов.

Несмотря на то, что Interreg — это часть ПС и, на первый взгляд, имеет преимущественно социально-экономическое направление, в ней содержатся немаловажные моменты для понимания развития политической интеграции в ЕС. Чтобы увидеть это, необходимо проанализировать сюжет, связанный с тем, каким образом при помощи Interreg была «отправлена в отставку» еще одна инициатива, имеющая территориальное измерение, появившаяся в ЕС в 1999 г. под названием Европейская перспектива пространственного планирования (ESDP).

Еще в середине 1990-х гг., когда было принято политическое решение о последующем большом расширении, вновь обострился вопрос, лежащий в сердце европейского территориального сплочения. Он связан с социально-экономическим выравниванием европейского пространства, преодолением его расколотости, приданием ему большей целостности и гомогенности (насколько это возможно в условиях мультинационального проекта). Это и послужило причиной появления ESDP, которую рассматривали как возможность придать рациональность пространственному планированию в рамках ЕС.

Идеи ESDP можно условно разделить на два блока: 1) сотрудничество в пространственном развитии как новом измерении европейской политики; 2) изучение трендов, благоприятствующих и/или угрожающих развитию территорий ЕС. Национальные государства представили свое виденье ESDP в рамках документа «Территориальное государство и перспективы ЕС» [21]. Согласно данному документу и тексту Конституции, одобренному главами государств и правительств в 2004 г., ESDP должна была остаться в компетенции государств-членов ЕС. Однако вследствие провала Конституции популярность этой идеи пошла на спад. Что показательно, буквально на следующий день после провала референдума по Конституции во Франции,

---

³ Бюджет делился между Interreg V-A (60 трансграничных проектов, из них 38 на внутренних границах ЕС, финансируемых из ЕФРР на общую сумму 6,6 млрд евро); Interreg V-B (15 транснациональных проектов, покрывающих территории Балтийского моря, Альп, Средиземноморского региона, с общим финансированием 2,1 млрд евро); Interreg VC (межрегиональные программы сотрудничества и 3 сетевые программы Urbact III, Interact III and ESPON, покрывающих территории всех 28 государств-членов ЕС, а также Норвегию и Швейцарию, с общим бюджетом в 500 млн евро).

состоялась неформальная встреча министров, на которой КЕС представила Белую книгу по территориальному сплочению [13, р. 17] уже без упоминания ESDP.

Настоящее ее состояние можно описать так: она модифицирована и фактически заменена ETC (читай — Interreg), продвигаемым Комиссией. Каковы же причины того, что перспективное и столь важное для усиления политических интеграционных связей направление было, по сути, свернуто? На наш взгляд, можно выделить несколько факторов.

Первый, наиболее важный, в том виде, каком зарождалась ESDP, она выводила вопрос о нереализованной институциональной реформе и перераспределении полномочий в ЕС в плоскость усиления национальных структур. Второй, изначально виделось некоторое дублирование между Interreg и ESDP. Но в конце 1990-х гг. Interreg представлялась скорее как дополнение ESDP, как еще один инструмент в рамках пространственного планирования. В-третьих, возможно, ввиду масштабности ESDP и недостаточной продуманности стратегии в этом вопросе, ее решили разбить на небольшие части и претворять идею поэтапно с учетом уже имеющихся и создаваемых инструментов.

Таким образом, ESDP растворилась в обновленной политике сплочения, в целом и ETC (Interreg), в частности. А для КЕС Interreg стала возможностью заработать и укрепить политическую лояльность со стороны регионов. Мысль подтверждается тем, что государства позволяют Комиссии установить более жесткий контроль над реализацией программы. Представляется, что национальные правительства не возражают против дополнительных рычагов давления на региональные власти, которые могут проявить нежелательную самостоятельность.

Акцентируя внимание на институциональном аспекте Interreg, следует вспомнить, что инициатива должна была помочь в рамках ESDP решить проблемы пространственного сплочения. Но поскольку пространственное развитие не регулировалось ни одним Договором — возник институциональный вакуум [12, р. 3]. Заполнить этот вакуум попыталась КЕС, но, что интересно, только после того как ESDP была свернута.

Как было указано в издании, посвященном 25-летию Interreg, ее можно описать как «инструмент легитимации супранационального подхода, являющимся вектором европейской интеграции, распространяющий лучшие практики (многоуровневое управление, в котором задействованы КЕС, государства-члены, локальные и региональные стейкхолдеры...)» [20, р. 33—34].

По мнению А. Фалуди, европейского исследователя в области пространственных практик ЕС, расширение 2004 г. могло помочь ESDP усилить аспект европеизации, однако «КЕС предпочла вложить деньги в новую Политику сплочения» [12, р. 7]. Возможно, уже тогда, в рамках Конституционного процесса, КЕС пыталась усилить свое влияние в Политике сплочения, все больше заменявшей привычную региональную политику. В этих условиях происходило «прикармливание» регионов, точнее заинтересованных лиц (локальные и региональные власти, различные субнациональные сетевые объединения, частный сектор). За такими мерами, скорее всего, скрывалось желание Комиссии вовлечь в обсуждаемые процессы граждан, региональные элиты, которые, возможно, будут более лояльны по отношению к ЕС.

Как и другие программы в рамках ПС, Interreg реализовалась по принципу shared management (разделенное управление). Это означает, что основную ответственность за реализацию программы несут регионы (в частности, орган управления). Комиссия также ответственна за успешное протекание процессов сотрудничества. Так, например, она может приостанавливать выплаты, как было в сфере реализации программы Interreg North-West Europe, когда предоставление средств было остановлено на 8 месяцев. Немецкой стороной было проведено несколько проверок, в ходе которых определили, что выявленные Комиссией нарушения не носят систематического характера. После этого Комиссия постановила, что условия для продолжения предоставления выплат были достигнуты [14, р. 15]. В некоторых случаях исполнителями программ было необходимо внести определенные финансовые коррективы.

Обратимся к исследованиям, проведенным на основе изучения 26 программ по окончании программного периода Interreg IV. Согласно им, в 65 % случаев программы сталкивались с прекращением финансирования [11, р. 27]. Эти выводы дают нам представление не только о масштабах нарушений со стороны регионов, но и о степени контроля со стороны Комиссии.

Текущий этап ПС также характеризуется усилением контроля над реализацией проектов Interreg со стороны Комиссии. Например, она оказалась в большей степени задействована в операции аудита, т. к. определяет стандарты оформления стратегий аудита, методологию, согласно которой будут проводиться финансовые проверки. Если ранее контакты органов аудита с Комиссией ограничивались предоставлением докладов, то на данном программном этапе проводятся регулярные собрания для обсуждения стратегий и обмена мнениями. От государств-участников требуется предпринять меры в соответствии с рекомендациями, полученными от Комиссии в ходе данного заседания [17].

Новым стало введение понятия «финансовые нарушения». Контроль над расходами преимущественно остается в ведении государств. Поэтому в случае выявления нарушений в расходах их устранением в первую очередь занимаются органы, сформированные властями⁴. Однако Комиссия здесь играет важную роль наблюдателя: внимательно отслеживает возникновение сбоев в реализации программ и оперативно указывает на них государствам. Работа по исправлению подобного рода ошибок возлагается на национальные правительства. Их успехи (или неуспехи) в данном начинании Комиссия изучает по предоставляемым ей докладам. Если она приходит к выводу, что обговоренные показатели достигнуты не были и причина тому — ранее отмеченная Комиссией, но неисправленная ошибка в осуществлении программы, она вправе применить финансовые поправки по отношению к нарушителю.

Даже финансовый кризис начала XXI в. оказался на руку Комиссии. Можно сказать, что она оперативно на него отреагировала: 1) для некоторых программ Interreg на год был продлен срок действия права на получение средств, выделенных на программы 2000—2006 гг. [4, р. 10]; 2) в 2009 г. была принята поправка к основному законодательному акту, регулирующему Interreg, позволявшая увеличивать выплаты государствам; 3) были упрощены

---

⁴ Если данные сбоев превышают сумму 10 000 евро, о них необходимо доложить Европейскому бюро по борьбе с мошенничеством.

правила реализации крупных проектов Interreg и использования государствами выделяемых средств в качестве государственной помощи [3].

В ходе миграционного кризиса потенциально эффективным был признан механизм территориального сотрудничества, направленный на развитие отношений между регионами ЕС и соседними государствами с целью более успешной интеграции мигрантов в новые жизненные условия [5, p. 7]. С возможностью привлечения Interreg, в частности и Политики сплочения, в целом для решения вопросов, связанных с беженцами и мигрантами, согласились члены Совета ЕС [2]. О том же неоднократно упоминала в своих выступлениях действующий глава Генерального директората по региональной политике и городскому развитию Корина Крету.

Тем не менее, Европейский совет подчеркнул, что использование национальными властями механизмов Interreg в подобных целях носит добровольный характер. За это время Комиссия сделала несколько заявлений по поводу того, как средства Interreg можно использовать в миграционной политике. Было обращено внимание на существующие в рамках Interreg инструменты, позволяющие совмещать средства из разных фондов и реализовывать многоцелевые проекты на местном уровне [18]. Но похоже, что на данный момент работа Комиссии ограничивается предоставлением рекомендаций. В одном из докладов, правда, было отмечено, что в рамках некоторых программ мигранты были учтены в качестве новой целевой группы [22]. Но это, скорее, инициатива местных властей.

Таким образом, можно констатировать увеличение политического влияния Комиссии в реализации Interreg, что, на наш взгляд, с одной стороны, помогает его эффективной реализации, а с другой — усиливает роль в этом процессе самой КЕС.

Однако самым очевидным аспектом Interreg является пространственный, он же обладает самым большим интеграционным потенциалом. На наш взгляд, на сегодняшний день он зафиксирован в качестве термина «территориальное сплочение», что подразумевает под собой построение бесшовного пространственного полотна⁵. Как заявила Корина Крету, выступая 27 сентября 2015 г. на неформальной встрече министров ответственных за политику сплочения и городское развитие: «Территориальная повестка важна, “потому что мы глубоко убеждены, что политика более эффективна, когда она наводит порядок там, где живут люди”» [7]. Добавим, что именно на примере реализации проектов Interreg можно увидеть качественные сдвиги на пути территориального сплочения, к которому должно вести европейского территориальное сотрудничество, зафиксированное в качестве Цели 3 в предыдущем программном периоде ПС, а на нынешнем этапе — Цель 2.

В чем же могут проявляться эти качественные сдвиги в продвижении территориального сплочения? Исходя из посыла ПС на этапах 2007—2020 гг., можно говорить о ее тесной привязке к целям стратегии «Европа 2020»⁶. В этом свете ПС в целом, Interreg, в частности, необходимые пазлы

---

⁵ Подробнее см. в работе: Буданова И. А. Конструируя новое европейское пространство: дискурс *monotopia* // Вестник Ивановского государственного университета. 2008. Вып. 4. Сер.: История. С. 89—100.

⁶ Действующая среднесрочная инициатива ЕС, принятая Европейском советом 26.03.2010 и включающая основные индикаторы в сфере занятости, исследования и развития, энергетики, изменения климата, образования, борьбы с бедностью и социальной исключенностью, которые необходимо достичь к 2020 г.

в общей картине европейского благополучия, т. е. выравнивания европейского пространства. Цели «Европа 2020» сформулированы следующим образом: 1) Разумный рост: развитие экономики, основанное на знаниях и инновациях; 2) Устойчивый рост: создание экономики, основанной на целесообразном использовании ресурсов, экологии и конкуренции; 3) Всеобъемлющий рост: способствование повышению уровня занятости населения, достижение социального и территориального согласия [9, р. 7].

Все вышеупомянутые цели хорошо коррелируются с проектами Interreg. Так, нами было изучено 15 инициатив⁷, запущенных в рамках Interreg в юбилейном для нее 2015 году. Все они были направлены на усиление трансграничного сотрудничества и представляют собой как раз движение на практике к территориальному сплочению. Обобщая их направленность, можно выделить несколько ключевых тем: создание рабочих мест, мобильность рабочей силы, окружающая среда, малый и средний бизнес (частный сектор).

Об этом же, но гораздо образнее и ярче высказалась Корина Крету в своей речи, посвященной 25-летию Interreg. Она сравнила инициативу с пятирусным тортом, слоями которого назвала: 1) доверие; 2) связанность; 3) здоровая окружающая среда; 4) предотвращение рисков и защита; 5) рост и рабочие места [6].

Нужно подчеркнуть, что после исчезновения ESDP, Interreg фактически осталась единственной программой прямо работающей на территориальное сплочение Европы. И в помощь ей с 2007 г. начали функционировать Европейские группы территориального сотрудничества (ЕГТС), целью которых является преодоление препятствий на пути к трансграничному сотрудничеству. На настоящий момент действует более 53 ЕГТС в 19 государствах — членах ЕС, которые поддерживают трансграничные территории или услуги в рамках подхода к устойчивому управлению [20]. Несмотря на более чем десятилетний срок своего существования, можно говорить, скорее, о потенциале ЕГТС. Ценность ЕГТС может заключаться в следующем: помогает выстраивать территориальное сотрудничество и делать его более эффективным и регулярным; позволяет развивать прямые контакты с различными уровнями власти; способствует внедрению комплексных форм многоуровневого управления (интеграция различных административных уровней и секторов, множественность акторов), практикует «индивидуальный подход» (в каждом случае работу группы определяет свой политический контекст) и т. д. [19]. Потенциальным полем деятельности ЕГТС также является привлечение общественных структур в трансграничном контексте (больницы, университеты), что может оказаться перспективным в плане совместного использования региональной инфраструктуры (например, в наименее населенных областях). Как прослеживается по документам ЕС, эти инициативы помогают преодолевать существующие политические и технические барьеры на пути к сплочению.

---

⁷ В частности речь идет о следующих проектах: Interreg V-A Italy-Croatia, Interreg V-A Italy-Switzerland, Interreg V-A Italy-Slovenia, Interreg V-A Greece-Italy, Interreg V-A LT-PL - Lithuania-Poland, “Interreg V-A Belgium-France-Germany-Luxembourg Grande Région/Großregion, Interreg V-A Meuse-Rhine Euroregion, Interreg V-A Romania-Hungary, Interreg V-A Estonia-Latvia”, Interreg-IPA CBC Croatia-Bosnia and Herzegovina-Montenegro, A new crossborder “Interreg IPA” programme, Interreg V-A Austria-Hungary, (“Interreg Europe”) between all EU Member States with the participation of Norway and Switzerland, Interreg V-A Poland-Germany/Saxony, Italian region of Campania.

Таким образом, Interreg действительно вносит вклад в формирование цельного европейского пространства. Интеграционный потенциал программы, привлекает на службу различных заинтересованных лиц, но при вырисовывающемся лидере ЕК.

Несмотря на видимые успехи, Interreg ограничена в своих действиях. Территориальное сотрудничество преимущественно рассматривается национальными властями как экономический инструмент. Его действия в политической сфере скромны, масштаб воздействия рекомендаций Комиссии часто зависит от политической роли их исполнителей. Так, общим препятствием на пути успешной реализации является отсутствие взаимопонимания между ЕС и местными властями. Среди трудностей регионального масштаба актуальной остается проблема политической воли. Некоторые изученные case-study демонстрируют, что национальные органы не всегда готовы содействовать реализации проектов.

У трудностей, проявившихся в последнее десятилетие, можно условно выделить два источника: национально-региональный и наднациональный. К первой группе можно отнести проблемы, присущие региональному сотрудничеству в целом: культурное и языковое разнообразие, несоответствие уровней развития правового регулирования и систем управления по разную сторону границ. В различных регионах существуют неодинаковые представления о природе трансграничного/транснационального/межрегионального сотрудничества, его пределах. Как оказалось, представители некоторых регионов даже плохо представляют, в каких сферах им выгодно развивать сотрудничество.

Опросы Eurobarometer подтверждают вышесказанное. Как отмечают опрошенные, трудности сотрудничества проистекают из различий в языках (57 %), социально-экономического неравенства регионов (46 %), разницы в законах и административных структурах (45 %) [8, р. 5—6].

Следующая проблема связана с расширением сферы действия Interreg, но отсутствием полномочий у локальных и региональных властей. Так, например, в 2007—2013 гг. ЕС попытался привести все программы к общему знаменателю. В нормативных актах были прописаны те вызовы, на борьбу с которыми должны были направить свои усилия регионы. Среди них также оказались проблемы, не входящие в исключительную компетенцию региональных властей (например, борьба с диабетом и т. д.) [11, р. 20].

Несомненной проблемой на уровне ЕС является малая, доля средств, выделяемая на европейское территориальное сотрудничество. Финансы, идущие на поддержание программ Interreg, не выдерживают сравнения со средствами, которые тратятся на другие направления Политики сплочения. Как следствие, ЕС не может применять одинаковые стандарты в оценке их эффективности. Поэтому программы Interreg продолжают оставаться «на особом счету» и не так активно интегрируются в систему Политики сплочения [9, р. 6].

Эти и многие другие проблемы продолжают одолевать Interreg. Часть из них связана с относительной новизной многих элементов программы. Другие — проистекают из положения дел ЕС в целом. Комиссия учитывает их в реформировании Interreg, однако, в отличие от других программ Политики сплочения, Interreg регулируется относительно мягко. С первого взгляда кажется, что это оплошность архитекторов программы. Но вспомним: Interreg, служащая достижению Цели 2, получает из бюджета Политики сплочения

наименьшее количество средств. В данной ситуации применение одинаковых показателей к программам с разным обеспечением было бы неразумным. Поэтому можно предположить, что некоторые меры Комиссии — как в сфере ЕТС, так и в рамках Политики сплочения в целом — имеют стратегический характер.

***

Несмотря на выделенные проблемы, последние два программных периода характеризуются упрощением функционирования Interreg с параллельным повышением подотчетности. Влияние Interreg на политические процессы пока косвенно и ограничено. Более всего ему подвержены локальные исполнители. Они же, как показывает практика, первыми берут на себя удар в случае приостановления деятельности программы из-за ошибок, допущенных на одном из уровней.

Комиссия практикует сочетание несочетаемого: в рамках Политики сплочения учет национальных особенностей проводится параллельно с мягким воздействием на политику, поощрением базовых демократических ценностей. В этих действиях можно усмотреть политический интерес Комиссии. Но эти меры также можно рассматривать и как своеобразную работу над ошибками, а именно — попытку решения проблем унифицированных требований для регионов и малой степени сотрудничества между партнерами на административном уровне.

Однако именно в этой сфере наднациональные институты сталкиваются с национальными правительствами. Так, например, сохранение преимуществ государств — участников ЕС в вопросах политического характера проявилось в процессе разрешения миграционного кризиса, где страны предпочли принять индивидуальные меры, часто идущие вопреки постулатам ЕТС.

При этом государства не отрицают значительную роль Политики сплочения для развития Союза. Однако нам представляется, что национальные элиты будут использовать ее достижения выборочно, особенно сейчас, когда на подъеме находятся дезинтеграционные силы. В такой ситуации опасно повышать уровень политической кондициональности (который поддерживается Комиссией на минимуме). Это может привести к дальнейшим столкновениям между уровнями власти в ЕС.

К чести наднациональных институтов следует отметить, что нынешние представители Комиссии стремятся реализовать свой взгляд на Политику сплочения. Они видят поразившую Европу политическую разобщенность: в сентябре 2017 г. Комиссия инициировала обсуждение перспектив Interreg после 2020 г. Среди пунктов для обсуждения ею были указаны проблемы юридического и административного характеров, возможность внедрения элементов формирования институтов в программах финансирования [16].

Таким образом, Interreg на сегодняшний день действительно является одним из катализаторов и драйверов на пути к европейскому территориальному сплочению. Более того, с точки зрения смысловой нагрузки инициатива прокладывает для ЕС путь к пространственному объединению. Обсуждения программного периода Политики сплочения на 2021—2027 гг. показывают, что выбранный курс не меняется, лишь корректируются детали и ведется «работа над ошибками». Архитекторы новой Политики сплочения пытаются

сделать ее более гибкой, направленной на нужды европейцев, что, в конечном счете, работает на интеграционный ресурс ЕС и выравнивание европейского пространства.

Библиографический список

1. 2007—2013 programmes' spending level. 2017. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:ahD4YzJTEJ8J:www.interact-eu.net/download/file/fid/7041+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 13.12.2017).
2. A General Affairs Council dedicated to cohesion policy. 18.11.2015. <http://www.eu2015lu.eu/en/actualites/articles-actualite/2015/11/18-conseil-cag-cohesion/index.html> (дата обращения: 13.12.2017).
3. Answer given by Ms Hübner on behalf of the Commission. 24.04.2009. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=P-2009-2121&language=EN#def2> (дата обращения: 13.12.2017).
4. Commission Staff Working Paper 'Cohesion Policy: Responding to the economic crisis': A review of the implementation of cohesion policy measures adopted in support of the European Economic Recovery Plan. 2010. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/2007/working/economic_crisis_sec20101291.pdf (дата обращения: 13.12.2017).
5. Cohesion policy and the integration of migrants in urban areas. 2016. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/589818/EPRS_BRI\(2016\)589818_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/589818/EPRS_BRI(2016)589818_EN.pdf) (дата обращения: 13.12.2017).
6. *Crețu C.* Speech at the 25 years INTERREG conference Esch-sur-Alzette (Luxembourg). 15.09.2015. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/cretu/announcements/speech-25-years-interreg-conference_en (дата обращения: 04.02.2018).
7. *Crețu C.* Press Statement following the Informal Ministerial Meeting of the Ministers responsible for Territorial Cohesion and Urban Policy. 27.11.2015. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/cretu/announcements/press-statement-following-informal-ministerial-meeting-ministers-responsible-territorial-cohesion_en (дата обращения: 13.02.2018).
8. Eurobarometer Synthesis. 2016. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/cooperation/european-territorial/cross-border/eb_results/synthesis_en.pdf (дата обращения: 13.12.2017).
9. Europe 2020 — A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 13.12.2007).
10. European Territorial Cooperation. 2016. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-586666-European-Territorial-Cooperation-FINAL.pdf> (дата обращения: 13.12.2017).
11. Ex-post evaluation of Cohesion Policy programmes 2007—2013, financed by the European Regional Development Fund (ERDF) and Cohesion Fund (CF). 2016. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/evaluation/pdf/expost2013/wp11_final_report.pdf (дата обращения: 13.12.2017).
12. *Faludi A.* European Territorial Cooperation and Learning // DISP. 2008. № 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/261612124_European_Territorial_Cooperation_and_Learning (дата обращения: 27.09.2018).
13. *Faludi A.* The King is Dead — Long Live the King Why there is no renewed European Spatial Development Perspective and what happens to the ESDP agenda anyhow //

- Ruimte in Debate. 2004. № 4. URL: <https://scholar.google.com/scholar?oi=bibs&cluster=46103381285240724&btnI=1&hl=ru> (дата обращения: 27.09.2018).
14. INTERREG IVB NWE Transnational Territorial Cooperation North West Europe 2007-2013: Final report. URL: <http://www.nweurope.eu/media/1727/final-report-2007-2013.pdf> (дата обращения: 16.10.2018).
  15. Opinion on the EC initiative programme to assist frontier areas (INTERREG) (90/C 182/15) // Official Journal of the European Communities. C 182/46. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1540541395702&uri=CELEX:51990AC0664> (дата обращения: 20.10.2018).
  16. Overcoming cross border obstacles to boost growth in EU border regions. 20.09.2017. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-17-3271_en.htm (дата обращения: 13.12.2017).
  17. Regulation (EU) No 1303/2013 of The European Parliament and of the Council of 17 December 2013 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund, the European Agricultural Fund for Rural Development and the European Maritime and Fisheries Fund and laying down general provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund and the European Maritime and Fisheries Fund and repealing Council Regulation (EC) No 1083/2006. // Official Journal of the European Union. L 347/320. 20.12.2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R1303&from=en> (дата обращения: 07.02.2018).
  18. Report on European Territorial Cooperation — best practices and innovative measures. 2015/2280(INI). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2016-0202&language=EN> (дата обращения: 13.12.2017).
  19. Report on the Second Meeting of the Committee of the Regions' EGTC Expert Group Brussels, 11.03.2008. URL: <http://cor.europa.eu/en/archived/documents/2834ea10-754b-4156-a93f-dbae7703d933.pdf> (дата обращения: 17.08.2017).
  20. Territorial Cooperation in Europe — A Historical Perspective. 2015. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/brochures/2015/territorial-cooperation-in-europe-a-historical-perspective (дата обращения: 27.03.2018).
  21. Territorial State and Perspectives of the European Union: towards a stronger European territorial cohesion in the light of the Lisbon and Gothenburg ambitions. URL http://www.ccre.org/docs/territorial_state_and_perspectives.pdf (дата обращения: 16.10.2018).
  22. Working Paper: Pilot action “Interreg response to migration-related challenges”. 2016. URL: www.interact-eu.net/download/file/fid/3917 (дата обращения: 13.12.2017).

В. А. Евсеев

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ АНГЛИЙСКОГО ГОРОДА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В современной отечественной историографии проблемам средневекового города уделяется большое внимание. На рубеже XX—XXI веков отечественные историки обратились к изучению разнообразных сторон жизни английского города XVI—XVII вв. Они рассматривали различные социально-экономические проблемы развития городов в связи с общими процессами, происходивших в разных сферах жизни английского общества той эпохи. В начале XXI века больше внимания стало уделяться социальным проблемам, хотя продолжается изучение и экономических сюжетов.

Ключевые слова: отечественная историография, социально-экономические проблемы, английский город XVI—XVII вв.

The problems of mediaeval town receive much attention in contemporary Russian historiography. At the turn of XX—XXI centuries Russian historians have attempted to address the issue of various problems an English town of XVI—XVII centuries faced. They investigated different socio-economic problems connected with the general processes taking place in various spheres in the English society in early modern time. At the beginning of the XXI century our historians paid more attention to social problems though the economic aspects also continue to be investigated.

Key words: Russian historiography, socio-economic problems, English town XVI—XVII centuries.

В современной отечественной медиевистике конца XX — начала XXI в. проблемам средневекового города уделяется большое внимание. Этот факт нашел отражение в издании многотомного труда, посвященного средневековым городам Западной Европы [10]. На рубеже этих столетий английские средневековые города так же оказались в зоне пристального внимания отечественных медиевистов. О чем свидетельствует выход целого ряда монографических исследований [33, 37, 54]. В связи с этим обстоятельством нет необходимости давать историографический обзор отечественной литературы по периоду XI—XV вв., ибо он уже хорошо отражен в специализированных трудах [2, 34, 38, 40]. Вместе с тем, история развития городов Англии в эпоху раннего Нового времени и изменения, происходившие в них, ещё не были предметом специального историографического исследования со стороны отечественных историков.

Период XVI—XVII вв. был чрезвычайно сложен для английских городов. Эта переходная эпоха оказала огромное влияние на всю их последующую историю, так как в это время происходило разложение старых (феодальных) отношений и возникновение новых (капиталистических). Эти решающие факторы привели к значительным изменениям во всех сферах

городской жизни — от экономики до идеологии, что означало новый этап в развитии городов, который нашёл своё отражение в обширной литературе, опубликованной историками за последние десятилетия [22].

История перехода английского общества от феодализма к капитализму предполагает рассмотрение широкого круга вопросов. Один из них — социально-экономическое развитие городов XVI—XVII вв. на рубеже средневековья и нового времени. Экономика и связанные с ней социальные отношения лежат в основе городской жизни. Именно эти проблемы будут в центре внимания данного историографического обзора.

Перед английским обществом XVI—XVII вв. стоял ряд важных проблем. Упадок экономики в старых корпоративных городах, особенно в первой половине XVI в. был одной из них. Это было связано с дальнейшим замыканием цехов, ужесточением муниципальной и цеховой регламентации, конкуренцией сельского ремесла. В то же время, наряду со старыми корпоративными городами возникали новые, где не было цехового и муниципального регулирования, и где развивались новые центры промышленности уже на капиталистических началах, организованные в виде рассеянной и централизованной мануфактуры. Социально-экономическое развитие Англии XIV—XV вв. лишь подготавливало начало капиталистической эры.

В начале XXI века по этой проблематике было опубликовано достаточно большое по объёму исследование Л. Н. Черновой, которая охватывает значительный период XIV—XVI вв. [54]. Она представляет саратовскую школу урбанистики. В данной работе автор рассматривает место и роль олддерменов в структуре лондонской городской корпорации, властных отношений внутри города и с королевской властью, прослеживается динамика развития лондонской правящей элиты, выясняется специфика ее экономической и социальной основы, формы и направления социального взаимодействия представителей городской верхушки, показывает примеры повседневной жизни лондонских олддерменов. Большая часть исследования Л. Н. Черновой посвящена лондонской жизни XV в. и лишь отдельные примеры взяты из XVI столетия.

Все сложные и противоречивые черты эпохи первоначального накопления отчётливо проявились и в социально-экономической истории английских городов. Одной из первых в советской историографии к проблемам английских городов XVI в. обратилась в своих трудах известный специалист по истории Англии эпохи Тюдоров В. В. Штокмар [57, 58, 59]. В своих исследованиях она касается вопроса об упадке провинциальных городов, затрагивает разные стороны жизни Лондона, давая его описание на фоне царствования Елизаветы I, рассматривает проблему пограничных английских городов XVI — начала XVII в. на Севере страны.

Среди многих проблем социально-экономической и политической истории Англии на рубеже средневековья и раннего Нового времени исследователи уже давно выделили проблему появления регулируемых торговых компаний в этот период. Поэтому история становления ведущих торговых компаний Англии XV—XVI вв. и, в частности, политика государства в отношении купцов, равно как и различные аспекты взаимоотношений торговых компаний с государством и между собой, представляют не только теоретический, но и в какой-то степени практический интерес. Соответственно важным аспектом изучения экономического и социального развития английского города является история городских торговых компаний.

В последние десятилетия XX века к этой теме обращалась известная саратовская медиевист-урбанист М. М. Яброва, которая, в частности, рассматривала особенности структуры малых торговых объединений [60, 61]. По мнению исследовательницы, в семейных компаниях уже на раннем этапе развития просматриваются специфические признаки, свойственные более поздним объединениям, а именно черты регулируемой компании и паевой, связь с субкомпаниями.

Среди новейших работ по данной проблематике следует выделить монографию С. П. Марковой на эту тему [29]. Остановимся на этой работе более подробно. Этот труд написан на основании широкого круга источников. В основном она использовала актовый материал и делопроизводственные документы. Это хартии королевской власти, постановления городских властей, разнообразные документы самих купеческих корпораций. В первой главе автор рассказывает о происхождении и эволюции компании купцов-авантюристов, ее структуре и управлении. В начале данного раздела С. П. Маркова совершенно справедливо обращается к определению термина «авантюрист», используя информацию современных английских филологов [29, с. 24]. Далее, рассматривая взаимоотношения Компании купцов-авантюристов с Ганзой, автор пишет, что английская корпорация, превратившись в коммерческого монополиста, вступила в острую борьбу с немецкой Ганзой. Здесь встретились интересы не просто двух коммерческих структур. Соперники по-разному понимали национальные интересы и в политическом, и в экономическом плане. Это была борьба средневековой гильдейской системы с объединением, сформированным на национальном принципе и поддерживаемом королевской властью [29, с. 33].

Во второй главе автор уделяет внимание еще одной важной теме. С оформлением единой столичной компании купцов-авантюристов более острой становится проблема их отношений с «авантюристами» провинциальных английских городов. XV в. для всех английских купцов страны был временем относительно свободных действий на внешних рынках. Однако с конца XV в. ситуация изменяется, особенно после легитимизации лондонской компании. К началу XVI в. столичная компания купцов-авантюристов стала контролировать деятельность их провинциальных коллег. Это отразилось в новой хартии от 1505 г., которую лондонцы получили от Генриха VII. Теперь Совет компании в Лондоне и на континенте отдавал распоряжения, а провинциалы их выполняли. Поэтому С. П. Маркова вполне справедливо характеризует новое торговое сообщество, как сложный комплексный организм, ассоциацию филиалов разных городов Англии с лондонским отделением в качестве центра [29, с. 96]. Преимущество лондонцев среди национальных купцов, ведущих торговлю сукном на континенте, автор объясняет тем, что столичных купцов было большинство в системе торговли, потому что они были богаче провинциалов и преобладали в управленческих структурах компании [29, с. 97]. Это вполне обоснованный вывод.

В третьей главе автор останавливается на взаимоотношениях йоркской компании с лондонцами и о борьбе последних с провинциальными купцами в XVI в. и в конце главы приходит к выводу, что йоркский вариант организации торговли был типичным для английских провинциальных городов XIV—XVI вв. [29, с. 153]. Этот тезис С. П. Марковой совпадает и с нашими исследованиями по подобным купеческим объединениям в других провинциальных центрах Англии раннего Нового времени [13, 14, 21]. Иначе получается,

что только Йорк из их числа, кроме столицы имел такие торговые организации. Есть еще одно положение в данной книге, с которым вряд ли можно согласиться. С. П. Маркова утверждает, что упадок Йорка наблюдался с конца XVI в. и был связан с Реформацией [29, с. 113]. На самом деле этот процесс начался еще в начале XVI в. и в первую очередь определялся замыканием цехового ремесла в английских провинциальных городах этой эпохи [18, 57].

Среди новейших работ по экономической истории Англии эпохи Тюдоров следует назвать труды Ю. И. Царевой [50, 51, 52]. Ее исследования посвящены финансовой политике Тюдоров, которая, конечно, непосредственно влияла на экономическое развитие городов и его социальную жизнь.

Проблемы социально-экономического развития английских городов раннего Нового времени в значительной мере отражены в трудах В. А. Евсеева [16, 18, 22, 24, 25, 26]. Им предложена типология английских городов той эпохи и специфика их регионального развития. Исследователь отмечает, что в XVI—XVII вв. изменилась структура городской иерархии. В 1500 г. доминирующая позиция была ещё у средних корпоративных городов. В XVII в. лидирующее положение в экономическом развитии городов, кроме Лондона, который преобладал во всех сферах, заняли небольшая группа ведущих провинциальных столиц и более десятка новых промышленных центров.

Восточный и Юго-Западный регион Англии были наиболее процветающими в средневековье, но в них не появились новые промышленные центры, так как у них была слишком сильная конкуренция со стороны старых, традиционных цеховых структур. С другой стороны, Западный Мидленд и Уэст-Райдинг в Тюдоровскую эпоху оказываются сосредоточием нового промышленного прогресса, который особенно проявился в последующий период (XVII—XVIII вв.). Именно в этих регионах появились новые города, где на свободной от цеховых или иных ограничений почве развивались новые отрасли производства. Появлению этих новых экономических регионов способствовали не только социально-экономические факторы (стабильность политического развития в эпоху Тюдоров, аграрный переворот, демографический подъём, формирование национального рынка и т. п.), но и наличие в их недрах полезных ископаемых (уголь, железная руда и т. п.), а также технологические новшества.

Новые формы организации промышленности проявили себя в других районах страны, особенно в Лондоне. Важные изменения происходили и в сфере торговли. Огромным стимулом в развитии заморской торговли Англии в XVI—XVII вв. стали Великие географические открытия. Значительное место стала занимать трансатлантическая торговля с островами Вест-Индии. Кроме того, портовые города юго-западной Англии уже с конца XVI в. стали принимать активное участие в организации колониальной экспансии в Новом Свете [15].

Одна из последних книг В. А. Евсеева — «Очерки по истории английского города раннего Нового времени» написана несколько в ином ключе. В ней автор, кроме социально-экономических вопросов, рассматривает более широкий круг проблем, включая социальные, политические и культурные аспекты городской жизни. Подробная оценка данной монографии дана в рецензии А. Г. Праздниковой [39].

С социальными и экономическими проблемами тесным образом связаны различные аспекты повседневной жизни и досуга английских горожан эпохи раннего Нового времени. В начале XXI века проблема городского

досуга оказались объектом исследования А. В. Мельника [30, 31]. Он показал в своих статьях, что в Англии в раннее новое время произошли изменения в сфере досуга — от средневековых развлечений, которые ещё были характерны в эпоху Тюдоров, — до появления коммерческих видов досуга в период правления поздних Стюартов (рубеж XVII—XVIII вв.). А. В. Мельник в своем диссертационном исследовании отмечает, что сфера досуга стала превращаться в важный сегмент третичного сектора экономики [32, с. 25]. В нашей совместной статье посвященной становлению английских городов-курортов отмечается, что курортный отдых второй половины XVII и первой половины XVIII в. становится массовым социальным явлением. Курорты были одним из инструментов, с помощью которого провинциальные города старой Англии смогли в достаточно быстрые сроки оправиться после разрушительной Гражданской войны [17, с. 38].

Коммунальное хозяйство является важной составной частью социально-экономической жизни города. Однако, история его развития в средневековых городах Европы нашла лишь частичное отражение в отечественной медиэвистике. В фундаментальном труде «Город в средневековой цивилизации Западной Европы» лишь только два очерка посвящены коммунальной инфраструктуре. В частности, Т. П. Гусарова [11] рассматривает вопросы городского планирования в средневековых городах, а система коммуникаций средневекового города Западной Европы описывается в очерке А. Я. Шевеленко [55]. Проблемы становления коммунального хозяйства в английских городах эпохи Тюдоров лишь только в последние годы нашли частичное отражение в работах В. А. Евсеева [19, 20, 23] и Е. В. Башмаковой [5, 7, 8]. Авторы в своих исследованиях обращаются к проблемам развития коммунальной инфраструктуры. В первую очередь их внимание привлекло становление системы водоснабжения, ибо этот вопрос был одним из главных в обеспечении жизнедеятельности городского населения. Е. В. Башмакова, в частности, рассматривает методы регулирования системы водоснабжения английских городов эпохи Тюдоров [6]. Рассматривая действия муниципальных властей, она приходит к выводу, что в эпоху Тюдоров сложились система мероприятий законодательного, судебно-административного характера направленная на совершенствование механизма регулирования городского водоснабжения. Е. В. Башмакова отмечает, что на жителей городов, кроме налогов, возлагалась ответственность за выполнение, порученных им обязательств (очистка, сохранность и содержания системы водоснабжения) на общественных началах. Важной мерой, вводимой муниципальными властями было создание чиновничьего аппарата, на которого возлагались функциональные обязанности по развитию и регламентированию системы водоснабжения. Создавались комитеты, которые контролировали сбор и распределение всех средств на развитие системы водоснабжения и выполнением всех работ по сохранению чистоты улиц и рек города, а также они имели возможность налагать штрафы за нарушения и определять меру наказания должностных лиц. Муниципальные власти применяли разные способы финансирования на коммунальные нужды: за счет благотворительности, штрафов, отчисление средств должностными лицами и сбор средств с жителей городов [6, с. 183—184]. Подобным же образом муниципальные власти поступали в решении проблем уличного благоустройства, уборки мусора и городского строительства.

При изучении социальных вопросов Англии эпохи раннего Нового времени в отечественной историографии советского периода основной

акцент был смещен в сторону исследования проблемы бедности и положения народных низов. Тюдоровские законы о бедных изучали известные историки того времени. Например, В. Ф. Семенов подробно разобрал акты королевской власти принятые в течение XVI века по решению проблемы пауперизма [43]. В. В. Штокмар в своих работах весьма критично отзывалась о результативности тюдоровского законодательства о бедных [56]. Несомненным плюсом ее исследований являлось то, что историк не просто проанализировала содержание того или иного статута, но и охарактеризовала общую картину положения в стране, объяснила причины принятия столь жестких мер по отношению к нищим.

Проблема бедности в Англии тесно переплеталась в советской историографии с темой революции и гражданской войны [1, 3, 28]. Изучая предпосылки, причины и ход событий середины XVII века, историки неизменно указывали на толпы нищих и бродяг, являвшихся важным дестабилизирующим элементом. Рассказывая о проблеме пауперизма в раннеэпохальном периоде, авторы привели ценные сведения о том, как в отдельных приходах страны претворялись в жизнь законы о бедных [28, с. 120—133].

Для постсоветского периода была характерна так называемая «смена вех» в исторической науке, что предполагало выдвижение на первый план новых, малоизученных проблем. Одним из шагов по заполнению имеющихся исторических пробелов стала подготовка и публикация четырехтомного коллективного труда «Город в средневековой цивилизации Западной Европы» [10]. В издании отчетливо прослеживается и заинтересованность урбанистов в изучении социальной истории.

Вопросы развития социальной сферы в английских городах активно разрабатываются представителями саратовской исторической школы. Предметом научных интересов Л. Н. Черновой стали различные аспекты жизни представителей лондонской элиты, в том числе и их благотворительная деятельность [53, 54]. Т. В. Мосолкина обратилась к вопросам сферы здравоохранения и социальной гигиены [35, 36]. Проблеме социальной политики в странах Западной Европы был посвящен целый раздел в 59 выпуске сборника «Средние века», где М. В. Винокурова, в частности, рассматривала проблему бродяжничества и нищих в Нью-Солсбери — одном из малых городов Юга-Запада Англии [9]. Её исследование базируется на очень интересном источнике — Регистрационная книга паспортов бродяг и нищих Нью-Солсбери. Автор отмечает, что проблема нищеты в Англии XVI—XVII вв. рассматривалась как двусторонняя. С одной стороны трудоспособные бродяги и нищие осуждались обществом и наказывались властями. С другой стороны были достойны вспомоществования и общественного призрения. Это отразилось и в законодательстве о бедных. Общество должно было заботиться о благонадежных нищих и наказывать тех, кто не вел добродетельный образ жизни [9, с. 42—43]. Далее исследовательница приводит соответствующие меры муниципальных властей. М. В. Винокурова указывает и на широкую географию бродяг, зарегистрированных в Нью-Солсбери. Они прошли сотни миль в поисках хлеба и пристанища из Уэльса, Шотландии и даже Ирландии [9, с. 45]. Далее автор отмечает очень интересную деталь, зафиксированную в её источнике. Она не нашла имен крестьян из ближайшей округи. По ее мнению разорившиеся крестьяне на рубеже XVI—XVII вв. оставались внутри манора в качестве субдержателей либо наемных работников. Далее она пишет, что Регистрационная книга фиксирует, конечно, прежде всего настоящих бродяг,

большинство которых являлись жертвами безработицы, перенаселения и экономических кризисов; тех, кто бродил в поисках временной работы; тех, чье поведение и аморальный образ жизни был угрозой общественному порядку [9, с. 46].

В качестве выводов М. В. Винокурова отмечает, что Тюдоры и первые Стюарты были бессильны решить проблему пауперизма, так как не имели возможности обеспечить работой массы нищенствующих бродяг. Статуты о вспомоществовании бедным, как и многие другие постановления подобного рода, не решали проблемы, а полицейские меры только ее обостряли и, усиливали миграцию бродяг [9, с. 48].

Проблема бедности в Англии раннего Нового времени по-прежнему остается в центре внимания современных отечественных историков. Работы О. В. Саламантовой посвящены системе государственных и муниципальных мер по борьбе с проблемой бедности в период правления Тюдоров и Стюартов [41, 42]. Она, в частности, заявляет, что ключевую роль в проведении в жизнь законов о бедных на местах для правительства играли не города... а индивиды, облеченные властью в сельской местности — мировые судьи и держатели приходских должностей. Они были одновременно и основными каналами связи и проводниками идей правительства на местах [41, с. 307]. Однако конкретную деятельность этих чиновников по организации помощи бедным она не рассматривает. Отношение современников к беднякам стало объектом исследования Ю. В. Барловой [4]. Примеры организации социальной помощи обездоленным слоям населения Лондона через деятельность приходской администрации показаны в недавних работах Т. В. Соколовой и В. А. Евсеева [27, 44, 45, 46, 47, 48]. Основной упор в исследованиях Т. В. Соколовой был сделан на рассмотрении деятельности приходской администрации Лондона по оказанию помощи самым обездоленным слоям населения столицы в XVII веке. Она отмечает, что приходы являлись важной частью социальной сферы Лондона. Приходские старосты и попечители представляли нижнюю ступень власти, которая непосредственно контактировала с адресатами большинства проводимых социальных мероприятий — с бедняками. Местные чиновники могли непосредственно видеть всю тяжесть положения беднейших слоев населения, они имели прямые контакты с нуждающимися и, в зависимости от их потребностей, предпринимали те или иные социальные меры. Кроме того, Т. В. Соколова определяет функции приходских властей, связанные с социальной сферой, куда входили: фискальная, аккумулирующая, распределительная, контролирующая и карательная. Далее она отмечает, что социальная политика лондонских приходов включала в себя решение различных вопросов. Многие из них решались только на местном уровне, так как центральные власти долгое время ограничивали свою роль в социальной сфере только законодательной и контролирующей функцией. Подобная организация системы вспомоществования бедным просуществовала вплоть до конца XVII века, когда в городах стали появляться работные дома, взявшие на себя часть социальных задач приходов [49, с. 18—19].

Подводя итоги вышеизложенному, можно констатировать, что на рубеже XX—XXI веков отечественные медиевисты обратились к изучению разнообразных сторон жизни английского города XVI—XVII вв. Это отрадный факт, ибо больше внимания в отечественной историографии уделялось и уделяется предшествующим этапам развития средневекового города в Англии.

Об этом говорят многочисленные исследования по этой проблематике. Однако теперь и эпоха раннего Нового времени получила адекватное внимание со стороны англоведов-урбанистов. Важным достоинством многих работ современных отечественных исследователей следует считать стремление рассматривать конкретные вопросы в связи с общими процессами, происходивших в разных сферах жизни английского общества той эпохи. Это, конечно, помогает лучше понять не только суть явления, но и перспективы его развития. Наиболее яркий пример этому дают статьи М. В. Винокуровой и Т. В. Соколовой. Именно работы двух последних авторов и показывают новый тренд в изучении жизни английского города эпохи Тюдоров и Стюартов. Больше внимания стало уделяться социальным проблемам, хотя продолжается изучение и экономических сюжетов. Однако сразу следует оговориться, что социальные и экономические сюжеты очень тесно переплетаются и поэтому иногда их трудно отделить друг от друга. В данном историографическом обзоре рассмотрена только социально-экономическая проблематика городской жизни. Наряду с этим есть еще очень много тем, которые требуют отдельного изучения. Это взаимоотношения города с королем, церковью, политическая история, развитие муниципального самоуправления, социокультурная жизнь и т. д.

Библиографический список

1. Английская буржуазная революция XVII в. : в 2 т. / под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. М., 1954. Т. 1. 494 с.; Т. 2. 364 с.
2. *Афониошкина Е. В.* Изучение английского средневекового города в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 21 с.
3. *Барг М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. Движение и идеология истинных левеллеров. М., 1967. 354 с.
4. *Барлова Ю. В.* «Кто у нас беден, тот не достоин лучшей доли»? Бедность и бедные в восприятии англичан в новое время // Преподавание истории в школе. 2008. № 8. С. 27—33.
5. *Башмакова Е. В.* Методы регулирования системы водоснабжения в английских городах в эпоху Тюдоров // Известия Московского государственного технического университета «МАМИ». 2012. Т. 4. С. 332—337.
6. *Башмакова Е. В.* Муниципальные власти и регулирование системы водоснабжения в английских городах в эпоху династии Тюдор // Исследования по истории Западной Европы: античности, средние века, новое и новейшее время : (к 80-летию профессора Е. В. Кузнецова) : межвуз. сб. науч. тр. Арзамас, 2012. С. 171—184.
7. *Башмакова Е. В.* Регулирование градостроительной практики в английских городах Англии // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. С. 47—51.
8. *Башмакова Е. В.* Проблемы уличного благоустройства в английских городах эпохи Тюдоров // История идей и история общества : материалы II Всерос. науч. конф., г. Нижневартовск, 8 февраля 2013 г. Нижневартовск, 2013. С. 3—4.
9. *Винокурова М. В.* Нищие в малых городах Юго-Западной Англии XVI—XVII вв. // Средние века. 1997. Вып. 59. С. 23—42.
10. Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999—2000.
11. *Гусарова Т. П.* Облик и устройство средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма V — конец XI в. С. 140—160.

12. *Евсеев В. А.* О некоторых причинах упадка Йорка и Беверли в XVI—XVII вв. // Вестник ЛГУ. Сер.: История, языкознание, литература. 1979. № 2. Вып. 1. С. 118—120.
13. *Евсеев В. А.* Компания купцов-авантюристов Ньюкасла-на-Тайне в XVI — начале XVII в. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980. С. 92—96.
14. *Евсеев В. А.* Экономическое развитие Эксетера в XVI—XVII вв. // Проблемы истории западноевропейского феодализма XIII—XVII вв. Иваново, 1989. С. 18—31.
15. *Евсеев В. А., Крамачёва С. В.* Участие городов Юго-Западной Англии в освоении Нового Света : (на примере Бристоля, Эксетера и Плимута) // Европа и Америка на перекрёстке эпох. Иваново, 1992. С. 101—112.
16. *Евсеев В. А.* Английский город в тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995. 154 с.
17. *Евсеев В. А., Мельник А. В.* Становление английских городов курортов в XVII веке — начале XVIII века // Вестник Ивановского государственного университета. 2003. Вып. 2. С. 29—39.
18. *Евсеев В. А.* Специфика экономического развития Ньюкасла на Тайне в Тюдоровскую эпоху // Вестник научно-промышленного общества. М., 2006. Вып. 10. С. 297—308.
19. *Евсеев В. А.* Формирование системы водоснабжения в английских городах в эпоху Тюдоров : (к вопросу о становлении коммунальной инфраструктуры) // В поисках нового: Европа и Россия в современной отечественной историографии. Арзамас, 2007. С. 60—67.
20. *Евсеев В. А.* Борьба с пожарами в английских средневековых городах // История идей и история общества : материалы VII Всерос. науч. конф., Нижневартковск, 9—10 апреля 2009 г. Нижневартковск, 2009. С. 94—97.
21. *Евсеев В. А.* Восточная (Балтийская) компания в XVII веке // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 4. С. 3—9.
22. *Евсеев В. А.* Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010. 228 с.
23. *Евсеев В. А.* Становление коммунальной инфраструктуры в английских городах эпохи Тюдоров (к вопросу об организации вывоза мусора) // История идей и история общества : материалы VIII Всерос. науч. конф., Нижневартковск, 15—16 апреля 2010 г. Нижневартковск, 2010. С. 81—84.
24. *Евсеев В. А.* Английский город в раннее Новое время: специфика регионального развития : (социально-экономический аспект). Saarbrücken, 2011. 356 с.
25. *Евсеев В. А.* Особенности социально-экономического развития малых городов Западного Мидленда в начале раннего Нового времени // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 4. С. 5—11.
26. *Евсеев В. А.* Структура экономики Нориджа в XVII в. // Электронный научно-образовательный журнал (ЭНОЖ). 2014. Вып. 6 (29).
27. *Евсеев В. А., Соколова Т. В.* Основные направления благотворительности в Лондоне XVII века (по завещаниям жителей) // Британские исследования : сб. статей. СПб., 2014. Вып. IV. С. 180—194.
28. *Лавровский В. М., Барг М. А.* Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. 366 с.
29. *Маркова С. П.* Английские купцы-авантюристы. СПб., 2011. 192 с.
30. *Мельник А. В.* Парковая культура Англии XVII века // VII чтения памяти Н. П. Соколова. Н. Новгород, 2000. С. 88—89.
31. *Мельник А. В.* Сфера отдыха и развлечений, как фактор развития английских городов в XVII в. // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Арзамас, 2001. С. 233—239.

32. Мельник А. В. Становление основных направлений сферы досуга в Англии в раннее новое время (XVI — начало XVIII в.). : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 26 с.
33. Мосолкина Т. В. Город Бристоль в XIV—XV вв. Саратов, 1997. 212 с.
34. Мосолкина Т. В. Изучение английского города в отечественной медиевистике // Историографический сборник : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 93—98.
35. Мосолкина Т. В. Болезни и медицина в английском городе XVII века // Новая и новейшая история. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 44—53.
36. Мосолкина Т. В. Город как среда обитания человека: Лондон во второй половине XVII века // Новая и новейшая история. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 71—79.
37. Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV—XVII вв. М. ; СПб., 2017. 416 с.
38. Полховская Е. Ю. Проблемы истории средневекового города в отечественной медиевистике последнего десятилетия // Средневековый город. Саратов, 2002. Вып. 15. С. 153—161.
39. Праздников А. Г. Рец. на кн.: Евсеев В. А. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. 228 с. // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 239—240.
40. Прончатова Т. С. Проблемы изучения средневекового английского города в отечественной историографии // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2009. С. 32—39.
41. Саламатова О. В. Настраивая «каналы коммуникации»: Тайный совет и проблема эффективности законодательства о бедных на местах, конец XVI в. — 1640 г. // Британские исследования : сборник статей. СПб., 2014. Вып. IV. С. 302—316.
42. Саламатова О. В. На пути к «реформе нравов»: проблемы бедности и морали в теории и практике английского государства конца XVI — начала XVII в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 84—91.
43. Семенов В. Ф. Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах // Средник века. 1953. Вып. 4. С. 209—224.
44. Соколова Т. В. Социальная инфраструктура Лондона в описании Д. Дефо // Вестник молодых ученых ИвГУ. 2009. Вып. 9. С. 52—53.
45. Соколова Т. В. Организация помощи детям в лондонском приходе Святого Варфоломея XVII века // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4, т. 1. С. 52—57.
46. Соколова Т. В. Социальные функции церковных старост лондонских приходов XVII века // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Нижневарттовск, 8 апреля 2013 года. Нижневарттовск : НГГУ, 2013. С. 125—126.
47. Соколова Т. В. Социальная помощь детям-сиротам в лондонских приходах XVII века // Молодая наука в классическом университете : тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 22—26 апреля 2013 г. : в 7 ч. Иваново, 2013. Ч. 4 : Научная конференция «Проблемы отечественной, зарубежной истории и международных отношений в работах молодых исследователей» : Международная научно-практическая конференция «Мир без границ». С. 47.
48. Соколова Т. В. Организация помощи больным беднякам в приходах Лондона в XVII веке // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Нижневарттовск, 7 февраля 2014 года. Нижневарттовск, 2014. С. 87—88.
49. Соколова Т. В. Социальные практики лондонских приходов конца XVI — начала XVIII веков в контексте государственной политики муниципального управления : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2015. 27 с.
50. Царева Ю. И. Финансовая политика в период правления Эдуарда VI Тюдора // Электронный научно-образовательный журнал «История» (ЭНОЖ). 2014. Вып. 10 (33).

51. Царева Ю. И. Генрих VII Тюдор и его экономические реформы // (ЭНОЖ). 2016. Вып. 2 (46).
52. Царева Ю. И. Финансовая политика Елизаветы I в освещении публицистов // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время : межвуз. сб. науч. тр. Арзамас, 2016. Вып. 11. С. 75—81.
53. Чернова Л. Н. Благотворительная деятельность лондонского купечества XIV—XV вв. // Благотворительность и милосердие : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. С. 155—168.
54. Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV—XVI веков. Саратов, 2005. 440 с.
55. Шевеленко А. Я. Коммуникации в городе и между городами // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 2000. Т. 4: Extramuros. Город, общество и государство. С. 84—101.
56. Штокмар В. В. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных масс Англии // Ученые записки ЛГУ. 1951. Т. 130, вып. 18. С. 186—206.
57. Штокмар В. В. Некоторые данные тюдоровского законодательства об упадке английских провинциальных городов в XVI в. // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 32—41.
58. Штокмар В. В. Берик на Твиде в конце XVI — начале XVII века // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 113—119.
59. Штокмар В. В. История Англии в средние века. СПб., 2000. 203 с.
60. Яброва М. М. Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века (семья Сели) // Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 105—115.
61. Яброва М. М. Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века // Средневековый город. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 129—137.

ББК 63.3(4Ита)4-283.2

В. М. Тюленев

УЧИТЕЛЬ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье поднимается вопрос об изменении статуса школьного учителя в позднеантичном обществе. Доказывается, что в условиях кризиса Римской империи возрастает роль учителя как «хранителя» традиционных ценностей; меняются формы отношений между учителем, учениками и их родителями; при традиционно низком внимании со стороны государства к школе и учителю важным оказывается участие в их судьбе частных покровителей и городской общины.

Ключевые слова: Поздняя Античность, общество, школа, учитель.

The issue of change in the status of a school teacher in late-antique society is considered in the article. It is proved that the role of a teacher as a “guardian” of traditional values increases during the crisis of Roman Empire; the forms of relationship between a teacher, his pupils and their parents change; because of traditionally poor attention to schools and education from the state, help from private patrons and the city community becomes important.

Key words: Late Antiquity, society, school, teacher.

© Тюленев В. М., 2018

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00461-ОГН «Римская школа и античная образованность в Южной Галлии и Италии на рубеже V—VI вв.»).

• Серия «Гуманитарные науки»

В период поздней Античности, особенно на латинском Западе, школа (о каком бы уровне образования не шла при этом речь) переживала серьезные изменения, связанные как с ослаблением государственных институтов Империи, так и с варваризацией и христианизацией римского общества. Главной же фигурой античной школы всегда был учитель, тем более что школы как некоего единого образовательного учреждения или, если говорить современным языком, школы как юридического лица, в античную эпоху не существовало [1, с. 370—371]. Были учителя, набиравшие себе учеников и обучавшие их в зависимости от уровня «школы» либо основам грамоты, либо грамматике, либо риторике. Таковую «школу» делало школой прежде всего общее для всех учителей понимание, каким объемом и характером знаний и навыков должны были овладеть в итоге их ученики. Поэтому, чтобы увидеть изменения в школьном образовании эпохи поздней Античности, целесообразно рассмотреть вопрос прежде всего о положении учителей в позднеантичном обществе.

Начать исследование представляется уместным с вопроса о государственном участии в судьбе школьного образования. Благодаря Анри Марру в науке еще с середины XX века утвердилось мнение о том, что школы Римской империи находились в сфере внимания государственной власти [10, р. 431—450]. Действительно, можно найти целый ряд примеров, с помощью которых нетрудно было бы подтвердить этот тезис и показать внимание к учителям со стороны императорской власти. Так, известно, что Диоклетиан, установивший в 301 г. законодательно твердые цены в государстве, определил своим эдиктом также размеры доходов учителей разного уровня. Правда, как видно из положений этого указа, заработок учителей оставался весьма скромным. В частности, на одного ребенка для учителя начальной школы (*magister institutori litterarum*) устанавливался сбор в размере 50 денариев в месяц, для преподавателя арифметики (*calculator*) — 75 денариев, для учителя греческой или латинской грамматики, а равно для преподавателя геометрии — 200 денариев (Edict. Diocl. VII, 65—72). Эти доходы, конечно, не превышали заработка хорошего ремесленника. Для сравнения можно вспомнить о том, что каменщик ежедневно зарабатывал 50 денариев, ремесленник-мозаичник — 60 денариев, расписывающий стены художник — 70 денариев [2, с. 55; 8, р. 112]. Тем не менее это установление твердых заработков является свидетельством того, как государство во времена Диоклетиана для преодоления кризиса стремилось брать на себя регулирующие функции, вмешиваясь в жизнь самых разных социальных и профессиональных групп, в том числе учителей. Известная история с законом Юлиана Отступника 362 г., в соответствии с которым учителя-христиане ограничивались в своей педагогической практике (Cod. Theod. XIII, 3, 5), также свидетельствует о существовании государственной политики в отношении школ. Очевидно, что и варварские короли, пришедшие на смену римским императорам в период кризиса римской государственности, пытались регулировать жизнь школ и проводить образовательную политику. Известно, что король Аталарих, внук Теодориха Великого, обратился в 533 г. к римскому сенату с речью (автором которой был, разумеется, Флавий Кассиодор, от которого, по-видимому, и исходила инициатива самого выступления) о поддержке учителей в Риме (*Cassiod. Var. IX, 21*). А чуть позже в период понтификата Агапита (папа с мая 535 по апрель 536 г.) Кассиодор, префект претория, вместе с римским епископом намеревался открыть в Риме христианскую школу (*Cassiod. Inst. I. Praef. 1*). Создать такую школу в Риме так и не удалось, но сама инициатива

открыть новое крупное учебное учреждение, исходившая от одного из высших чиновников остготского королевства, весьма показательна.

Несмотря на приведенные выше примеры участия государства в судьбе школ, школьному образованию в Империи, как показывает в своем исследовании Конрад Вёссинг, приходилось полагаться не столько на государственное участие, сколько на поддержку отдельных городов и частных покровителей [12, р. 247—250, 261—262; 1, с. 370—371]. Действительно, государственная власть лишь иногда и прежде всего в отношении учителей столичных школ проявляла свою заботу. Известно, что еще со времен императора Веспасиана (69—79 гг.), государство порой осуществляло оплату учительского труда, но речь шла прежде всего об учителях высококвалифицированных, как правило, риторам [11, р. 153]. Но и эти выплаты не являлись регулярной заработной платой и могли по тем или иным причинам приостанавливаться, или привилегия, дарованная учителям, могла отниматься. Так, Квинт Аврелий Симмах в своем письме префекту претория в Италии Гесперию (между 378—380 гг.) делится проблемой, возникшей с философом Присцианом, и сообщает своему адресату следующее. Присциан, «поскольку он заслуживает того, чтобы считаться первым среди философов за свою грамотность и честность, по решению сената получал привилегию в виде [ежегодного] жалования»; но ему, Симмаху, стало известно, что возникло некоторое недоразумение по поводу жалования Присциана, поэтому он просит своего адресата вмешаться в ситуацию (*Symm. Ep. I, 79*). «Плата», о которой упоминает Симмах, называя ее в своем письме *salarium emolumentum* и, чуть позже, *annona*, представляла из себя, таким образом, скорее привилегию, награду, нежели установленную государством регулярную зарплату [1, с. 371].

Случай с Квинтом Аврелием Симмахом открывает еще одну важную сторону существования римской школы. Поскольку, как уже говорилось в начале статьи, на законодательном уровне школа как некое учреждение не существовала, а государство выстраивало свои отношения не со школой как таковой, а с учителями, то учителя неизбежно попадали в сферу тех межличностных отношений, которые пронизывали насквозь жизнь римского общества и определяли ее логику. Это — система патроната, которая, по лаконичному выражению Питера Брауна, была в то время неотъемлемым фактом жизни [6, р. 116]. Действительно, не только изустная слава давала возможность учителю закрепиться в городе, но и поддержка влиятельного покровителя или покровителей, в том числе поддержка на уровне городского совета. Вспомним в этой связи хотя бы указ Юлиана Отступника, который предписывал, чтобы учителя получали право преподавать по решению городского совета и с согласия «лучших» людей (*Cod. Theod. XIII, 3, 5*). Поддержка могущественного покровителя, естественно, не могла быть вечной, что отражалось и на судьбе опекаемого. Роберт Кастер вспоминает в своем исследовании историю софиста Никокла, бывшего когда-то наставником Юлиана Отступника и пользовавшегося в период правления своего ученика всеми возможными преимуществами и благами. Как только Юлиан погиб и власть сменилась, Никокл лишился прежнего уважения в высших кругах, в том числе не нашел поддержки у другого своего ученика, Клеарха, викария Азии, и просил вмешаться в ситуацию известного грамматика Либания [7, р. 214]. Учитель нередко оказывался жертвой борьбы кланов, в результате чего терял свое место в городе. Дифил, преподаватель грамматики, пользовался поддержкой упомянутого выше Либания и в результате стал жертвой интриг со стороны

Евстафия, правителя Сирии, с которым Либаний находился в натянутых отношениях [7, p. 215].

Итак, деятельность учителей и судьба их школ в период поздней Античности чаще всего регулировалась не на государственном уровне, а зависела от частной инициативы или позиции города. Автобиографическая зарисовка, оставленная Плинием Младшим, пусть и относится к более раннему времени, может тем не менее послужить хорошей иллюстрацией того, как возникала идея создать в городе школу. В послании Корнелию Тациту он рассказывает, как он в Комо убеждал местных глав семей (*paterfamilias*) организовать школу, чтобы не отправлять детей учиться в Медиолан, и обещал заплатить треть необходимой суммы (*Plin. Ep. IV, 13, 3—6*). При этом школа воспринималась не только как место обучения детей, но и выступала предметом городского престижа. В том же письме Плиний подчеркивает, что, если привлечь в школу знаменитых учителей, в город будут приезжать ученики из других городов (*Plin. Ep. IV, 13, 9*).

Кризис императорской власти во второй половине V в., а также проблемы, обременившие жизнь городов, по всей видимости, поставили многие школы на грань выживания. Немногочисленные школы, которые продолжали действовать в Северной Италии и Южной Галлии в конце V — начале VI в., очевидно, выживали благодаря региональным элитам. Так, известно, что в условиях вандалского завоевания Африки известный грамматик Юлиан Померий переселился в чужой для себя Арелат и, как сообщает «Житие Цезария Арелатского», жил у сиятельного мужа (*vir illustris*) Фирмина (*Vita Caes. I, 8—9*). Можно предположить, что защита этого арелатского родственника Эннодия обеспечивала и безбедное пребывание Юлиана Померия в городе, и его практику. Житие, в силу своей жанровой особенности, упоминает только одного ученика этого ритора — Цезария, но, очевидно, обучение будущего епископа не было исключением, а лишь частным примером существовавшей преподавательской практики Юлиана Померия.

В это же время в Медиолане существовала школа грамматика Девтерия, которая известна прежде всего по письмам и речам Эннодия [4, с. 37—38], однако фрагментарность информации не позволяет точно определить, как строились отношения Эннодия, отпрыска аристократического рода Анициев, и грамматика Девтерия и можно ли эти отношения назвать патронажем. Но следует обратить внимание на два, по меньшей мере, момента. Во-первых, диакон Эннодий в начале VI в. был заметной фигурой не только на уровне Медиолана, но и во всем Остготском королевстве; умело используя разветвленную сеть социальных связей, он имел выход и на Равенну, столицу королевства, и на Рим. Поэтому он мог использовать свой авторитет как на уровне общеталийском, так и на внутригородском, среди прихожан, для поддержки грамматика. Кроме того, пристраивая к Девтерию своих родственников (известно, по меньшей мере, о трех случаях протекции), он также обеспечивал учителя работой и, соответственно, доходом. Во-вторых, речи, в которых Эннодий славил достижения Девтерия, особенно, если предположить их распространение внутри образованного круга, создавали хорошую репутацию учителю, что особенно было важно для преподавателя грамматики. Подобная поддержка «сильного человека» была особенно важна в отношении учителей-грамматиков. Дело в том, что риторы могли продемонстрировать свои способности в публичных выступлениях, получить тем самым известность и привлечь клиентов. Это могли быть не обязательно выступления в суде,

но и публичные выступления с речами. Плиний Младший в письме к Непоту рассказывает о риторе Исее, который просил слушателей придумать темы контroversий и определить для него сторону, которую он должен защищать в своем выступлении (*Plin. Ep. II, 3, 1—2*). Можно вспомнить также состязания риториков в поэтическом творчестве, о которых вспоминал и Августин в «Исповеди» (*Aug. Conf. IV, 1, 1*), и Эннодий в «Благодарении за свою жизнь» (*Ennod. Op. 438, 5—6*). В свою очередь, грамматик, чья деятельность не столь публична, вынужден был рассчитывать на чужую поддержку [7, p. 209], на добрые слова своих клиентов, учеников и их родителей. По крайней мере, благодаря добрым словам Эннодия Девтерий, не оставивший по себе ни строчки, известен и ныне.

Несмотря на ослабление государственных институтов Империи, более того, во многом из-за этого ослабления в период поздней Античности происходит повышение престижа учительской профессии [2, с. 66]. Традиционно отношение к школьному учителю, отчасти по вине самих же учителей, было более чем снисходительным, а порой и весьма неуважительным. Так, в литературе ранней Империи в адрес учителей часто звучат обвинения в их нечистоплотности. Светоний характеризует грамматика Квинта Реммия Палемона как человека, запятнанного всеми пороками, которому «меньше, чем кому-нибудь, можно доверить воспитание мальчиков и юношей» (*Suet. Gramm. 23*; пер. М. Л. Гаспарова). Лукиан устами одного из героев своего «Пира» обвиняет учителя в том, что он взял у приезжего ученика на сохранение деньги, отложенные тем на дорогу, а потом поклялся, что ничего не брал (*Luc. Symp. 32*). В другом месте Лукиан намекает на сексуальные домогательства к мальчикам со стороны учителя, когда пишет: «...учитель приятен юноше и сам от общения с ним получает удовольствие. Если бы мне не было стыдно говорить о подобных вещах, я бы еще кое-что смог присовокупить» (*Luc. Symp. 26*; пер. Н. Баранова). Тема подобного рода домогательств в литературе вообще оказывается весьма устойчивой. Можно вспомнить хотя бы Ювенала, упоминавшего о совращении учителем Гамиллом своих «питомцев» (*Juv. Sat. X, 224*). По-видимому, этого же Гамилла, «сжимающего в объятьях подростков», упоминает и Марциал (*Mart. Ep. VII, 62*). Очевидно, что все намеки в стихах и прозаических сочинениях римских авторов отражали определенное социальное явление [8, p. 222—277]. Неудивительно поэтому, что в одной из эпитафий, посвященной памяти учителя начальной школы Фурия Филокала, среди прочего говорится, что он отличался высшей чистотой в отношениях со своими учениками (*summa castitate in discipulos suos*) [9, p. 113]. На возможные проблемы с нравственностью, возникающие в школах, намекает и Плиний Младший, который в своем письме Кореллии Гиспулле дает ей, дочери своего друга, совет по воспитанию и обучению ее сына: «надо поискать латинского рителя, школа которого известна строгостью нравственных правил и прежде всего целомудрием. Природа и судьба одарила нашего юношу, кроме прочих даров, исключительной красотой» (*Plin. Ep. III, 3, 3—4*; пер. М. Е. Сергеенко).

Сама работа учителя выглядела как не слишком благодарная. В этом плане седьмая «Сатира» Ювенала (а это самое начало II в.), в которой среди прочего с иронией говорится об утомительном и не очень доходном труде учителя-ритора, весьма показательна: «Всем желательно знать; а платить никто не желает. / “Платы? Да разве я что изучил?” Иными словами, / Сам виноват ты, учитель, когда у аркадского парня / Сердце еще не разыграло...»

(*Juv. Sat.* VII, 157—160; пер. Д. Недовича и Ф. Петровского). Труд учителя ассоциируется не только с постоянным прослушиванием выученных уроков, но также с копотью от масляных ламп и грязью (*Juv. Sat.* VII, 225—227).

Не только учителя обманывали учеников, но нередко случалось обратное, когда учителя обманывали его же собственные ученики. Августин, оказавшись в Риме уже в качестве преподавателя-риторики, узнал, как ученики, чтобы не платить учителю, сговаривались между собой и уходили к другому учителю (*Aug. Conf.* V, 12, 22). Сравнивая римские и карфагенские порядки в школах, Августин вспоминает, как в Африке ученики ставят все вверх дном, «бесстыдно вламываются в школу... с удивительной тупостью наносят тысячу обид, за которые бы следовало по закону наказывать» (*Aug. Conf.* V, 8, 14; пер. М. Е. Сергеенко). Анонимный африканский поэт конца V — начала VI в. в краткой эпиграмме из шести строк рассказывает, как учитель не может справиться с учениками и, не желая использовать розги, доводит ситуацию до того, что дети устраивают настоящую свару, бросают свои восковые дощечки и превращают занятие в настоящую игру (*Anth. Lat.* I, 96).

Учителей недолюбливали за их методы обучения, среди которых нередким было физическое насилие. Тот же Августин вспоминает, как в начальной школе его подвергали побоям и что никакая апелляция к родителям не могла остановить этой практики (*Aug. Conf.* I, 9, 14).

Разумеется, с этим негативным отношением к учителям вполне могло соседствовать и уважение к ним, особенно в деревнях и маленьких городках, где учитель выступал в роли образованного советчика или помощника при составлении необходимых документов. В частности, в уже упомянутой эпиграмме Фурию Филокалу сообщается, что этот учитель начальной школы (*magister ludi litterari*) подрабатывал тем, что писал завещания (*testamenta scripsit cum fide*) [9, p. 113—114, 119].

В период же поздней Античности ситуация, по-видимому, меняется. Среди учителей по-прежнему можно было встретить людей сравнительно низкого происхождения, но появляются учителя, происходившие также из семей куриалов. Роберт Кастер, проанализировав «О преподавателях Бурдигалы» Авсония, показал, что из девятнадцати упомянутых этим поэтом грамматиков Бурдигалы (совр. Бордо) трое происходили из семей вольноотпущенников, пять имели «низкое» происхождение, но при этом трое принадлежали к семьям куриалов (остальные неясного происхождения) [7, p. 100—101]. Учителя получают налоговые привилегии, почетные титулы. Именно в это время хороший учитель мог сделать прекрасную карьеру. Авсоний, обучавший Грациана, после того как его ученик стал императором, получил должность квестора, а затем оказался префектом претория Галлии. Упомянутый выше медиоланский грамматик Девтерий (скорее всего, во времена уже Теодориха) был удостоен звания *vir spectabilis* («почтеннейший муж»), что было исключительной честью для учителя [5, p. 20]. Хорошие учителя оказываются востребованы в разных частях Римского мира. Так, родившись в Северной Африке и получив там образование, они перебираются и в Арелат (как Юлиан Померий), и в Рим (как Августин), и в Константинополь (как Присциан), возвращаются на родину (как тот же Августин после работы в Италии). Миграции, которые можно объяснить большой потребностью в по-настоящему профессиональных учителях [2, с. 66], в то же время подтверждают (при всех нюансах) универсальность образования на территории римского мира.

Скорее всего, не без влияния со стороны христианства меняется и отношение учителя к ученикам. Эннодий в своем «Дидактическом увещании Амвросию и Беату» вкладывает в уста Грамматики слова, разительно меняющие картину обучения по сравнению с той, что рисуется по «Исповеди» Августина: «Суд я вершу милосердно, когда погрешит малолетний. / Я не рукой бью, бичую я словом лишь, сказанным устно» (*Ennod.* Op. 452, 13). Учитель становится другом для своих учеников, заботится об их благополучии и здоровье [2, с. 66].

Как уже говорилось выше, ослабление государственных институтов, сколь бы это не выглядело странным, не только не понизили статус учителя и не ухудшили отношение общества к нему, но и сыграло совершенно противоположную роль. В условиях варварских нашествий, упадка грамотности именно к школе и к системе классического образования обратили свои чаяния представители римской элиты, видя только в них спасение от полной варваризации общества [3, с. 313—315]. В результате, учитель предстает в образе творца, призванного облагородить «дикую природу» ученика, в результате чего сделать из молодого человека достойного продолжателя его рода. Особенно наглядно эту позицию выражают речи и письма Эннодия.

В речи, составленной в благодарность за успехи Парфения, Эннодий, активно используя сравнения и метафоры, выражает степень участия учителя в судьбе ученика. Учитель уподобляется у него земледельцу, возделывающему пашню или сад, его призвание — создать условия, чтобы благородные побеги со временем принесли свои плоды, чтобы зерна были отделены от плевел. Вот как звучит его обращение к Девтерию: «Ты мотыгой знания удалил из груди его (Парфения. — В. Т.) кусты держи-дерева и сорные травы, ты собрал пшеничную жатву, чтобы он насытил ей родственников» (*Ennod.* Op. 94, 9). Рассуждая в письме к Парфению о назначении воспитателя (попечителя), Эннодий вновь обращается к этому образу: «На пшеничном поле мы находим сорняки и колючки, и когда мы срезаем плодотворные колосья, [нам] попадают также бесплодные. Неужели же потому следует оставлять земледелие и бросать плуг, если земля не во всем удовлетворяет землепашца?» (*Ennod.* Op. 369, 4). Творчество учителя подобно работе мастера, творца и, как показывает анализ лексики речей и писем Эннодия, через учителя осуществляется божественное творчество. Девтерию он признается, что мастер (учитель) совершенствует то, что создано природой: «золото ничего бы из себя не представляло, если бы не доводилось до совершенства рукой ремесленника и если бы к стоимости желтого металла не добавлялось мастерство отделки; без усердий [мастера] незначителен тот блеск, что дан от природы; мастерству ремесленника должно быть обязано то, что славит землю за своё рождение» (*Ennod.* Op. 94, 6). Сравним приведенные выше слова о наставнике, обращенные как к Девтерию, так и к Парфению, с тем, как Эннодий в начале своего послания к Симплициану славит Господа: «Да наполнит силой плоды Тот, Кто придал красоту завязям, чтобы в зрелых плодах не утратил ты того, что уже явил в нежных цветках... Пусть наполнит амбары хлебами таланта Тот, Кто позволил из почвы подняться колосьям, кормящим людей. Пусть наполнит соками земными зерна пшеницы Тот, Чья влага и солнце в союзе дают плодородие почве» (*Ennod.* Op. 331, 1—2).

Учитель для Эннодия стоит даже выше родителей. В речи к Девтерию, составленной по случаю поступления Лупицина в школу к этому грамматик, Эннодий пишет: «свободу дарует происхождение, но человеком, заслуживающим свободу, делает учитель» (*Ennod.* Op. 69, 9).

Традиционные престижно-экономические отношения подразумевали взаимную выгоду для сторон, вступающих в отношения друг с другом, поэтому Эннодий не забывает напомнить, что старания учителя, направленные на совершенствование ученика, приносят пользу не только ученику или его семье, но и самому грамматик. В еще одной речи, адресованной Девтерию, Эннодий подчеркивает, что достойный ученик способен создать репутацию своему наставнику: «...образованность ученика — это особый род славы учителей. Благодаря языку Ахилла стал известен Хирон... Ваш Марон прославил своих учителей теми [песнями], благодаря которым сам приобрел известность, и очевидно, что молва не прославила их (учителей. — *В. Т.*) за их [собственные] заслуги... В целом, как я сказал, репутация учителя достигает небес благодаря совершенству ученика» (*Ennod. Op.* 69, 14—15).

Характеристики, которых удостоивается учитель в речах Эннодия, важны в еще одном смысле. Все они являются максимально обобщенными: от учителя требуется знание (*eruditio*), скромность (*verecundia*), усердие (*diligentia*), забота или радение (*sollicitudo*) (*Ennod. Op.* 452, 23; *Op.* 94, 7—8). Все эти добродетели традиционно стремились обнаружить у хорошего грамматика, ориентируясь при этом на качества, приписываемые Вергилию, которого Макробий, в частности, характеризовал как поэта, славного ученостью и скромностью (*poeta doctrina ac verecundia nobilis*; *Macr. Saturn.* I, 16, 44) [7, р. 61—62, 207]. Это свойство риторической культуры ориентироваться на когда-то сформированные образцы, стремление избежать индивидуального при опоре на типическое, играло важную роль в сохранении общества и его культуры, в формировании его идентичности. Характеризуя подобным образом Девтерия, а также «учителей» в «Дидактическом увещании Амвросию и Беату», Эннодий связывал их самих, а также их деятельность с многовековой культурной историей Рима. Как молодой человек благодаря воспитанию и образованию призван был воспроизводить нравы своих предков, обеспечивая тем самым культурную преемственность поколений, так и учитель должен воспроизводить в себе идеал римских грамматиков или раторов, чьи труды на протяжении столетий сохраняли прочным здание римской цивилизации.

Именно это представление об идеальном наборе характеристик, которым должен отвечать вполне конкретный грамматик или ритор, определяло позиции городского совета, приглашающего или не приглашающего в свой город того или иного учителя.

Подводя итоги проведенному исследованию, необходимо еще раз обратить внимание на повышение значимости фигуры учителя в глазах представителей римской элиты в период поздней Античности. В условиях разрушения на Западе римской государственности эта элита именно в классическом образовании и в школе видела ту силу, которая способна сохранить римский мир как некое культурное пространство от окончательной гибели.

Библиографический список

1. *Безрогов В. Г.* Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М. : «Памятники исторической мысли», 2008. 459 с.
2. *Круммайх К.* Начальная школа и обучение грамматике в эпоху поздней Античности // «Возлюблю слово как ближнего» : учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III—XI вв. М. : Индрик, 2017. С. 54—70.

3. Тюленев В. М. Слово против меча: новое содержание *romanitas* у Эннодия // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4 : История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / под ред. А. В. Махлаюка и О. Л. Габелко. Н. Новгород : Нижегородский государственный университет, 2014. С. 305—316.
4. Тюленев В. М. «Школа Эннодия» в Милане: миф и реальность // *Cursor Mundi*: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2014. Вып. 6. С. 34—48.
5. *Barnish S. J. B.* Liberty and advocacy in En-nodius of Pavia: the significance of rhetorical education in late antique Italy // *Hommages à Carl Deroux V. Christianisme et Moyen Age, Néo-Latin et survivance de la latinité* / Ed. P. Defosse. Vol. 279. Brussels : Latomus, 2003. P. 20—28.
6. *Brown P.* Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley, Los Angeles, 1982. 350 p.
7. *Kaster R. A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, London, University of California Press, 1988. 524 p.
8. *Laes Ch.* Children in the Roman Empire. Cambridge, 2011. 334 p.
9. *Laes Ch.* School-Teachers in the Roman Empire: A Survey of the Epigraphical Evidence // *Acta Classical*. Vol. 50. 2007. P. 109—127.
10. *Marrou H.-I.* Histoire de l'Éducation dans l'Antiquité. Paris, 1965. 645 p.
11. *Maurice L.* The Teacher in Ancient Rome: The Magister and His World. Lanham, Maryland, 2013. 250 p.
12. *Vössing K.* Staat und Schule in der Spätantike // *Ancient Society*. Vol. 32. 2002. P. 243—262.

ББК 63.3(0)31

Е. Л. Фёдорова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Географические условия сыграли определяющую роль в древней истории Ближнего Востока. Именно они в значительной степени обусловили более раннее появление в этой историко-географической локации цивилизационных центров человечества. Наиболее важными элементами географических условий данного региона были реки, климат, чередование природно-климатических зон, особенности рельефа, флоры и фауны, а также неравномерность распределения полезных ископаемых.

Ключевые слова: древний Ближний Восток, историческая география, географические объекты, речные цивилизации, климат, природно-климатические зоны, полезные ископаемые, водные ресурсы, рельеф.

Geographical conditions have played a decisive role in the ancient history of the Middle East. It was this factor that caused the earlier rise of the civilization centers of mankind in this historical geographical location. The most important elements of the geographical conditions of this region were rivers, climate, alternation of natural-climatic zones, peculiarities of the relief, flora and fauna, as well as an uneven distribution of natural resources.

Key words: ancient Middle East, historical geography, geographical objects, river civilizations, climate, natural and climatic zones, minerals, water resources, relief.

Дисциплина «Историческая география» в отечественной науке имеет глубокие корни, но крайне непростую судьбу: от активного внимания со стороны специалистов до полного игнорирования и даже отрицания факта воздействия географических условий на исторический процесс, что, в свою очередь, привело к практически полному отсутствию серьезных комплексных исследований на эту тему, особенно по отношению к периоду древности. Заметим, что при этом проблема возникновения первых цивилизаций в относительно небольшой географической зоне, или «загадка 30 параллели» [6, с. 8] волновала научное сообщество всегда, правда с различной степенью интенсивности.

Сегодня можно отметить оживление интереса в отечественной науке к географическим аспектам исторического процесса, о чем не в последнюю очередь свидетельствуют попытки систематизировать весь предыдущий опыт развития исторической географии, которые реализовались в появлении как отдельных статей [1], так и полноценных выпусков специальных изданий [2], посвященных обозначенному предмету.

Данная работа предполагает обобщение некоторых положений, связанных с изучением проблемы взаимодействия человека и окружающего мира в эпоху появления первых государств на Земле, а также представляет собой вводную пояснительную часть к планируемому циклу статей, посвященных историко-географической специфике отдельных ближневосточных регионов (Месопотамия, Малая Азия, Восточное Средиземноморье и др.) в древности.

Предваряя заявленные обобщения, нужно отметить, что, во-первых, в целом природные условия цивилизаций древнего Ближнего Востока отличаются большим своеобразием (режим существования рек в Месопотамии в значительной степени отличается от аналогичного режима Нила); во-вторых, каждая географическая область, в свою очередь, обладает местными (локальными) особенностями (на территории Месопотамии некоторые исследователи выделяют до 5 отличных друг от друга природно-климатических зон, в Египте — 2). В своей работе мы будем опираться на два наиболее ранних очага цивилизации данного региона — Египет и Месопотамию.

При всём региональном многообразии природные условия древнего Ближнего Востока имеют целый ряд общих географических характеристик, которые в совокупности и сыграли, на наш взгляд, решающее значение в более раннем появлении первых государственных объединений именно в обозначенном нами регионе.

1. Одной из главных определяющих особенностей географии Египта и Месопотамии является наличие здесь так называемых великих рек — Нила, Тигра и Евфрата, в долинах которых и возникли первые очаги цивилизации — речные цивилизации. Реки дали человеку возможность совершить «неолитическую революцию» — освоить земледелие и скотоводство — и перейти к оседлому образу жизни [5, с. 13], что в конечном итоге привело к появлению первых государств. Однако это стало возможным только тогда, когда человек изучил режим существования этих рек и научился использовать его в сельскохозяйственных целях, что потребовало достижения определенного уровня развития производительных сил [3, с. 31]. Древнейшие обитатели речных долин испытывали страх перед «большой водой»: ее неуправляемыми разливами, бурным потоком, непроходимыми зарослями тростниковых растений, тучами насекомых, хищными зверями и ядовитыми змеями. Понадобилась не одна сотня лет, чтобы побороть этот страх и вступить в полезное взаимодействие с рекой.

Чтобы обуздать поток воды и сделать его в период паводка управляемым, люди стали укреплять берега — возводили дамбы, устанавливали

подъемные механизмы, насыпали поперечные плотины от берега вглубь суши, чтобы задержать воду на полях, пока земля в достаточной степени не насытится влагой, а находящийся в воде во взвешенном состоянии ил, не оседет на почву. Колоссальные усилия были предприняты также для того, чтобы прорыть водоотводные каналы, позволяющие удалять излишки воды с полей перед посевом.

Следует отметить некоторые особенности ирригационной системы Нижней Месопотамии. Главной целью ирригации в Египте было во время разлива «заточить» воду в водохранилищах и сохранить до периода засухи для орошения полей (бассейновая, или лиманная система).

Водный режим рек в Месопотамии не был так стабилен. Именно поэтому кроме задержания и сохранения воды на полях ирригационная система Месопотамии была призвана для защиты всходов, а также поселений от несвоевременного и избыточного разлива, который зачастую превращал значительные площади Месопотамской низменности в болота, непригодные для жизнедеятельности человека. Уже в историческую эпоху северный берег Персидского залива неоднократно менял свое местоположение.

Древние земледельцы, выбирая места для своих поселений, учитывали несколько факторов: удобные берега (не слишком крутые и каменистые), отсутствие порогов и, как следствие, бурного, стремительного потока воды, мягкая почва [3, с. 31]. Именно поэтому первые поселения распределены неравномерно, а в Месопотамии долина Тигра стала осваиваться несколько позже, так как характер этой реки менее предсказуем, а берега более проблематичны для осуществления земледельческих и ирригационных работ.

Кроме необходимой для земледелия воды реки приносили со своими разливами и естественное удобрение — ил, который создавался в результате соединения мельчайших частиц размытых горных пород, а также органических остатков растительной и животной жизнедеятельности. Речной поток, пересекая различные климатические и рельефные зоны, вбирал в себя эти элементы, а затем, возвращаясь после паводка в свое русло, оставлял их в долине, постепенно формируя крайне плодородный, хотя и неглубокий слой почвы. Таким образом почвы Египта и Нижней Месопотамии имели наносное, аллювиальное происхождение, хотя и значительно отличались по составу. Нильский ил был гораздо более богат по составу, что практически обеспечило ежегодное естественное восстановление плодородности египетской земли. Под воздействием тепла осевший ил выделял соединения азота и фосфора, необходимые для вызревания урожая. Следует, правда, отметить, что данный факт не уберег уникальный почвенный покров долины Нила от негативного воздействия человека. Уже в древности наблюдается наступление пустыни на плодородную долину, засоление почв [8, с. 21].

Только такая легкая, мягкая, рыхлая почва, созданная описанным выше способом, не требовала серьезной предпосевной обработки, а значит и высокого уровня развития техники и технологий у древних жителей Египта и Месопотамии.

Существенную роль играли Нил и Евфрат также для внутренней коммуникации и в качестве источника дополнительного пропитания (рыбы, водоплавающей птицы, речных растений, пригодных в пищу).

2. Еще одной существенной чертой, общей для большей части территории древнего Ближнего Востока, был субтропический климат. В точности реконструировать климатические условия в древности невозможно. Однако современные методы различных научных дисциплин (палеоклиматологии,

геологии, палеоботаники и др.) позволяют с большой долей вероятности утверждать, что 10—12 тыс. лет назад климат этого региона был менее засушлив, чем теперь. Тогда в Европе только закончился ледниковый период, завершилось таяние льдов, покрывавших часть Европы. В силу этих причин территорию Ближнего Востока в ту эпоху достигали влажные ветры, выпадали дожди, а на месте нынешних пустынь была саванна с высоким травяным покровом, богатой фауной. Примерно к V тыс. до н. э. появляются существенные изменения в климатических условиях региона: ослабевает влияние влажных ветров, уменьшается количество ежегодных осадков, что приводит в конечном итоге к понижению уровня грунтовых вод и превращению саванны в пустыню.

Климат приобретает классические черты субтропического (на части территорий сухого тропического), который характеризуется сухим жарким летом и довольно мягкой зимой. Однако следует заметить, что это слишком общее заключение, в особенности для Месопотамии, так как, с точки зрения климатических условий, ее можно разделить на две в значительной мере отличающиеся друг от друга части: Северную Месопотамию и Южную Месопотамию. В северной части в зимний период выделяется непродолжительный, но обильный по количеству выпадающих осадков период дождей. Южная часть близка к Египту с его сухим и жарким вариантом континентального субтропического климата. Здесь осадки по сей день являются климатической редкостью, а древними жителями воспринимались скорее в качестве природной аномалии.

Наиболее жаркий период приходился на апрель-октябрь, более прохладно становилось в ноябре-марте. Летом на территорию долины Нила дул знойный ветер хамсин со стороны Аравийской пустыни, на территорию Месопотамии также нередко налетали песчаные бури из пустынных районов, которые приносил тучи песка и пыли, засоряя многочисленные каналы ирригационной системы. В связи с этим требовались систематические коллективные усилия не только для строительства трудозатратных сооружений ирригационной системы, а также и для очистки их от песка и остатков ила.

3. Рельеф. Обозначенные нами выше регионы имели преимущественно равнинный рельеф, представленный несколькими плато со средними высотами от 100 до 400 м над уровнем моря. Он давал возможность запахивать достаточные для осуществления зернового земледелия площади и использовать домашний скот при выполнении некоторых видов сельскохозяйственных работ.

Особенно в этой связи следует сказать о Месопотамской низменности, которая появилась в результате тектонического прогиба и была образована наносами Тигра и Евфрата, а также их притоков. В глубокой древности значительная часть равнины Нижней Месопотамии находилась под покровом моря, уровень которого поднялся после таяния ледников на севере. Однако ежегодные разливы месопотамских рек постепенно заполняли северную часть Персидского залива илом. В результате в низовьях Тигра и Евфрата постепенно создавалась низменность. С запада эта низменность окаймлена обрывом — старым берегом моря, за которым дальше вплоть до реки Иордан тянется сухая и зимой, и весной степь. С северо-востока к Нижней Месопотамии подступают такие же выжженные солнцем степи, которые только ранней весной на очень короткое время становились зелёными.

4. Значимой особенностью территории древнего Ближнего Востока было чередование географических зон — плодородных долин, полупустынь (Сирийско Месопотамская), пустынь (Ливийская, Аравийская), плоскогорий,

(Армянское, Иранское) и горных хребтов (Ливан, Антиливан, Тавр, Анти-тавр, Загрос и др.). Такое чередование имело целый ряд далеко идущих последствий. Нельзя не признать в этой связи правоту В. И. Ленина, который писал: «Горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государств шло в пределах географических границ, гораздо более узких» [5, с. 74]. То есть формирование государств проходило в наиболее удобных местах, ограниченных естественными препятствиями (горами, реками и т. д.). Естественными границами Египта были: на севере — Средиземное море, на юге — нильские пороги, на западе Ливийская пустыня, на востоке — Аравийская пустыня. Месопотамия также имела в древности природные, хотя и менее резко очерченные границы: на севере — Армянское нагорье, на юге — Персидский залив, на западе — Сирийско-Месопотамская полупустыня, на востоке — горный хребет Загрос.

Такое положение, с одной стороны, усложняло осуществление контактов между людьми. С другой стороны, такие препятствия стимулировали раннее возникновение, а затем совершенствование разнообразных средств передвижения и связи. К положительным итогам значительной изолированности этих территорий от окружающего мира, в том числе, следует отнести и возможность на ранних этапах становления государственности избежать негативных контактов с враждебными соседями.

Кроме того, «чередование» обеспечивало производственную специализацию регионов. Известно, что речные долины благоприятны для земледелия, но крайне бедны камнем, строительным лесом, металлами, т. е. — сырьём, необходимым для организации нормальной полноценной жизнедеятельности, а также развития ремесла. Горные районы, напротив, богаты сырьём, но в них отсутствуют территории, пригодные для развития земледелия.

В данном случае имеет место также и неравномерное распределение полезных ископаемых. Такое положение вещей способствовало раннему возникновению обмена, с одной стороны, а также насильственным захватам сырья и его источников (т. е. вооруженным конфликтам), с другой.

5. Нельзя не отметить ещё одно важное обстоятельство. На различных территориях древнего Ближнего Востока в диком виде произрастали многие злаковые растения, которые были окультурены и положили начало современным ячменю, пшенице, просу и другим зерновым культурам, которые составили основу земледелия в этом регионе. Таким образом земледелие, по многочисленным данным археологии, зародилось в зонах естественного произрастания злаковых культур [7, с. 13; 5, с. 13].

Названные выше области стали по сути и прародиной скотоводства. Его происхождение также связано с наличием зон естественного обитания диких предков домашних животных. Быки, ослы, свиньи, козы и др. животные подверглись domestikации и обеспечили наличие второй, а в отдельных регионах и первой (Дельта Нила), по значению отрасли сельского хозяйства на древнем Ближнем Востоке [5, с. 13].

Подводя итог всему вышеизложенному, нужно отметить, что географический фактор, без всякого сомнения, стал определяющим для исторического развития древнего Ближнего Востока [4, с. 7]. Именно он сыграл определяющую роль и в значительной степени обусловил направления, темпы и формы социо- и политогенеза, а также экономического и культурного развития.

Природа, с одной стороны, создала здесь целую совокупность таких естественных особенностей — климат, рельеф, великие реки с уникальным водным режимом, географическое районирование и др., которые стали

необходимой базой для возникновения первых относительно устойчивых поселений. С другой стороны, чтобы обеспечить возможность позитивного взаимодействия с этими особенностями, древним жителям речных долин необходимо было объединить усилия, выработать определенные формы социальной и политической организации [9, с. 55—56], что и привело к появлению первых уникальных государств именно в этой части Земли.

Библиографический список

1. *Абрамова Н. Г., Петрова О. С.* Формирование исторической географии как учебной дисциплины : учебная литература по исторической географии // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 137—147.
2. Вопросы географии. 2013. № 136. 528 с.
3. История Востока : в 6 т. Т. 1 : Восток в древности. М., 2006. 688 с.
4. *Коростовцев М. А.* О понятии «древний Восток» // Вестник древней истории. 1970. № 1. С. 3—17.
5. *Ленин В. И.* О государстве // Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 39.
6. *Майоров Н. И.* Введение в историю Древнего Востока : учебное пособие. Томск, 2003.
7. *Массон В. М.* Природа и происхождение цивилизации // Природа. 1969. № 3. С. 2—14.
8. *Монте П.* Вечный Египет. Цивилизация Нила с древнейших времен до завоевания Александра Македонского / пер. с англ. А. Б. Давыдовой. М., 2017. 415 с.
9. *Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Минск, 2006. 752 с.

ББК 85.373(0)

К. А. Юдин

КИНЕМАТОГРАФ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (вторая половина 1920 — начало 1950-х гг.)

На основе широкого круга источников — архивных данных, аудиовизуальных материалов, представленных медиа-текстами, предпринимается попытка изучить роль кинематографического искусства в контексте советско-американских отношений. С этой целью автор обращается к институциональным, организационно-правовым аспектам функционирования киноиндустрии. В ракурсе историко-историографической компаративистики, анализируется генезис атмосферы «холодного противостояния», формирование геополитических идеологем и образно-визуальных стереотипов «гиперреальности». Делается вывод о статусе кинематографа как зеркала-индикатора культурно-политической напряженности и инструмента-конструктора коллективной памяти.

Ключевые слова: «холодная война», советско-американские отношения, кинематограф, «гиперреальность», «поздний сталинизм», маккартизм.

© Юдин К. А., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

In this article, based on a wide range of sources — archival data, audiovisual materials presented by media texts, an attempt is made to study the role of cinematographic art in the context of Soviet-American relations. To this end, the author refers to the institutional, organizational and legal aspects of the film industry. The genesis of the atmosphere of «cold confrontation», the formation of geopolitical ideologies and figurative-visual stereotypes of «hyperreality» are analyzed from the perspective of historical and historiographical comparative studies. The conclusion is made about the status of cinema as a mirror-indicator of cultural and political tension and a tool-designer of collective memory.

Key words: «cold war», Soviet-American relations, cinema, «hyperreality», «late Stalinism», McCarthyism.

Во второй половине XX столетия все мировое сообщество сталкивается с очередным крупнейшим, приобретшим характер глобального цивилизационного противостояния, катаклизмом, который в отечественной и зарубежной историографии [43, 50, 56, 61] традиционно именуется «холодной войной». Несмотря на обширную научно-исследовательскую литературу, в которой давно и успешно преодолевается биполярно-дуалистический ракурс за счет вполне обоснованного рассмотрения «холодной войны» как многоуровневого социокультурного конфликта, прошедшего длительную эволюцию, имевшего сложную структуру, генезис, периодизацию, обусловленную локально-периферийной и центральной динамикой, сопровождавшегося эпизодами эскалации напряженности, это направление исследований продолжает сохранять повышенную степень актуальности.

Это объясняется, *во-первых* (курсив здесь и далее наш. — К. Ю.), объективной непрерывностью и имманентно-априорной неисчерпаемостью историографического процесса, в настоящее время находящегося, применительно к рассматриваемой проблематике, под влиянием очередных идейно-интеллектуальных «вызовов» — представлений не только о незавершенности «старой», но и начале «новой холодной войны», являющейся намного опасней первой по причине как научно-технического характера, связанного с совершенствованием вооружений, средств массового поражения, так и видоизменений геополитических стратегий на постсоветском пространстве [20, 22]. Некоторые исследователи полагают, с позицией которых мы отчасти солидаризируемся, что «холодная война» «является перманентным явлением в жизни человечества» [23], что объясняется имплантированностью конфронтации на экзистенциально-онтологическом уровне, по отношению к которому все рубежи — «начала» и «завершения» [6, 19] — становятся в той или иной степени условными, детерминированными историко-политической дискурсивностью. При этом за ней скрывается тривиальная меркантильно-прагматичная расчетливость оппонентов, признающих состояние отношений «охлажденными» (или наоборот — «потеплевшими») только тогда, когда это «политически целесообразно» [21].

И, *во-вторых*, необходимостью дополнительного прояснения таких специфических аспектов, как контроль за отдельными формами культуры, которые в условиях «холодной войны», оказались наиболее уязвимыми в плане востребованности быть использованными (прямо или косвенно) в качестве информационно-политических, пропагандистских инструментариев, трансляторов государственной идеологии. Речь идет о кинематографе в широком смысле, начиная от материальной, коммерческо-производственной

повседневности киноиндустрии СССР и США, творческой активности, личной и профессионально-корпоративной коммуникации представителей театральнo-кинематографического сообщества двух стран и — заканчивая оценкой фильмов уже как готовых произведений с уникальной «гиперреальностью», медиа-текстов конкретной эпохи.

В то же время, при всей привлекательности и перспективности обозначенных выше и других сюжетов, разработкой которых с подлинным энтузиазмом занимались многие исследователи еще как свидетели-очевидцы «холодного» политического и историографического климата [28], масштабное продвижение в сторону *компаративного анализа* особенностей политико-идеологического контроля над киноискусством в советской России / СССР и США, удалось сделать лишь новейшей историографии [51—60].

Прежде всего, продолжая дискутировать о степени, способах, формах воздействия идеологических установок на советскую и американскую культуру в целом и киноискусство — в особенности, исследователи акцентируют внимание на важном моменте, связанном с генезисом атмосферы отчужденности между Россией/СССР и США. Как полагают многие авторы, даже те, которые не обращаются к истории второй половины XX века и не исследуют эпоху «холодного противостояния» специально, ключевые идеологические стереотипы, ярлыки, идеологемы и кинематографические, «гиперреалистические» имажемы, в дальнейшем составившие арсенал политического дискурса, сформировались еще в межвоенный период, в конце 1910 — начале 1940-х гг.

Именно тогда началась взаимная *стигматизация* [24] и *спиритуализация чуждости*, когда СССР стал восприниматься как носитель «красной угрозы», а социализм — как некий демон, олицетворение нечто принципиально неамериканского. Зловеще-демоническая сущность, по определению способная принимать любые обличия, и стала оправданием масштабной «охоты на ведьм», первый эпизод которой состоялся в 1947 г., а затем продолжился в период маккартизма 1950—1957 гг., когда появились на свет колоритные киноленты с претенциозными названиями, намекавшими (даже при помощи натуралистических аллюзий) на возможность проникновения, внедрения «чуждых элементов», сплетающих информационно-политическую паутину, порождавших спрут, за эгоистическо-материалистическими вождениями творцов которого скрывался чудовищный замысел по организации заговора против американской демократии. Это такие фильмы, как: «Виновен в измене» (США, 1950, реж. Ф. Э. Файст), «Шпионская охота» (США, 1950, реж. Дж. Шерман), «Я был коммунистом по заданию ФБР» (США, 1951, реж. Г. Дуглас), «Вторжение в США» (США, 1952, реж. А. Грин), «Они» (США, 1954, реж. Г. Дуглас) и др. [42, 47].

Не менее интенсивно происходило установление информационной сегрегации, «железного занавеса» на культурно-кинематографическом «фронте» и в СССР. Признавая вклад отдельных представителей американской кинематографии, таких как С. Демилля, названного «режиссером высокой культуры», или «пионера американской режиссуры» Д. Гриффита, «Советский экран» выносил однозначный вердикт: «Более-менее талантливые, в той или иной степени либеральные, иногда даже с оттенком сочувствия революционным идеям — все же **они** глубоко *чужды нам*, так как в основе их работы лежит искривленное понимание вкусов широких масс, расчет на грубый вкус “мирового мещанина”» [37, с. 8]. При этом дистанцирование от «не-своего» и прочерчивание демаркационных «линий идентичностей» являлось не только следствием давления «сверху»,

но представляло собой сложный процесс презентации и осознания инаковости в рамках театрално-кинематографического творчества.

Необходимо отметить, что многим российско-советским актерам, таким как М. Ауэр, И. Лебедев, Л. Кинский, В. Соколов, Ф. Козлов, А. Назимова, О. Бакланова удалось не только снискать славу, зарекомендовать себя как хороших актеров, но даже занять определенное место в Голливуде [14, с. 107—109], а ряду кинопроизведений, в частности, известной картине «Свинарка и пастух» (СССР, 1941, реж. И. А. Пырьев) — получить восторженные рецензии со стороны американских кинематографистов, восхищавшихся, «как хорошо русские умеют петь» [13, с. 134]. Несмотря на затянувшееся послереволюционное дипломатическое размежевание Америки с советской Россией, значительный вклад в поддержание культурных контактов со стороны СССР вносили Академия наук, Наркомпрос, Всесоюзное общество культурных связей с границей, созданное весной 1925 г., по линии которого было организовано немало демонстрационных выставок, в том числе — знакомивших с советским киноискусством, высоко оцененным за рубежом. Так, известный к/ф С. М. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» (1925 г.) был признан лучшим американской киноакадемией в 1926 г., а среди 5 премированных в 1930 г. лучших кинокартин мировой киноиндустрии было 3 советских фильма — «Буря над Азией», «Земля», «Генеральная линия» [10, с. 20]. В то же время, общей атмосферы недоверия и напряженности, в значительной степени обусловленных «несовместимостью отечественного менталитета с голливудским кинопроизводством» [14, с. 115], это не снимало никогда.

После свертывания НЭПа, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. наблюдается неуклонная тенденция по усилению идеологической экспрессии, все более сковывавшей творческую свободу и инициативу. Современники становились свидетелями уверенного постулирования, утверждения культурной и идейно-политической автаркии, самодостаточности социалистической кинематографии, полностью подчинявшейся императивам, исходившим от «генеральной линии» партии, сталинского ЦК. Заведующий Отделом агитации, пропаганды и печати при ЦК ВКП(б) А. И. Криницкий в своем выступлении на Всесоюзном партийном совещании по кинематографии в марте 1928 г., акцентируя внимание на непримиримую оппозицию советской и буржуазной кинематографии, отражавшей «элементы загнивания, падения, “заката” буржуазной культуры», с уверенностью заявил, что отныне весь процесс кинопроизводства в СССР подчинен строго установленным «безошибочным критериям общественно-политического содержания» [27, с. 19—20].

О том, что подобные установки были подхвачены советским зрителем под влиянием официальных СМИ, предпринявших, как верно отмечает Н. С. Фролова, все «меры, направленные на формирование единственно правильного представления об американцах как “империалистах”, представителях “загнивающего” общественно-политического строя», свидетельствует модальность откликов, полученных на известную картину Г. Александрова «Цирк», вышедшую на экрану в 1936 г. и ставшую самым кассовым фильмом за всю историю советского кино.

Собирательному образу американцев как угнетателей негров, «империалистических расистов», противопоставлялась картина социалистического благоденствия, интернациональной солидарности, гуманизма и других «политически выдержанных» чувств и ощущений, квинтэссенцией которых стала сцена колыбельной, где артисты принимают на себя ответственность

за судьбу негритянского мальчика [45, с. 208, 212]. Важный вывод, к которому приходит автор публикации, в том числе озвученный и в диссертационном исследовании, заключается в признании того, что «на локальном и событийном материале в фильме “Цирк” поднималась первостепенная для того времени проблема *соревнования двух систем — капиталистической и социалистической, двух стран — Советского Союза и Америки*» [там же, с. 211], население которых, как в повседневности, так и через призму кинематографической «гиперреальности» пользовалось одной шкалой ценностей, основанной на дуалистическом размежевании по принципу «Мы — Они» [44].

Ремифологизация многих патриархально-традиционалистских ценностей, соборно-коллективистских ориентиров и устремлений, прошедших через новый культурно-цивилизационный фильтр и послужили основой для формирования ярких, экспрессивно-динамичных образов, визуально-когнитивных моделей героя как провозвестника и строителя «светлого будущего» и его врага (см.: [3]) — коварного, циничного антисоветского, «подрывного элемента», «двурушника», непременно связанного с «капиталистическим окружением», ставящего под угрозу бытие новой сакральной триады — «Партию-Государство-Народ», составленной в результате модернизации и адаптации «теории официальной народности». В сталинском СССР 1930 — 1950-х гг. главными «героями эпохи» стали «простые люди, отличающиеся дисциплинированностью, энтузиазмом в труде, непримиримостью к недостаткам в быту и на производстве, ненавистью к врагам социализма, верой в мудрость власти и безграничной преданностью к вождю. Коллективизм и жертвенность, в свою очередь, характеризуют, советского киногероя, отражая важнейшие черты менталитета» [35, с. 252].

Параллельно со становлением советского семиотического пространства происходила кристаллизация американской «гиперреалистической» идентичности. После преодоления «фазы социального беспокойства» [12], кинематограф США встает на уверенный путь к созданию устойчивого образа героя, «*мистера Америки*» [30], во всех вариациях и модификациях сохраняющего общие и универсальные черты, давно зафиксированные в киноведческой историографии: «герой-сверхчеловек, помесь святого и рыцаря, он неустрашим в бою, всегда сражается за самые высокие идеалы человечества, он понимает людей в их слабости. Этот герой — не романтический любовник, он обожает не женщин вообще, а лишь единственную избранницу сердца, которую почитает, уважает и защищает от опасности... Если же ему суждено погибнуть — то только на поле брани, а победа все равно останется за ним даже после смерти» [40, с. 48].

Даже в многочисленных кинолентах на гангстерскую или близкую к ней тематику (См.: «Победитель забирает все», США, 1932 г., реж. Р. Д. Рут; «Парень из Сан-Луиса», США, 1934 г., реж. Р. Энрайт; «Классный парень», США, 1936 г., реж. Д. Дж. Блостоун и др.) вышедших во второй половине 1920 — начале 1930-х гг. с быстро приобретающим популярность актером Дж. Кэгни, за экзистенциальной ширмой общечеловеческой трагедии уже просматриваются тенденции по закреплению образа американца как «славного парня», которому даже при негативно-карикатурной квазимаскулинности и иных отрицательных чертах конкретного персонажа позволено больше, чем *другим*. «Вот поэтому, — заявляет один из героев к/ф классического Голливуда («Доллары», США, 1971), — мы (американцы. — К. Ю.) — первые в мире. Нам помогают бог, кураж и дисциплина».

Если не точным эквивалентом, то во всяком случае генетически близкой к российско-советской «формуле» национально-государственного

самосознания в США выступала такая концепт-идеологема, как «американская мечта» («American dream»), которой как фактору «перманентного охлаждения» отношений с Россией/СССР тоже значительное место уделяется в историографии [2, 4, 9]. Коллективное самовнушение, уверенность в «богоизбранности» «самой молодой нации», обладающей чувством уникальной «американской исключительности», ощущением мессианского предназначения быть мировым лидером, что стимулировалось представлениями о триумфе версальско-вашингтонской системы как цитадели американской гегемонии, надменно возвышающейся над «побежденной» «красной Россией», существенным образом повлияло на развитие кинематографии обеих стран.

В первую очередь, это выразилось в установлении институциональных и морально-политических барьеров, возведенных еще до «холодной войны» в общепринятых хронологических границах. И в СССР, и в США контроль за кинематографом приобретает все более централизованно-унифицированный характер, предполагающий, несмотря на невозможность тотального мониторинга за творческим процессом и локальными интеллектуальными инициативами, установление базовых системно-стратегических координат. В начале — середине 1930-х гг. в СССР был отпразднован 15-летний юбилей советской кинематографии. Отправной точкой отсчета летоисчисления стал известный декрет СНК о национализации всей кинематографической и фотографической торговли и промышленности от 27 августа 1919 г. Официально было заявлено об утверждении трех направлений советской и кинематографии — художественного, хроникального (документального) и учебного, которые получили воплощение в конкретных жанровых формах, таких как: исторические (биографические, историко-революционные) фильмы, экранизации классики, фильмы-сказки, приключенческие картины, фильмы о советской действительности [38, 49].

Параллельно с этим был устроен настоящий каскад институциональных преобразований и изменений схем ведомственных подчинений. 11 февраля 1933 г. Союзкино реорганизовано в Главное управление кинофотопромышленности (ГУКФ) при СНК СССР, в числе важнейших функций которого было наблюдение за «содержанием кинокартин, производимых всеми союзными и республиканскими организациями кинопромышленности», что мотивировалось глобальной хозяйственно-культурной телеологией: «Кино должно в высоких образцах искусства отображать героическую борьбу за социализм, героев борьбы и стройки, исторический путь пролетариата, его партии, профсоюзов и советов как органов борьбы за диктатуру пролетариата...». 28 сентября 1936 г. вышло Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Об образовании Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР (ВКПДИ)», на который было возложено руководство «всеми делами искусств», а ГУКФ был включен в систему нового ведомства. Наконец, после многочисленных дополнительных руководящих указаний и административного конфигурирования в марте 1938 г. появилось учреждение, сосредоточившее и сохранявшее в своих руках контроль надо всей советской кинематографии вплоть до завершения Второй мировой и Великой Отечественной войн — Комитет по делам кинематографии при СНК СССР [15, с. 460, 470, 487, 516].

В США начало 1930-х гг. было ознаменовано принятием печально известного, действовавшего почти четыре десятилетия (1930—1967), получившего название от имени колоритного политика-республиканца, «кодекса Хейса». Он представлял собой некий циркуляр-меморандум, взятый на вооружение

американской Ассоциацией производителей и прокатчиков фильмов (в настоящее время — Американская ассоциация кинокомпаний). В нем провозглашались ведущие, находящиеся в абсолютном и непререкаемом авторитете этические принципы. Ими должны были в императивном порядке руководствоваться кинематографисты при создании и трансляции кинопроизведений, в которых, независимо от их жанровой специфики и предназначения, признавалось недопустимым «ставить под сомнение естественные и человеческие законы, а также вызывать сочувствие к фактам нарушения таких законов» [17].

Однако, с самого начала созданный под влиянием клерикальных корпораций, добившихся включения особых статей, направленных на комплексную защиту от «кощунства и богохульства» и от любой образно-визуальной компрометации служителей культа, «кодекс Хейса» становится не только проводником христианско-ханжеской нетерпимости и моралистического, протестантского морализма [48, 55], но и превращался в грозное идеологическое оружие против атеистического СССР, выступавшего с точки зрения христианских адептов-ортодоксов «цивилизацией дьявола». *К началу «холодной войны» «Советский Союз, — отмечали американские исследователи, — уже был не просто врагом, а антихристом, “дьяволом, которого мы знали”*» [53, р. 5].

Для наступления «счастливого и прекрасного мира» [46], предотвращения «тлетворного влияния», исходящего как от могущественного конкурента по ту сторону океана, так и светско-секуляризованного мышления внутри страны, в 1934 г. в США по инициативе Епископального комитета по кинематографии был создан Легион благочестия [41, с. 273]. Под его эгидой проводилась не только борьба за овладение умами путем интенсивной религиозной пропаганды, но некоторыми конфессиональными адептами была объявлена настоящая война кинотеатрам, к которым, помимо форм протеста в виде митингов с транспарантами («Билет на непристойный фильм — билет в ад»), применялись и акты вандализма — поджоги «крамольных» кинотеатров.

Так или иначе, но именно еще в довоенные годы обостряется направляемая «сверху» идейно-мировоззренческая непримиримость американского и советского общества к проявлениям инаковости. *Кинематограф становится ареной не только политико-идеологического, но и сложного семиотического состязания, спровоцированного конфликта смыслов, проистекающих из своих и не-своих форм суррогата духовности — дискурсивной комбинаторики*. И в реальной жизни, и в кинематографической «гиперреальности» апелляция к родине и нации, этот хтоническо-теллурический компонент, националистический партикуляризм, приводил к эквивокационным гипостазам. Патриотизм «по-советски» предполагал воинственную непримиримость к «классовым врагам», внешней и внутренней «контрреволюции». При этом атеистическая парадигма, целенаправленная борьба с религией в рамках «безбожной пятилетки» и комплексного курса на искоренение клерикального обскурантизма в СССР никогда не являлись препятствием для обращения к религиозной идентичности и символизму, чтобы продемонстрировать культурно-цивилизационную преемственность с дореволюционным прошлым. Подтверждением этого стали колоритные кинокартины, пафосные историко-биографические эпопеи, такие как «Александр Невский» (СССР, 1938 г., реж. С. М. Эйзенштейн, «Иван Грозный» (СССР, 1945, 1958, реж. С. М. Эйзенштейн), «Адмирал Нахимов» (СССР, 1946, реж. В. И. Пудовкин) и многие другие, обстоятельства съемок и придававшийся на всех этапах идейно-политический резонанс, внимание, особенно со стороны сталинского руководства, слишком хорошо известны [11, с. 20].

Поэтому не только отечественные, но и зарубежные исследователи констатировали, что многие советские киногерои превратились в «современные иконы», в частности, Александр Невский, «украшенный образами Православной церкви, свидетельствующий о том, что русские — на стороне правосудия, противостоят сатанинским тевтонским рыцарям». И далее: «Все это можно считать доказательством того, что, несмотря на социалистический реализм, религиозные символы по-прежнему могли использоваться для националистических призывов в Советском Союзе при необходимости» [59, р. 215]. Эта тенденция особенно эксплицитно проявилась в период Великой Отечественной войны в виде интенсификации съемок фильмов национально-патриотической тематики, когда было создано 103 художественных, 97 — документальных фильмов и фронтовых выпусков и 45 научно-популярных кинопроизведений [7, с. 196—214].

Одним из интересных феноменов историографии советско-американских культурно-политических связей в настоящее время являются исследования, сфокусированные на изучении природы и морфологии, внутренней динамики т. н. «*cross-over-эффектов*» [39, с. 6] — стремительных конъюнктурных сдвигов. После победы над странами «нацистской оси», исчезновением общего противника происходит магистральный «*cross-over-эффект*», заключавшийся в конвертации «образа другого», смене полюсов взаимного восприятия, когда США и СССР из бывших союзников по антигитлеровской коалиции превратились в непримиримых врагов и соперников. Уже к середине 1946 г. более 70 % американцев осуждали позицию России в международных делах, и на смену представлений об СССР как оборонявшейся стране, остро нуждавшейся в поддержке, пришел образ имперской силы, целью которой являлось мировое господство [62]. В результате, начиная с 1947 г., и в официальной пропаганде СССР, и на американских медиа-площадках при взаимной иллюстрации политико-дипломатического стиля двух стран все чаще начинают встречаться сравнения с образом нацистской Германии.

Особым фронтом развернувшейся «холодной войны» становится культурно-идеологический. Практически все виды искусства, культуры в той или иной степени использовались в качестве инструментариев и проводников агрессивного «антиамериканизма» в СССР, хронологически совпавшего с не менее мрачным периодом в истории США — маккартизмом. Открывается взаимная «охота на ведьм», наиболее тесно сопряженная с театрално-кинематографической сферой. 19 июня 1947 г. на заседании художественного совета Министерства кинематографии СССР обсуждался фильм Г. В. Александра «Весна». В. Г. Захаров, Д. Заславский, А. А. Сурков и Л. Ф. Ильичев обвинили режиссера в «американизме». В связи с этим было составлено постановление по сценарию к/ф, в котором говорилось: «Крупнейшим пороком материала является *низкопоклонство перед западом*, рабское подражание американским буржуазным кинообразцам, слепое некритическое перенесение на советскую почву образов, ситуаций, поведения, трюков и даже внешней обстановки американских картин, в результате чего получается фальшивое изображение советского общества. <...> [25].

Осенью 1947 г. в газете «Комсомольская правда» был опубликован ряд гневных писем, адресованных министру кинематографии СССР И. Г. Большакову и содержащих недовольство «протаскиванием» зарубежных фильмов на советский экран, с чем солидаризировался и секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов [29, ф. 17, оп. 133, д. 340, л. 57—58]. Секретарь

ЦК ВКП(б) М. А. Суслов в докладе, посвященном 25-й годовщине со дня смерти Ленина, отмечал, что «американская “культура” цинично воспекает захватнические замыслы американских империалистов, оправдывает всечуждое угнетение, превозносит самые низменные, звериные инстинкты» [8, с. 9]. Подобная риторика совпала с ужесточением антикоммунистических настроений в США, где осенью 1947 г. под контролем воинственного сенатора Дж. Маккарти проводились заседания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, прошел т. н. процесс над «Голливудской десяткой» — 10 сценаристами и режиссерами, обвиненными в *коммунистической пропаганде средствами кино*. Среди тех, кто оказался на скамье подсудимых, были Джон Говард Лоусон, Альберт Мальц, Дальтон Трамбо и Альва Беси — участник «антифашистского фронта» в Испании, чье присутствие там было квалифицировано как форма «антиамериканской деятельности, инспирированной коммунистами» [5, с. 4].

1949 год многими исследователями с полным правом именуется «официальным годом» антиамериканской пропаганды [16], что имеет под собой реальное основание в силу того, что в апреле-мае 1949 г. в СССР был даже разработан специальный «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время», который предусматривал «систематическое печатание материалов, статей, памфлетов, разоблачающих агрессивные планы американского империализма, антинародный характер общественного и государственного строя США, развенчивающих “басни” американской пропаганды о “процветании” Америки...» [29, ф. 17, оп. 132, д. 224, л. 48—52].

Громкий резонанс вызвало «дело» режиссера Л. З. Трауберга, импульсом-сигналом для которого послужила опубликованная 3 марта 1949 г. в «Правде» статья министра кинематографии И. Г. Большакова «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве» [26], в которой проводился акт идейно-политического разоблачения: «Будучи председателем ленинградского Дома кино, лектором и преподавателем Ленинградского университета, Трауберг в своих выступлениях и лекциях восхвалял буржуазное кино, доказывал, что наше советское киноискусство является порождением американского, что оно росло и формировалось под влиянием американских, французских, немецких режиссеров, операторов и актеров. Вся “деятельность” Трауберга в кинематографии проходила под знаком оголтелого буржуазного эксцентризма — разновидности формализма» [там же]. На этой волне последовал государственный заказ на целенаправленную трансляцию имагогических стереотипов, для усиления которых был использован предельно демонизированный образ Америки, культурное пространство которой ассоциировалось с мрачными экзистенциально-урбанистическими интерьерами, присутствующими в одном из тематических очерков М. Горького — «Город Желтого Дьявола» [29, ф. 17, оп. 132, д. 251, л. 48].

В то же время развернувшаяся масштабная кампания по борьбе с «безродным космополитизмом», «преклонением перед буржуазной культурой», составным компонентом которых стала и антиамериканская экспрессия, не стала препятствием для активной эксплуатации т. н. «трофейного фонда» и демонстрации зарубежных фильмов, по своему содержанию не только не совпадавших с аксиологическими установками коммунистической идеологии, но и нередко противоречивших ей. Открытие подобных «идеологических шлюзов» в сфере кинематографа неоднозначно воспринимается исследователями. Верно констатируя неизбежность сосуществования

политических и коммерческих интересов в развитии советской киноиндустрии и медиа-пространства, целенаправленное принятие мер для предотвращения избыточной навязчивости официальной пропаганды [36], о чем предостерегал еще В. И. Ленин [34, с. 40], в то же время, как представляется, некоторые историки преувеличивают опасность «информационной диверсии», заключавшейся в том, что только по факту обильного присутствия иностранных фильмов «советская идеология была поставлена под удар» [33, с. 193].

В действительности — и это подтверждают архивные материалы — советское, сталинское руководство не только не испытывало никаких «комплексов» и чрезмерной обеспокоенности из-за «засилья иностранщины» или, тем более, не конкурентоспособности советской кинопродукции, а придерживалось стратегии уверенного идейно-политического доминирования. Это недвусмысленно подтвердил секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов на заседании комиссии Оргбюро ЦК ВКП(б) 14 января 1948 г., ссылаясь на Сталина: «Тов. Шепилов напрасно поджигает вопрос относительно 350 американских фильмов. Тов. Сталин неоднократно высказывался, что мы гоняться за Голливудом не будем, потому что в связи с высокими идейно-пропагандистским содержанием наших фильмов мало интересуется, чтобы фильм быстро сошел, уступив место другому. *Мы не можем сажать фильм на фильм как в пироге — слойку на слойку. У нас не коммерческий подход*» [29, ф. 77, оп. 3, д. 23, л. 43]. Поэтому и в дальнейшем советское руководство, привыкшее к феномену писем, обращений во власть [1] лишь при необходимости использовала фигуру «маленького человека», «героя-разоблачителя», неустанно напоминая, что тот или иной фильм (например, «Роз Мари», США, 1936 г.) угрожает обороне советского государства, направлен на «подрыв его идейной, психологической мощи в будущей войне» [29, ф. 17, оп. 132, д. 429, л. 51 об.].

Важно подчеркнуть, что значительным мотивационным фактором упомянутой терпимости к «буржуазной фильмотеке» выступало стремление к достижению *контрпропагандистского эффекта*. Как сообщал осенью 1950 г. первый заместитель заведующего Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. С. Кружков Г. М. Маленкову, комментируя одно из разоблачительных писем, «среди отобранных для демонстрации фильмов *американского производства* имеются кинофильмы, по существу, разоблачающие американскую псевдодемократию и антинародную политику империалистических кругов. Такие фильмы, как «Сенатор», «Виа-Вилья», «Мистер Литс едет в большой город», «Гроздь гнева», «Последний язычник» — о зверской колониальной политике американцев на островах Тихого океана и др. — имеют определенный познавательный интерес для советского зрителя и *их демонстрирование является желательным*» [там же, л. 55].

В то же время, именно на начало 1950-х гг. приходится один из масштабных всплесков «холодного» противостояния на культурно-идеологическом, кинематографическом «фронте», что было связано с конфликтом интересов СССР и США в Корее. Корейская война (1950—1953) вызвала настоящее агитационно-пропагандистское состязание, соревнование медиа-текстов взаимно обличительной тематики. Так, самыми известными кинопроизведениями, вышедшими в СССР в эти годы стали: «Прощай Америка» (реж. А. Довженко, 1951 г.), сценарий которого составлялся по мотивам книги А. Бюкар «Правда об американских дипломатах», демонстрирующая нравы в американском посольстве в Москве; монументальная картина позднего сталинизма «Заговор обреченных» (реж. М. А. Калатозов, 1950 г.),

повествующая о планах американских империалистов аннексировать и уничтожить «прогрессивный бастион социалистической государственности», превратив его в 49-й штат США; «Секретная миссия» (реж. М. Роом, 1950 г.) — о героической миссии советской разведчицы; «Серебристая пыль» (реж. А. Ромм, 1953 г.) — на тему производства оружия массового поражения и др.

В соответствии со специальными решениям ЦК ВКП(б), вышедшими в начале 1950 г., предписывалось «организовать демонстрацию советских художественных фильмов, показывающих борьбу с международной реакцией и поджигателями войны: «Русский вопрос», «Встреча на Эльбе», «Суд чести», а также выпущенных на закрытые экраны американских фильмов, критически отображающих американскую действительность — «Сенатор», «Побег с каторги» и «Дорога бедствий» [там же, д. 251, л. 48]. В плане производства полнометражных документальных и научно-популярных фильмов на 1950 г. числились следующие киноленты: «1 мая 1950 года», «День Воздушного флота СССР», «Победа китайского народа», «Демократическая Корея» и др. [там же, д. 428, л. 21].

Не менее активным был *медиа-штурм* и в США. Вызвали заметный резонанс кинокартины: «Железный занавес» (1948), «Берлинский экспресс» (1948), «Красный Дунай» (1949), «Красная угроза» (1949), «Мой сын Джон» (1952), «Решающий час наступает» (1952), впоследствии причисленные советской историографией и киноведением к «фашистско-фрейдистским» [18]. В ряде фильмов крайне негативная репрезентация социокультурного пространства СССР и гендерного порядка как его составляющей выступили «элементом конструирования “красной угрозы”» [31, с. 29]. Только за 1952 г. по подсчетам исследователей в США «российская тема была так или иначе затронута в 16 фильмах» [42, с. 8], не включая в этот список картины с «говорящими» названиями, в которых отчетливо просматривается апологетика ведения корейской войны «по-американски»: «Янки в Корее», «Битва за Корею», «Корейский патруль», «Южная Корея», «38 параллель» и т. д. Всю эту статистическую и аналитическую линию можно продолжать.

Подводя итоги, надо отметить следующее: атмосфера взаимной неприязни и отчужденности между СССР и США как двумя геополитическими противниками сложилась еще задолго до начала «холодной войны» в ее классическом понимании. Именно в межвоенный период проявились многие идеологические стереотипы [32], имагемы и риторические клише, составившие кластер, «портфолио» негативного восприятия *другого*, размежевания по принципу культурно-цивилизационной дихотомии «**Мы** — **Они**». В СССР США воспринимались как главный субъект «капиталистического окружения», очаг «буржуазного имморализма», в США, принявшими определенное участие и солидаризовавшимися с интервенцией и «белыми» силами в годы Гражданской войны, а затем поддержавшими политику изоляции и дипломатического непризнания «страны Советов», также началась, как уже было сказано, «стигматизация» и гиперболизация «красной угрозы». Заложником — зеркалом, инструментом информационных манипуляций и неким маятником-индикатором этих сложных, напряженных отношений стало в 1920—1950-е гг. кинематографическое искусство, динамика развития которого отразила антиномичные фазы сотрудничества, терпимости и конфронтации.

Библиографический список

1. Анонимное письмо в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) о пропаганде американского образа жизни через советский киноэкран [Ранее 3.11.1950] // Кремлевский кинотеатр. 1928—1953 : документы. М. : РОССПЭН, 2005. С. 851—856.
2. Антонова И. А. Американское кино во Франции после Второй мировой войны: культурная политика или глобализация // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 1. С. 58—65.
3. Багдасарян В. Э. Образ врага в советских исторических фильмах 1930—1940-х гг. // Отечественная история. 2000. № 6. С. 31—46.
4. Бейдина Т. Е., Эрдынеева К. Б., Макарова Т. Б., Макарова Ю. О. Роль пропаганды в государственной внутренней и внешней политике США и в системе управления миром // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 12. С. 44—52.
5. Бесси А. Люди в бою. И снова Испания. М. : Прогресс, 1981. 400 с.
6. Боброва В. Д. Начало «холодной войны» (1945—1953) // Вестник МГУП им. И. Федорова. 2012. № 11. С. 23—29.
7. Большаков И. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. М. : Госкиноиздат, 1950. 233 с.
8. Большевик. 1948. № 2.
9. Бондарева Е. Е. К вопросу о зарождении понятия «American Dream» — «американская мечта» // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 5. С. 82—86.
10. Журина Е. Н. Советский Союз и США: движение навстречу друг другу (вторая половина 1920-х — 1933 годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 24 с.
11. Закиров О. А. Исторические фильмы СССР 1936—1946 гг. : (патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 20 с.
12. Захаров Д. В. Кино США в период великой депрессии. Фаза «социального беспокойства» // Вестник ВГИК. 2013. № 16. С. 17—32.
13. Зельдин В. М. Моя профессия: Дон Кихот. М. : АСТ-ПРЕСС, 2005. 363 с.
14. Кащенко Е. С., Марыгина А. С. Русские в Голливуде: творческие контакты в XX в. // Новейшая история России. 2012. № 3(5). С. 106—116.
15. Кино: организация управления и власть. 1917—1938 гг. : документы. М. : ПЭН, 2016. 606 с.
16. Киреева И. В. М. Горький в документах ЦК ВКП(б), посвященных антиамериканской пропаганде конца 40 — начала 50-х гг. XX века : (по материалам архива А. Н. Яковлева) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6(1). С. 383—389.
17. Кодекс производства кинофильмов 1930-го года. «Кодекс Хейса» // Сеанс. 2009. Май. № 37/38. URL: http://seance.ru/n/37-38/flashback-depress/hays_code/ (дата обращения: 01.09.2018).
18. Колодяжная В. С. Кино Соединенных Штатов Америки (1945—1960). М. : [б. и.], 1963. 52 с.
19. Коньшев В. Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. СПб. : Наука, 2009. 178 с.
20. Крамник И. Все очень плохо: почему новая холодная война опаснее старой. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/08/22/notgood/> Август 2016 г. (дата обращения: 25.06.2018).
21. Кускова С. А. Почему началась «холодная война»? // История отечественных СМИ. 2013. № 1. С. 59—65.
22. Лукас Э. Новая холодная война: Как Кремль угрожает России и Западу. СПб. : Питер СПб., 2009. 317 с.

23. *Мутагиров Д.* Миф о конце «холодной войны» // Свободная мысль. 2016. № 1(1655). С. 19—32.
24. *Петрикевич Е. Д.* Проблема стигматизации социализма в США // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3(24) С. 109—114.
25. Постановление художественного совета Министерства кинематографии СССР по материалу картины «Весна» // Киноведческие записки. 2002. № 57. URL: <https://chapaev.media/articles/2554> (дата обращения: 25.09.2018).
26. Правда. 1949. 3 марта.
27. Пути кино. Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии / под ред. Б. С. Ольхового. М. : Теа-кино-печать, 1929. 465 с.
28. *Разлогов К. Э.* Конвейер грез и психологическая война. Кино и общественно-политическая борьба на западе в 70—80-е годы. М. : Политиздат, 1986. 236 с.
29. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
30. *Рябов О. В.* «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе холодной войны (1946—1963) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4(65). С. 44—57.
31. *Рябов О. В.* «Советский враг» в американском кинематографе холодной войны: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2011. № 2(59). С. 20—30.
32. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Стереотипизация как механизм символической политики // Герценовские чтения 2018. Актуальные вопросы политического знания : научно-практическая конференция с международным участием. 24 апреля 2018. СПб., 2018. С. 23—28.
33. *Ряусова Д. Н.* «Что сегодня нам покажет товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 1(21). С. 185—196.
34. Самое важное из всех искусств. Ленин о кино : сб. док. и материалов / сост. А. М. Гак. М., 1973. 244 с.
35. *Сенникова В. В., Савельева Е. Н.* Образ героя в отечественном кинематографе: от образцовой модели соцреализма к неопределенности постсоветского времени // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2017. № 27. С. 251—262.
36. *Сизов С. Г.* Кинополитика и кинопрокат на Алтае во времена «ждановщины» (1947) // Архитектурно-строительный и дорожно-транспортный комплексы: проблемы, перспективы, новации : материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 2016. С. 1144—1147.
37. Советский экран. 1925. № 4(14).
38. *Соловьева В. В.* Советская действительность в художественных фильмах 1930—1940-х гг. : идеология быта и повседневность идеологии // Вестник гуманитарного университета. 2017. № 2(17). С. 99—109.
39. СССР и США в XX веке: восприятие «другого». М. : РОССПЭН, 2017. 256 с.
40. *Теплиц Е.* Кино и телевидение США. М. : Искусство, 1966. 303 с.
41. *Тимофеева Н. Г.* У истоков американского жанрового кино. Влияние конфликта между Голливудом и ортодоксальной частью зрителей на формирование содержания кинофильмов первой половины XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 18, № 44. С. 272—275.
42. *Федоров А. В.* Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946—1991) до современного этапа (1992—2010). М. : Изд. МОО «Информация для всех», 2010. 202 с.
43. *Филитов А. М.* «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М. : Наука, 1991. 198 с.
44. *Фролова Н. С.* Америка и американцы в восприятии советского общества в 1920—1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. 225 с.

45. Фролова Н. С. Образ Америки и американцев в советском кинематографе 1930-х гг. : (на примере фильма «Цирк») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 32. С. 206—213.
46. Халилов В. М. Кино и современное общество США // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. 2001. № 4. С. 102—112.
47. Халилов В. М. Общественно-политическая роль кинематографа США во второй половине XX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 253 с.
48. Цыркун Н. А. Протестантский морализм и американский кинематограф // Американский характер : очерки культуры США. М. : Наука, 1991. С. 319—334.
49. Юдин К. А. Кинематографическое искусство в отечественных исследованиях 1920 — начала 1940-х гг. и проблемы современной историографической ретроспекции // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С. 58—70.
50. America and the origins of the cold war / ed. by J. V. Compton. Boston : MA et al; Houghton Mifflin, 1972. 192 p.
51. Belmonte L. Selling the American Way: U.S. Propaganda and the Cold War. Philadelphia : University of Pennsylvania press, 2008. 255 p.
52. Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: the Tradition of the Other in Western Political Thought and History. Westport : Praeger Publishers, 2000. 232 p.
53. Kirby D. Religion and the Cold War — An Introduction // Religion and the Cold War / edited by D. Kirby. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2003. P. 1—22.
54. Osgood K. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. Lawrence : University Press of Kansas, 2006. 512 p.
55. Prince S. Classical film violence: designing and regulating brutality in Hollywood cinema, 1930—1968. New Brunswick ; New Jersey, and London : Rutgers University Press, 2003. 342 p.
56. Propaganda and the Cold war: a Princeton university symposium / ed. by J. B. Whitton. Washington : Public affairs press, 1963. 119 p.
57. Robin R. The Making of the Cold War Enemy Culture and Politics in the Military-Intellectual Complex. Princeton : Princeton University Press, 2001. 296 p.
58. Schatz T. Boom and bust: American cinema in the 1940's. History of the American cinema. Vol. 6 : 1940—1949. N. Y. : University of California Press, 1999. 571 p.
59. Shaw T. Martyrs. Miracles and Martians': Religion and Cold War Cinematic Propaganda in the 1950's // Religion and the Cold War / ed. by D. Kirby. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2003. P. 211—231.
60. Shawn J. Parry-Giles. The rhetorical presidency, propaganda, and the Cold War. 1945—1955. Praeger Publishers, 2002. 264 p.
61. The Cold War and the Nordic countries: historiography at a crossroads / ed. by Thorsten B. Olesen. Odense : University Press of Southern Denmark, 2004. 194 p.
62. The Quarter's Poll. The public Opinion Quarterly. 1946. Vol. 2. P. 246—287.

ББК 63.3(2)53-453

М. А. Балахонова, В. С. Околотин

РОЛЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПАЛОМНИЧЕСТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Рассматривается история, основные направления деятельности, итоги, а также роль Императорского Православного Палестинского Общества в организации русского православного паломничества на Святую Землю в XIX—XX вв.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, организация паломничества до 1917 года, паломничество, периодизация деятельности общества, Сергиевское подворье.

This article is devoted to the history, main lines of activity, results and the role of Imperial Orthodox Palestine Society in the organization of Russian orthodox pilgrimage in XIX—XX centuries.

Key words: Imperial Orthodox Palestine Society, organization of pilgrimage until 1917, pilgrimage, periodization of the Society's activities, Sergievsky metochion.

Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) — международная научная и гуманитарная организация, созданная в России в 1882 году, уставными задачами которой являются содействие православному паломничеству на Святую Землю, научное палестиноведение, востоковедение и гуманитарное сотрудничество с народами Ближнего Востока.

Вначале необходимо рассказать о **периодизации деятельности Общества**. С момента основания до 1905 года Палестинское Общество возглавляет великий князь Сергей Александрович. Это «сергиевская» эпоха в жизни ИППО. Она была, как считают некоторые историки, наиболее активной, творческой и по части научных достижений и особенно по строительным проектам. За Сергиевским подворьем следует Николаевское подворье в Иерусалиме, подворье имени Сергия Александровича в Назарете. Палестинское Общество полностью финансирует и осуществляет строительство Церкви преподобного Сергия Радонежского в Маджедиле [2].

Что касается второго периода с 1905 до 1914 года, тут следует указать на то, что произошла смена руководящих кадров в Палестинском Обществе, связанная с трагическими утратами. В 1903 году умер основатель, душа Палестинского Общества Василий Николаевич Хитрово. В 1905 году бомбой террориста убит председатель и основатель Общества Великий князь Сергей Александрович. Год спустя в 1906 году умирает второй секретарь Палестинского Общества Алексей Петрович Беляев — бывший русский консул в Дамаске. Это

© Балахонова М. А., Околотин В. С., 2018

было тяжелое время и для России: время русско-японской войны, время первой русской революции. Та народная поддержка, которой все время жило Палестинское Общество, а ведь достаточно сказать, что одним из главных, внебюджетных источников финансирования Палестинского Общества был всенародный Вербный сбор. Каждое Вербное Воскресение в праздник Входа Господня в Иерусалим по всем храмам и монастырям России собирались средства — народные пожертвования в пользу Палестинского Общества, в пользу Русской Палестины — русского дела в Святой Земле. Сборы резко сокращаются в период первой русской революции и русско-японской войны. Россия начинает испытывать первые серьезные трудности и потрясения. Во главе общества стояла в это время вдова великого князя Сергея Александровича великая княгиня Елисавета Федоровна. Но Елисавета Федоровна после гибели своего супруга постепенно все более уходила во внутреннюю духовную жизнь, в духовный подвиг, в храмостроительство, в обустройство основанной ею Марфо-Мариинской общины милосердия в Москве, поэтому не могла оказывать такого же внимания Палестинскому Обществу, как великий князь Сергей Александрович. Произошло и некоторое изменение в научном руководстве Общества. Вместо очень активного и очень напористого по характеру и темпераменту В. Н. Хитрово, секретарем Палестинского Общества становится замечательный ученый, великий византист Алексей Афанасьевич Дмитриевский. Он будет секретарем Общества до 1918 года. А во главе печатных изданий Общества и прежде всего журнала «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества» становится другой великий русский византист Степан Иванович Соколов — профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. Невольным образом Общество принимает более научный характер. Начинается XX век, и в течение него Общество все более, как бы самими обстоятельствами, загоняется собственно в научную проблематику, все более лишается возможности активно работать непосредственно в Святой Земле [2].

Историю XX века в жизни Палестинского Общества тоже можно подразделить на несколько периодов. Первый — «школа выживания» — это 1918—1925 гг. В этот период ученым кадрам Палестинского Общества удалось его сохранить в чрезвычайно тяжелых идеологических и материальных условиях. Самые невероятные попытки закрыть Общество, ликвидировать его делались со стороны ОГПУ и других советских органов. В 1917 году Палестинское Общество перестало называться Императорским. В 1918 году по обстоятельствам времени оно перестало называться православным и стало Российским Палестинским Обществом при Академии наук. К 1925 году удалось добиться регистрации Общества органами ОГПУ. В 1919 году Академия наук утвердила Устав Общества, в 1922 году подтвердила его. По условиям тогдашнего времени было гораздо важнее зарегистрировать Устав Общества органами ОГПУ. Это было сделано только в 1925 году [2].

С 1925 до 1934 года наступает некое затишье в жизни Палестинского Общества. Проходят научные заседания, делаются доклады. В данный период Общество не имеет собственности и ютится то в Академии по изучению материальной культуры, то в других зданиях, принадлежащих Академии наук. Происходит утрата великолепной библиотеки Палестинского Общества, которая включала более 20 тысяч томов и представляла собой уникальное собрание книг по палестиноведению и по русско-палестинским духовным и культурным связям. Но тем не менее Общество формально существует. Оно

существует даже после смерти в 1934 году последнего его председателя из дореволюционного состава — академика Николая Яковлевича Марра. Его не закрывают, а постепенно собираются заседания, все реже делаются доклады. Общество не закрывается, но перестает реально работать. Так продолжается до 1948 года [2].

В 1948 году наступает новый период, который связан напрямую с событиями на Святой земле. Возникновение государства Израиль резко активизировало попытки со стороны Советского правительства и советской научной общественности по реанимации Палестинского Общества. Большое значение имела имущественная сторона дела. Палестинское Общество оставалось держателем очень существенных недвижимостей в Святой Земле. По договоренности с правительством только что созданного государства Израиль все российские имущества, оказавшиеся по разделу 1948 года по демаркационной линии на израильской территории, были возвращены Советскому Союзу [2].

ИППО оставило огромный след в социальной, духовной и научной сферах жизни общества. Деятельность общества развивалась по трем направлениям: организация паломничества до 1917 г., благотворительная деятельность и научные исследования. К 1914 году общество на правах собственности имело в Палестине, Сирии и Ливане земельные участки общей площадью более 270 гектаров, часть которых была приобретена на собранные в России средства, а часть получена в дар от православных арабов. В свою очередь, Палестинское общество передало ряд земельных участков в дар государству, юридическим представителем которого был русский консул в Иерусалиме и Русской православной церкви. В Иерусалим ежегодно (особенно перед Пасхой) стекалось 10—12 тысяч человек, которые устраивались и обслуживались русскими учреждениями в Палестине. Каждый паломник платил 57 рублей в качестве транспортных расходов за поездку от Петербурга до Иерусалима и обратно и по 13 копеек в день за койку в подворье, за обед из двух блюд и чай. Такая поездка, безусловно, стоила дороже, но Палестинское общество предоставляло дотацию. Большая часть паломников были простые русские люди, которые поездкой в Палестину выполняли свой религиозный долг. А. В. Елисеев писал: «Посетив ещё раз Палестину, я был приятно поражен благотворной деятельностью Общества, уничтожившего или облегчившего многие нужды русского паломничества в Святой Земле» [3].

О просветительской роли Палестинского Общества сказано и написано немало. Только в одном Иерусалиме в 1893 году было 15 школ и классов Палестинского Общества, в которых обучались 1200 детей. В 1912 году в Палестине, Сирии и Ливане работали уже 101 школа и две учительские семинарии, принадлежащие Палестинскому Обществу. В Палестине женская семинария находилась в Бейт-Джала, а мужская — в Назарете. В женской семинарии, где готовились учительницы для женских школ, работали выпускницы петербургской гимназии Стоюниной и курсов Лесгафта. В мужской семинарии в школах преподавали выпускники русских учительских институтов, восточного факультета Петербургского университета и Московского Лазаревского института восточных языков. Программа этих школ соответствовала программам светских школ России и включала русский, арабский, греческий и французский языки, арифметику, географию, священную историю и закон божий. Палестинское Общество создавало и бесплатные больницы, причем на службу принимались даже врачи, окончившие медицинские факультеты протестантских и католических университетов.

В Палестине не было создано (в отличие от протестантов и католиков) русского высшего учебного заведения. Лучшие ученики для продолжения образования выезжали в Россию. Они стали той живой нитью, которая связала Россию и Палестину, послужила взаимному обогащению наших культур. Арабские просветители, писатели и переводчики, окончившие русские школы, перевели на арабский язык произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, М. Горького. Многие, приезжая в Россию, оседали в нашей стране и принимали участие в подготовке русских и советских востоковедческих кадров [3].

Результаты успешной деятельности ИППО были высочайше отмечены императором Николаем II в специальном рескрипте, зачитанном в его присутствии на юбилейном торжественном собрании Общества в 1907 г.: «Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в два миллиона рублей, оно имеет 8 подворий, где находят приют до 10000 паломников, больницу, 6 лечебниц для проходящих, весьма многими посещаемых и 101 учебное заведение с 10400 учащимися; за 25 лет им выпущено 347 изданий по палестиноведению» [6].

Трудно переоценить вклад ИППО в дело организации паломничества из России к святым местам. Общество не просто способствовало развитию многовековой традиции паломничества, но и сделало все возможное, чтобы облегчить этот путь. Оно не делало различий между паломниками. Человек, независимо от своего материального положения и социальной принадлежности, решившийся на столь трудный и ответственный шаг в своей жизни, на всем протяжении странствия к святым местам ощущал заботу Общества и Отечества [6].

Огромную роль Общество сыграло в развитии отечественного востоковедения. В его изданиях — «Православном Палестинском сборнике», частью — в «Сообщениях» и «Отчетах» — опубликованы важные работы, посвященные истории и культуре народов Ближнего Востока, ряд литературных памятников, принадлежащих отечественной культуре. Уже при своем появлении эти издания приобрели международную известность и признание [6].

После Октябрьской революции существование Императорского Православного Палестинского Общества удалось сохранить исключительно благодаря авторитету его членов — известных в стране ученых, — однако, лишь в одном виде деятельности — научном. Из названия Общества изъяли «Императорское» и «Православное», оно стало именоваться «Российским Палестинским Обществом», а его периодическое издание «Православный палестинский сборник» стало называться просто «Палестинским сборником». В трудные послереволюционные годы Общество смогло противостоять натиску новой эпохи и внесло собственный вклад в развитие отечественной науки. До конца 1920-х гг. оно жило интенсивной научной жизнью. Но в 1930—1940-е гг. его деятельность заглохла, хотя формально Общество не прекратило своего существования. Новый подъем обозначился в начале 50-х гг. Возобновились научные занятия, причем не только в Ленинграде, как прежде, но и в Москве. Отделения общества появились в Горьком, Ереване, Тбилиси. Тем не менее первый после революции выпуск «Палестинского сборника» состоялся лишь после смерти Сталина, в 1954 г. Он имел в скобках номер «63», что подчеркивало преемственность послереволюционного Палестинского Общества с дореволюционным. Однако в редакционной статье говорилось практически только о научном значении Общества, которое стало

к концу века мощной научной организацией, в работе которой приняли участие все крупнейшие русские ученые своего времени. Всесторонние исследования были предприняты востоковедами, классиками, византистами, славистами, специалистами по древнерусской литературе, искусствоведами и археологами [6].

Только через 75 лет, в 1992 году, Президиум Верховного Совета РСФСР вернул Обществу его историческое название, рекомендовал Правительству принять меры к восстановлению его традиционной деятельности, возвращению ему имущества и прав. В 1993 году Общество было перерегистрировано Министерством юстиции РФ в качестве правопреемника и дореволюционного Императорского Православного Палестинского Общества, и Российского Палестинского Общества советского времени [6].

В 1990-е годы были воссозданы также духовные связи, связывающие Общество с Русской православной церковью. Эта связь приобрела совершенно особый характер с того момента, когда Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II принял возрождающееся Общество под свое непосредственное покровительство и возглавил Комитет почетных членов ИППО [6].

Таким образом, периодизация деятельности общества представляет из себя ряд непростых эпох, в течении которых организация то «расцветала», создавая для народа что-то новое, то переживала серьёзные трудности, связанные то со сменой кадров, то с войной, то с попытками ликвидации со стороны власти, несмотря на которые она всё равно смогла «выжить» и продолжить свою деятельность в социально-экономическом, научном и других направлениях.

Огромную роль сыграло Императорское Православное Палестинское Общество в **организации паломничества до 1917 г.** Путешествие совершали верующие люди всех сословий, но абсолютное большинство составляли крестьяне (которые составляли около 80 % населения) и мещане. Также, поскольку цель совершения была религиозная, то и в большей степени люди, совершающие паломничество, обладали определённой духовной культурой и набожностью, передаваемыми из поколения в поколение: то были старцы, благочестивые монахи и духовники, желающие посетить свои «родные» места обитания [4].

Паломничество — это своего рода «религиозный туризм», который требовал не только духовной, но и социально-экономической составляющей. Уже с 10 февраля 1883 года Общество ввело так называемые паломнические книжки, по приобретении которых паломникам предоставлялся удешевленный проезд поездом до Одессы и пароходом из Одессы в Яффу и обратно. По данным статистики 97,5 % русских паломников не могли себе позволить удобства плавания: первым классом за 16 лет отправились в Святую Землю лишь несколько десятков человек, вторым классом — 570 человек, а 22,5 тысяч человек плыли самым дешевым третьим классом. Так, например, билет III класса от Одессы до Яффы по обыкновенному тарифу стоил 20 руб. 50 коп. в один конец, тогда как билет, взятый по паломнической книжке, обошелся 24 руб. в оба конца [5, с. 316].

Основными документами паломника для совершения путешествия были паломническая книжка и загранпаспорт. Паломнические книжки, приобретаемые у Общества, были действительны в течение года со дня их выдачи и давали право останавливаться по пути следования на узловых станциях

железных дорог, до которых имелись специальные купоны. Книжки выдавались исключительно лично уполномоченными Императорского Православного Палестинского Общества во многих городах России. Для оформления заграничного паспорта существовала специальная процедура. Считалось необходимым, чтобы паспорт не был просрочен, а видами на жительство в России признавались: для духовных лиц, монашествующих и служащих — разрешение их начальства; для отставных — указ об отставке; для почетных граждан и купцов — свидетельство городских и купеческих управ; для мещан — плакатные паспорта мещанских управ, для крестьян — плакатные паспорта волостных управлений. Лица мужского пола, достигшие 18 лет, должны были иметь свидетельства о приписке к призывному участку для отбытия воинской повинности. Лица в возрасте 21 года должны были иметь свидетельства об отбытии воинской повинности или же в зачислении их в ратники ополчения, если об этом не имелось отметки в паспорте. При наличии этих требуемых документов нужно было получить в полицейском управлении, где проживал паломник, свидетельство о неимении препятствий на выезд за границу. Причем городские жители получали это свидетельство от полицмейстера, а живущие в селах и деревнях — от исправника. Далее паломники предоставляли вид на жительство и полицейское свидетельство своему местному губернатору по месту жительства и просили его о выдаче проходного билета на поездку в Иерусалим [1, с. 6—7].

Главным пунктом отправки паломников в Иерусалим и на Афон был город Одесса. Кроме Одессы паломники отправлялись из России и возвращались обратно по прямым паломническим билетам через Таганрог, Новороссийск и Батум. По прибытии в Одессу паломники могли останавливаться в ожидании отхода своего парохода на подворьях Афонских монастырей: Пантелеимоновского, Андреевского и Ильинского. Как правило, послушники этих монастырей встречали паломников и сопровождали их вместе с багажом на подворья. Большинство паломников размещались в общих палатах, а для желающих больших удобств, предоставлялись отдельные номера. На подворьях паломники получали питание и чай, причем за проживание и еду не было конкретно установленной платы, все зависело от желания пожертвовать самих приезжающих. Специально приставленный к паломникам послушник или монах разъяснял все технические подробности и тонкости проезда в Святую Землю и на Афон, а если возникали какие-то серьезные вопросы или недоумения, то паломники могли обратиться к уполномоченному обществу, проживавшему постоянно в Одессе. Также паломники передавали монаху или послушнику подворий свои документы для прописки их в департаменте полиции и для оформления загранпаспорта [там же, с. 10].

Пароходы с паломниками прибывали в Яффу большей частью по утрам и их свозили на берег в лодках, доставляемых Русским обществом пароходства и торговли (без новой платы), под наблюдением проводников (кавасов). К началу XX века переезд с парохода на Яффский берег был настолько упорядочен, что не представлял никакой опасности для жизни и поэтому паломники могли не тревожиться ни за свою жизнь, ни за судьбу своего багажа, который перевозился на особых баркасах и доставлялся непосредственно на вокзал железной дороги. Общество не несло ответственность за багаж и рекомендовало наиболее ценный багаж иметь при себе, но ни в коем случае не на виду у всех, в карманах или в руках, чтобы не потерять его

или посредством обмана или хищения местных проходимцев. Денег на руках рекомендовалось иметь не много (около рубля мелочью), остальные рекомендовалось зашивать в подкладке или во внутренних карманах. Те паломники, которые не имели паломнических книжек, должны были иметь при себе 4 руб. для уплаты на железной дороге за билет II класса до Иерусалима и обратно. При возникновении каких-либо проблем или трудностей паломники должны были обращаться к проводникам (кавасам) Палестинского Общества, имевших на шапке светло-бронзовый металлический знак с Российским гербом. Паломникам настоятельно рекомендовалось не входить ни в какое общение с местными назойливыми проводниками — арабами и греками, чтобы жестоко не поплатиться впоследствии за свою доверчивость и неопытность [там же, с. 16].

Во время совершения путешествия на корабле паломники могли воспользоваться питанием, согласно купленными ими билетами. Паломники I и II классов получали питание в общих столовых в назначенное время. За полное суточное питание, состоящее из утреннего чая, завтрака, обеда и вечернего чая, взималось: в I классе 10 фр. (3 руб. 75 коп.), во II классе 8 фр. (или 3 руб.). Кроме того, в столовых I и II классов можно было получать и отдельные порции, например ветчины, сыра, икры, хлеба, масла и др. продукты, уплачивая за них золотом или кредитными рублями по курсу. Цены в этом буфете утверждались Обществом Пароходства и поэтому ничего лишнего с пассажиров не бралось. Паломники III класса имели возможность получить на пароходе горячую воду для чая из паровой кухни, уплачивая по 2 коп. за чайник. При получении же горячей воды из паровых кубов, устраиваемых на палубе во время большого скопления паломников, платы не бралось. Паломники III класса при желании могли воспользоваться услугами корабельного буфета, а также заказать себе отдельные завтраки и обеды со скидкой по предварительному соглашению с дирекцией ресторана парохода [там же, с. 17].

Пароходы, отплывающие из Одессы, по пути, как правило, посещали Константинополь. Паломники во время стоянки парохода отправлялись на берег на отдых на подворья Афонских монастырей: Пантелеимоновского, Андреевского и Ильинского, монахи которого выезжали к каждому прибывавшему пароходу, уплачивая за переезд в оба конца 20 коп. Паломники, прибывавшие из Севастополя и Батума в ожидании прихода парохода из Одессы, идущего в Яффу или на Афон, должны были съезжать на берег и останавливаться в одном из вышеуказанных подворий. Им предоставлялось жилье, продовольствие и чай, за которые не было определенной платы, каждый паломник давал пожертвования по своему желанию. Под видом монахов афонских подворий нередко приходили другие лица, злоупотребляющие сбором пожертвований и поэтому паломникам предписывалось сначала выяснить, от какой обители высланы монахи или послушники. Обычно пароходы стояли не более 1,5 суток в Константинополе и наиболее усердные паломники успевали посетить святыни Константинополя: Св. Софию, патриархию, где находились мощи Соломонии, матери Маккавеев, кафедру св. Иоанна Златоуста, Влахерны, где было видение св. Андрею, Христа ради юродивому, Покрова Богородицы и Балуклеи со священным источником. Эти паломничества осуществлялись в сопровождении монахов подворий или с проводниками, рекомендованными заведующими подворьями, иначе

паломники могли подвергнуться наглому обирательству различных проходимцев [там же, с. 18].

Пароходы прибывали в порт Яффы ранним утром, а перед поездом, отходящим в Иерусалим в час дня, оставалось значительное время, и паломники в сопровождении кавасов посещали или греческий Георгиевский монастырь, стоящий у берега моря или дом и апельсиновый сад, принадлежавший Русской Духовной Миссии с храмом св. ап. Петра и правд Тавифы. Как в греческом, так и в русском монастырях, паломники получали радушный прием и в небольших количествах могли иметь здесь временный ночлег. Около часу дня паломники отбывали по Яффо-Иерусалимской железной дороге на чрезвычайно медленно движущемся поезде, который, несмотря на незначительность расстояния — всего 82 версты, находился в пути 6 часов, делая в час не более 15 верст [там же, с. 22].

В семь часов вечера паломники прибывали в Иерусалим на железнодорожный вокзал и в сопровождении кавасов, как правило, пешком отправлялись на русские постройки. Те, кому было трудно идти пешком и имели такую материальную возможность, могли нанять стоящие у вокзала коляски, даже на 4 человека за плату от 75 коп. до 1 руб. 50 коп. После того как паломники приходили на русские постройки и размещались в соответствующих подворьях согласно их паломническим книжкам, они шли в домовую церковь св. царицы Александры Русской Духовной Миссии, где иеромонахи Миссии, а иногда и сам архимандрит или начальник Миссии совершали для них благодарственный молебен за благополучное прибытие на Святую Землю. Из церкви паломники шли в народную трапезную III класса помещавшуюся на Сергиевском подворье, где получали благотворительный ужин и расходились затем по своим приютам на покой. На следующий день паломники получали свой багаж через администрацию железной дороги в конторе Управления подворьями, а также отдавали на хранение свой паспорт, паломническую книжку и пароходный билет, внося в залог 5 руб. которые потом забирали обратно по отъезду из Иерусалима. Также уплачивался один рубль на русскую больницу с правом в случае необходимости воспользоваться в ней бесплатным лечением и содержанием. Первые две недели по приезду в Иерусалиме паломники, остановившиеся в общих палатах, ничего не платили за помещение, а после этого срока, если желали продолжить пребывание на русских постройках, то платили за помещение 3 коп. в день с человека. Чемоданы, сундуки и другие тяжелые вещи сдавались на хранение в особые кладовые при каждом здании подворья. Для тех, кто хотел жить не в общих палатах, на русских постройках предоставлялись отдельные комнаты, которые в зависимости от обстановки делились на три класса. Комнаты I и II класса, прекрасно меблированные и снабженные всем необходимым для продолжительного в них пребывания не уступали обстановке современным им европейским отелям. Такие комнаты находились только на Сергиевском подворье. Подворье имело богатую инфраструктуру: комнаты для проживания, трапезную, столовую, водогрейную, баню, а также продовольственную и книжно-иконную лавку [там же, с. 23].

В конце XIX в. русское подворье в Иерусалиме могло дать приют 2 000 человек, оно имело много служб — прачечную, кладовую для вещей, цистерны для дождевой воды, употребляемой для питья [7].

Комнаты III класса с более простой обстановкой находились кроме Сергиевского еще на Николаевском подворье. Комнаты разных классов

имели свои расценки. Соответственно комнаты I класса с одной кроватью и бельем стоила 2 руб. в сутки, а за каждую дополнительную кровать (не более одной в комнате) с комнатным бельем 70 коп. в сутки. В комнатах II класса цена составляла 1 руб. за одну комнату с одной кроватью и комнатным бельем, а за каждую дополнительную кровать (не свыше двух для комнаты) с комнатным бельем 30 коп. в сутки. В основном паломники селились в комнатах III класса, где цена составляла за комнату с одной кроватью, без комнатного белья, от 30 до 50 коп. в сутки. За каждую дополнительную кровать (не свыше трех для комнаты) 10 и 15 коп. в сутки. Желающие иметь комнатное белье (простыню, наволочку и полотенце) уплачивали за каждую кровать в сутки 10 коп. Служащим русских подворий строго воспрещалось принимать от проживающих на подворьях подарки, как денежные, так и вещевые, а также рекомендовать каких-либо торговцев, либо самим продавать что-либо паломникам. Жившие в отдельных комнатах могли сдавать ценные вещи деньги на сохранение, под расписку, в Контору подворий [1, с. 26].

В трапезной можно было получить горячий обед от 12 до 3 ч. дня. Обед состоял из супа или борща, затем на второе, по выбору, подавалась каша, фасоль или горох; кроме того, каждый обедающий получал по одному фунту белого или черного хлеба и кружку квасу. Цена полного обеда, состоявшего из двух блюд с хлебом и квасом составляла 10 коп. За отдельный борщ или суп с хлебом нужно было заплатить 8 коп. за кашу, фасоль или горох, требуемые отдельно, платили 3 коп. [там же, с. 29].

Также на Сергиевском подворье существовали столовые I и II класса. В столовой I класса паломник мог получить за 1 руб. 50 к. полное продовольствие, которое состояло из: утреннего чая или кофе с хлебом и маслом, завтраком из 2-х блюд, обедом из 4-х блюд со сладкими фруктами разных сортов в зависимости от времени года и вечерний чай с хлебом (без масла). В столовой II класса полное продовольствие стоило в сутки 1 руб. и состояло из: утреннего чая или кофе с хлебом без масла, завтрака из 2-х блюд (тот же что и в столовой I класса), обеда из 3-х блюд, считая, в том числе и сладкое, и вечерний чай с хлебом [там же, с. 29].

В дальнейшем подворье было расширено, появилась хлебопекарня, водогрейная, народная столовая и баня. В подворье было три разряда. Низший предназначался для людей малообеспеченных, плата была скромная. Полное содержание стоило 13 копеек в день, сюда входила оплата помещения, обед из двух блюд и горячая вода для чая. I и II разряды стоили соответственно 4 и 2 рубля, здесь останавливалась, конечно, совершенно иная публика. Подворья появились также в Назарете и Хайфе [7].

Рядом с трапезной находилось помещение с водогрейным аппаратом, где можно было в течение всего дня получать горячую воду для чая и других надобностей паломников. За 2 мерки воды, емкостью около 24 чайных стаканов нужно было заплатить всего 2 коп. Обеды и отдельные порции отпускались в трапезной по специальным билетам, а вода из водогрейной по жестянкам. Билеты и жестянки можно было приобрести в лавке общества [1, с. 30].

На Сергиевском подворье для прибывавших в Иерусалим паломников существовала русская баня. За вход в баню не более 1,5 часа, желающие ей воспользоваться, платили 5 паричек (около 10—12 коп.). Кроме того, разрешалось за умеренную плату сдавать белье в стирку. Стирать белье паломники могли в особых для этого устроенных помещениях при общих палатах [там же, с. 31].

Напротив русской больницы располагалась лавка с продуктами, принадлежавшая Палестинскому Обществу. В ней продавались такие продукты и товары, в которых паломники испытывали особенную потребность: белый и черный хлеб, картофель, капуста, соленые огурцы, лук, сушеные грибы, горох, мука, крупа разных сортов, подсолнечное и оливковое масло, соль, макароны, чай, кофе, сахар, варенье, лимоны, сыр, мясные и рыбные консервы и многие другие съестные припасы. Из повседневных товаров в лавке продавались мыло, спички, иголки, нитки, пуговицы, свечи и пр., а также билеты на получение обедов в народной трапезе и жестянки на получение кипятка в водогрейной. Цены в лавке, несмотря на то, что товары выписывались Палестинским Обществом в основном из России, были весьма умеренными [там же, с. 32].

Осенью 1906 года Общество открыло на русских подворьях книжно-иконную лавку, в которой был большой выбор книг священного писания, богослужебных книг, житий святых, изданных Святейшим Синодом, брошюр и листов Свято-Троицкой и Киево-Печерской лавр, народных изданий Палестинского Общества, посвященных подробному описанию Святой Земли, Иерусалима, Вифлеема и других мест, а также икон, крестиков, четок, пальмовых ветвей, священных изображений на атласе и бумаге, ладан и настоящие восковые свечи. Эта лавка располагалась на Николаевском подворье [там же, с. 33].

Таким образом, Общество осуществляло организацию паломничества до 1917 г., беря на себя огромную заботу о путешественниках, включающую документы, проезд, жильё, питание и ряд других удобств.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что Императорское Православное Палестинское Общество пережило немало испытаний на своём пути, внесло огромный вклад в жизнь русского народа, особенно в содействии его духовного паломнического стремления на рубеже XIX—XX вв.

Библиографический список

1. Краткое руководство православным русским паломникам, отправляющимся на поклонение святым местам Востока / Издание ИППО. СПб., 1907. С. 6—29.
2. Лисовой Н. Н. Императорское Православное Палестинское Общество: век XIX—XX—XXI. URL: <http://www.ippo.ru/historyippo/article/imperatorskoe-pravoslavnoe-palestinskoe-obschestvo-200419> (дата обращения: 19.09.2018).
3. Пересыпкин О. Г. Российское Палестинское Общество URL: <http://www.ippo.ru/author/18> (дата обращения: 20.09.2018).
4. Поплавская Х. В. О традиции православного паломничества в России URL: <http://palomnic.org/heritages/history/poplavskaya/> (дата обращения: 21.09.2018).
5. Хитрово В. Н. Какими путями идут русские паломники в Святую Землю // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII, вып. 3. С. 316.
6. Шавердов А. Г. Императорское Православное Палестинское Общество URL: <http://www.ippo.ru/historyippo/article/imperatorskoe-pravoslavnoe-palestinskoe-obschestvo-200391> (дата обращения: 21.09.2018).
7. Юзбашиян К. Н. Палестинское Общество. Страницы истории. URL: <http://www.ippo.ru/historyippo/article/palestinskoe-obschestvo-stranicy-istorii-kn-yuzbas-200399> (дата обращения: 21.09.2018).

*Е. С. Бутрин***ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ КИНЕШЕМСКОГО УЕЗДА
В СОСТАВ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 г.**

Рассматривается процесс присоединения Кинешемского уезда Костромской губернии к новой Иваново-Вознесенской губернии в 1918 г. Автор выявляет отношение к этому процессу разных слоев уездного населения (пролетариата, крестьянства, интеллигенции). Оценивается влияние на эти процессы сложной социально-экономической ситуации и политических мероприятий новой советской власти.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенская губерния, Кинешемский уезд, продовольственный кризис, военный коммунизм, губернский Исполнительный комитет, «Голодный Совет».

The article discusses the process of joining the Kineshma district of the Kostroma province to the new Ivanovo-Voznesensk province in 1918. The author reveals the attitude of different layers of the district's population (proletariat, peasantry, intelligentsia) to this process. The impact the new Soviet government had on these processes of the complex socio-economic situation and political events is evaluated.

Key words: Ivanovo-Voznesensk province, Kineshma district, food crisis, military communism, provincial Executive Committee, «Hungry Council».

Эволюция позиции Кинешемского уезда по вопросу о создании Красной губернии определялась целой совокупностью разнонаправленных факторов — экономических, социальных и политических. С одной стороны, Кинешма послужила базой для создания Исполнительного Бюро Советов Иваново-Кинешемского района, а также Иваново-Кинешемской райпродправы — органов, фактически объединивших территорию губернии еще задолго до I районного Съезда Советов (6—8 декабря 1917 г.). Вторым значимым фактором были достаточно крепкие позиции в городе торговой буржуазии и «буржуазных» организаций — земства и Союза кооперативов (на базе которого действовала Иваново-Кинешемская райпродуправа). Наконец, третьим фактором был продовольственный кризис, оказавший серьезное влияние на позицию местного населения.

Для анализа колебаний политических предпочтений населения Кинешемского уезда в 1918 г. следует обратиться к истории становления советской власти в Кинешме. На земском собрании гласных 30 октября 1917 г. «предпринятая большевиками попытка государственного переворота» подверглась осуждению. Компромисс был достигнут на пленарном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 5 ноября 1917 г. — сформировался Народный совет, в состав которого вошли представители солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, а также уездного земства, городской Думы и профсоюзов. На очередной сессии уездного земского собрания 10 декабря большевики предложили передать «единую политическую власть в уезде» Совету. 14 декабря представители Совета взяли под контроль комиссариатскую Управу — власть в городе окончательно перешла к большевикам.

© Бутрин Е. С., 2018

Но крестьянская масса не имела к ним особого доверия. На уездном земском собрании 19 декабря были оглашены резолюции волостных земств, из которых следовало, что новую власть поддерживали 6 волостей, 12 — оставались на платформе Учредительного собрания, еще 2 — не определились. Перелом случился на 7-м Съезде крестьянских депутатов уезда 28 января 1918 г. На этом форуме было признано большевистское правительство в лице СНК и поддержана власть Советов. Резолюция Съезда по продовольственному вопросу гласила, что кризис может облегчить только «сохранение хлебной монополии». В качестве сопутствующих факторов упоминались «допущение организованного населения» к самостоятельным хлебозаготовкам, борьба со спекуляцией и увеличение объемов обмена продовольствия на мануфактуру. На II Иваново-Кинешемский Съезд Советов были направлены делегаты, которые должны были возбудить ходатайство о передаче продовольственного дела из рук райпродуправы в руки Продовольственной комиссии Иваново-Кинешемского Районного Совета [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 14, л. 21].

18 февраля 1918 г. были объединены Совет рабочих и солдатских депутатов (городской) и Совет крестьянских депутатов (уездный). В президиум объединенного Исполнительного комитета вошли: Г. Г. Цветков (председатель) и его товарищи — И. П. Тулин и А. Н. Сахаров [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 57, л. 22]. Однако в большинстве волостей отношение к новой власти оставалось настороженным. Шевалдовский волостной комитет, назначив на 20 марта 1918 г. волостной сход в селе Шевалдове с целью организации советской власти, извещал уездный Совет, что «сход обещает быть бурным и возможны неприятные эксцессы» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 80, л. 18 — 18 об.]. Попытка организовать волостной Совет была предпринята с целью деморализации кулачества, «которое до сей поры сильно в волости давит бедноту». В результате на волостном сходе произошло столкновение, был убит один красногвардеец-крестьянин. В ответ был выслан отряд Красной гвардии из города и кулацкое выступление подавлено (в ходе вооруженного столкновения были ранены) [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 56, л. 125 об.].

Политическая неопределенность осложнялась также тяжелой продовольственной ситуацией. В январе и феврале 1918 г. выдача хлебного пайка составила 2 фунта на человека, в марте норма была увеличена до 7 фунтов, но затем — вновь снижена до прежнего размера. Все это вызывало серьезное недовольство крестьян, которые требовали от Кинешемского Совета конкретных шагов по решению продовольственного вопроса. На Колшевском волостном сходе 17 февраля было решено «требовать от советских организаций разрешений на свободную закупку хлеба для голодающих», через продовольственные организации, «начиная с волостных». На сходе 24 февраля была принята резолюция с просьбой «разрешить самостоятельную закупку и вывоз хлеба для волости» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 36, л. 2 об., 3 об.]. 17 февраля общее собрание жителей Рябковской вол. просило «советскую власть» снабдить их «съестными продуктами», для чего необходимо было разрешение на самостоятельную закупку [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 41, л. 1—1 об.]. 27 февраля Троицкое волостное земское собрание приняло решение ходатайствовать перед Кинешемской уездной продуправой об увеличении месячного пайка до 30 фунтов «ввиду надвинувшегося голода» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 45, л. 18 об.—19]. А 3 марта общее собрание граждан Ильинской волости направило для закупки хлеба С. С. Белякова и И. П. Краснова, уполномочив их «захватить в Петроград где от лица всех нас исходатайствовать особое разрешение

на самостоятельную закупку» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 34, л. 2—2 об.]. Как видим, атаке крестьян подверглось базовые положения хлебной монополии (введенной еще Временным правительством 25 марта 1917 г.): они требовали предоставить волостям возможность самостоятельной закупки продуктов. Большинство крестьян (да и многие горожане) были уверены, что отмена монополии приведет к немедленному притоку хлеба в голодающие губернии.

Животрепещущий вопрос об отмене хлебной монополии обсуждался на заседании Кинешемского уездного Совета 5 марта 1918 г. Монополию было решено не отменять, но при этом общественным организациям было предоставлено право самостоятельной заготовки хлеба. Распределяли наряды уездные продовольственные управы, но они должны были отказаться от этой роли «по мере налаживания» самостоятельной заготовки [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 57, л. 26—26 об.]. Одновременно были предприняты меры для предотвращения возможных беспорядков. С 5 марта в городе было введено осадное положение. От горожан требовалось до 8 марта добровольно сдать оружие, а также все самогонные аппараты и спиртные напитки. Вводился комендантский час (с 11 часов вечера). Запрещались «демонстрации и всякого рода шествия на улицах», митинги, собрания и лекции, «устраиваемые контрреволюционной буржуазией», распространение «буржуазной печати». Особенное внимание уделялось выявлению «распространителей ложных слухов», а также «провокаторов, громил и хулиганов» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 15, л. 34]. На время эти меры позволили несколько успокоить крестьян. Волостной совет Ивашевской волости 6 марта поддержал хлебную монополию, призвав советскую власть «производить монопольную закупку хлеба по нормированным ценам неуклонно, вплоть до вооруженной силы». Однако на заседании этого совета 20 марта уже было решено выяснить о возможности «получить хлеб непосредственно для волости» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 33, л. 9, 14 об.]. 18 марта общее собрание граждан Николаевской вол. направило двоих делегатов в Кинешму, поручив им добиться права на самостоятельную закупку хлеба [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 39, л. 9—9 об.].

Вопрос о вступлении Кинешемского уезда в состав Иваново-Вознесенской губернии до этого времени поднимался. На пленарном заседании Вичугского Совета 21 февраля 1918 г. была принята резолюция о вступлении в «Красную губернию Иваново-Кинешемского района». В предшествовавшей этому решению дискуссии возник вопрос о возможности улучшения продовольственного снабжения в результате присоединения к Иваново-Вознесенску. Это факт недвусмысленно свидетельствовал об основной проблеме населения района. В тот момент депутатов удалось убедить в благотворности присоединения — пространный доклад об этом сделал делегат II Съезда Советов губернии Н. П. Зернов [1, ф. Р-33, оп. 1, д. 122, л. 17]. Аналогичной позиции придерживался и Кинешемский Совет, хотя специального постановления по этому поводу не выносил: 4 марта кинешемцы направили на Костромской губернский Съезд Советов лишь одного делегата, поскольку «Кинешемский уезд выходит из состава Костромской губернии» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 56, л. 91].

23 марта 1918 г. Кинешемская продовольственная управа получила от Иваново-Кинешемской районной управы предложение о самостоятельной закупке 15 тыс. пудов хлеба в Тамбовской губернии. Этот наряд был разверстан на фабричных рабочих. Наряд на закупку хлеба в Вятской губернии был распределен между крестьянами. Делегатов могли направлять как волости,

так и отдельные общества (последние были обязаны сдавать закупленный хлеб волостным Советам) [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 65, л. 14—14 об.]. К этому времени продовольственная ситуация вновь накалилась. Хлеба не было и не предвиделось, продовольственный паек не увеличивался. Крестьянская масса глухо бурлила. Общее собрание граждан Воздвиженской вол. 24 марта вынесло следующую резолюцию: «Чтобы не помереть с голоду, мы предлагаем поднять твердые цены на хлеб», либо вовсе отменить их. Крестьяне требовали «разрешить свободную закупку организациям от волостей на собственные средства». По их мнению, советская власть должна была немедленно «немедленно изменить тактику снабжения, иначе мы помрем голодной смертью» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 26, л. 4—5 об.]. На общем собрании граждан Никитинской волости 24 марта (2300 чел.) почти все участники высказались за отмену монополии и свободную торговлю [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 38, л. 7 об.]. Резолюция общего собрания граждан Колшевской волости 27 марта была еще более жесткой: «в течение целого года нас кормят только одними красивыми словами и обещаниями. Довольно обманывать нас. Мы умираем от голода, а поэтому категорически требуем от Кинешемского совета дать нам хлеба, а не слов. Если же Совет бессилён это сделать, то мы требуем свободной торговли хлебом под контролем местных Советов. Дальше терпеть мы не можем. Еще несколько дней, и у нас вспыхнет голодный бунт, который все сметет на своем пути» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 36, л. 6—6 об.]. Таким образом, вся надежда оставалась на Вятскую экспедицию.

В этот момент начинается подготовка общего выступления всех жителей уезда, недовольных текущей ситуацией. Активизируются земские деятели и эсеры, а также зажиточное крестьянство. В волостях полным ходом идет агитация против политики Кинешемского Совета и советской власти вообще. 1 апреля граждане Дюпихской вол. собрались в помещении Совета. Было решено «пойти всей волостью в г. Кинешму вместе с Георгиевской и Жирятинской волостями» с целью: «спросить Продовольственную комиссию, согласна ли она кормить голодающих». Причины продовольственного кризиса крестьяне видели в том, что «в настоящее время связаны с Иваново-Вознесенским районом» и решили отколоться от него «так как продовольствия туда дают больше, чем нам». На общем собрании делегатов на митинг 3 апреля один из участников доложил, что «был лично командирован в Кинешемский Совет за разрешением на сход в Кинешму». Разрешения он так и не получил: Г. Г. Цветков заявил ему, что «Совет не допустит выступления всей волости» и предложил послать делегацию, но переизбрал ее, поскольку назначенная на собрании 1 апреля «состоит из кулаков» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 29, л. 9, 10]. Есиплевский волсовет на заседании 3 апреля дал делегации, направленной на митинг, следующий наказ: «взять выработанную резолюцию об отмене хлебной монополии и просить напрячь все силы к изысканию способов доставки хлеба в голодающие места» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 30, л. 19 об.].

Таким образом, выступление 4 апреля было весьма организованным. Волости имели сообщение друг с другом и координировали свои действия. Состоялось даже предварительное общее собрание делегатов для выработки тактики. Знал о готовящемся «походе на город» естественно, и Кинешемский Совет. Помешать ему не было возможности, но можно было направить народное движение в более спокойное русло. 3 апреля 1918 г. в 8 вечера состоялось заседание уездного Совета по этому вопросу. Было постановлено

провести общий митинг на улице под открытым небом у Самолетского моста, причем уже с 9-ти утра все члены Исполкома должны были собраться для участия в нем [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 57, л. 64]. Участие этом форуме приняли 7 тыс. чел. — фабричных рабочих и крестьян из ближайших волостей (Дюпихской, Георгиевской, Горковской). Руководители Совета явно пытались отвести гнев кинешемцев от центральной власти. В результате по главному вопросу было принято решение ходатайствовать о свободной торговле хлебом «под контролем представителей крестьян и рабочих». В решении местных проблем участники митинга оказались более решительны — они потребовали снятия осадного положения и разрешения свободной продажи газет. Также гнев их обрушился на новый губернский центр — промышленный Иваново-Вознесенск. Было внесено предложение об обратном присоединении к Костромской губернии, «ввиду того, что нам, как фабричному району в продовольственном отношении выгодно присоединиться не к фабричному же, а земледельческому району». После этого митингующие разошлись по волостям «для выбора Голодного Совета» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 56, л. 273—273 об.].

Наказы с мест представителям нового органа власти отличались редким единообразием. Граждане Горковской вол. на общем собрании 6 апреля отмечали, что «существующие выдачи пайки 2—3 фунтов в мес. — это не есть пища, а постепенная голодовка и впоследствии голодная смерть». Они требовали полной отмены хлебной монополии, либо (в крайнем случае) разрешения закупки общественным организациям. Выдвигались и более серьезные политические требования: снятие осадного положения, роспуск Красной армии, свободы собрания и печати, перевыборы уездного Совета («с таким расчетом чтобы % крестьян был в большинстве»). Последним пунктом шло требование об отделении от Иваново-Вознесенска: волость не признавала «никакой Иваново-Вознесенской губернии» и требовала присоединения к Костромской [1, ф. Р-33, оп. 1, д. 131, л. 4—4 об.]. Граждане Воздвиженской вол. на собрании 6 апреля (150 чел.) избрали делегацию в составе 5 чел., которая должна была добиваться «повышения твердых цен на хлеб и разрешения свободных закупок волостным организациям», снятия осадного положения, свободы печати, разоружения Красной гвардии («как ненужного охранения и лишнего расхода»), переизбрания Исполкома и «отделения от Ивановского продовольственного района». После решения о переизбрании Исполкома «как не исполняющего воли всего народа» фракция большевиков демонстративно покинула зал собрания. Те же требования выдвигали граждане Ильинской вол. (7 апреля) — снятие хлебной монополии, отмена осадного положения, «свободная продажа газет» и наконец, «обратное присоединение к Костромской губ». Более пространный ультиматум выдвинули крестьяне Колшевской вол.: кроме отмены хлебной монополии и осадного положения, они добивались «свобода слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенности личности и жилища».

Вичугская вол. (7 апреля) политических требований не выдвигала, ограничиваясь исключительно продовольственным вопросом: отмена хлебной монополии и реквизиции, право закупки предметов первой необходимости организациям и частным лицам. С этим вопросом был увязан и «губернский»: вичужане желали вернуться в Кострому, поскольку присоединение к новой губернии «произведено без согласия народа», но — главное — «неоднократно влекло отказ в продаже местным организациям хлеба». Жирятинцы

(8 апреля) поручили своим делегатам добиваться «свободной торговли хлебом» и права закупки для волостных организаций, отмены осадного положения, а также отделения от «Ивановской Красной губернии». Жители Георгиевской вол. (8 апреля) «во избежание смерти от голода» требовали свободной торговли хлебом, обновления состава уездной продуправы, а также «отделения от Иваново-Кинешемской продуправы» [1, ф. Р-33, оп. 1, д. 131, л. 1—2 об., 6—9 об., 13—13 об.]. Граждане Углецкой вол. на общем собрании 7 апреля предлагали «возбудить ходатайство перед Центральной властью» о сборе «областного крестьянского съезда» и отмене хлебной монополии [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 46, л. 14—14 об.]. К волостям присоединились и фабричные рабочие, требования которых были не менее радикальны: 3 апреля фабзавком Кинешемской Анненской Мануфактуры И. К. Коновалова решил добиваться отделения от Иваново-Вознесенска, снятия хлебной монополии, отмены осадного положения, введения свободы печати и переизбрания Красной гвардии. Рабочие механического чугунно-литейного завода М. М. Подшивалова 5 апреля также требовали «поддержать требования, выраженные митингом» 4 апреля: отмену монополии, снятие осадного положения, введение свободы собраний и печати и наконец, «отделение от Иваново-Кинешемской губернии, как в продовольственном отношении, так и во всех» [1, ф. Р-33, оп. 1, д. 131, л. 17, 18]. Как явствует из последнего протокола, все базовые требования (включая политические) прозвучали еще на митинге и до волостей были донесены его участниками. Но далеко не все шли в своих требованиях до конца. Лишь немногие волости настаивали на переизбрании Исполкома и роспуске Красной армии. Целый ряд волостей (Вичугская, Жирятинская, Георгиевская, Углецкая) — и вовсе ограничился исключительно экономическими требованиями. Очевидно, политическая ситуация заботила население гораздо слабее, чем продовольственная. Но и по продовольственному вопросу не наблюдалось полного единства: 5 апреля Комаровский волсовет высказался за «поддержание монополии на хлеб» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 37, л. 24 об.]. Однако не может быть сомнений, что именно в продовольственной плоскости следует искать корень «губернского» демарша кинешемцев.

Первое заседание Голодного совета, на котором присутствовали представители 22-х волостей, 16-ти фабрик и заводов, 4-х профсоюзов и 5-ти районно-уличных комитетов (всего 165 чел.) состоялось 8 апреля. Председателем собрания был избран И. Е. Барашков. Были зачитаны протокол митинга 4-го числа и указы с мест, после чего собрание приступило к обсуждению самой животрепещущей темы — продовольственного вопроса. Первая резолюция по этому вопросу была наиболее радикальной — немедленно ходатайствовать перед СНК об отмене хлебной монополии. Вторая была более сдержанной — она повторяла положения, принятые на заселении Совета 5 марта, детализируя их. Предлагалось сохранить монополию, подняв твердые цены на хлеб и разрешив самостоятельную заготовку общественным организациям (уездам, волостям, фабрикам и кооперативам) под руководством продовольственных органов. Третья резолюция имела явно «кооперативное» происхождение: она предусматривала «широкое привлечение к заготовкам кооперативных и общедемократических организаций». Завершалась она резолюция политическими требованиями, не имевшими ничего общего с организацией продовольственного снабжения — «восстановление прежних демократических организаций, как на местах, так и в центре».

Неудивительно, что последняя резолюция вовсе не участвовала в голосовании: за сохранение хлебной монополии в настоящем виде был подан всего 1 голос, за резолюцию Совета — 50, но подавляющее большинство собравшихся поддержало требования митинга 4 апреля (98 голосов). А вот по остальным вопросам подобного единодушия не наблюдалось. Было предложено передать их на рассмотрение Исполкома уездного Совета. Н. И. Кедров предложил в любом случае требовать «отмены осадного положения и восстановления политических свобод», после чего представитель кинешемской фабрики И. Г. Тихомиров и И. И. Орлов заявил, что они протестуют против внесения в заседания «политических вопросов», удаляются из собрания, и «всякое противодействие советской власти будут прекращать с оружием в руках». Собрание продолжило работу с 11 утра на следующий день. Однако на заседание 9 апреля представители уездного Совета, несмотря на неоднократные приглашения, уже не явились. Таким образом, его работа была парализована, поскольку «необходимые разъяснения» по ряду вопросов могли дать только эти лица. В результате продовольственный вопрос был отложен. Обсуждалось лишь отделение от Иваново-Вознесенской губернии — этот вопрос был решен положительно (91 голос). Был сформирован и рабочий орган нового Совета — президиум, получивший весьма неопределенный наказ — «принять все меры к увеличению заготовок продовольственных продуктов» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 56, л. 248—248 об., 251].

Фактически вопрос о «Голодном Совете» был решен на расширенном заседании Кинешемского уездного совета с представителями фабричных комитетов и профсоюзов 10 апреля, состоявшемся в помещении театра им. А. Н. Островского. Выступавший на нем Цветков обвинил в подстрекательстве к мятежу «на почве продовольственного кризиса организацию наемной буржуазией агентуры». «Голодный Совет» был, по его мнению, избран «скоропалительным образом и не совсем правильно». Далее он поставил вопрос об «обратном присоединении к Костроме», но собрание не проявило к его решению никакого интереса. Большинство ораторов рассуждали о «темных силах, которые «разрушают строительство общественных учреждений» и призывало реорганизовать «Голодный Совет». Резолюция собрания гласила, что необходимо вместо него создать Продовольственное совещание. Были утверждены нормы представительства в новом органе, сводившие на нет преобладание крестьян (от целой волости и от 500 рабочих — по 1 чел.), и особенно — кулачества («лицо, занимающееся наемным трудом или торговлей, представителем быть не может») [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 55 а, л. 1 об. — 3 об.].

Таким образом, власть осталась в руках уездного Совета. Разошедшиеся по волостям крестьянские делегаты не могли оказать поддержки президиуму «Голодного Совета» и его заседания носили чисто технический характер. Но за день до роспуска этого органа, «Голодный Совет» все же исполняет один из наказов избирателей: 17 апреля 1918 г. в Иваново-Вознесенск направлено извещение, согласно которому «ввиду слабого распространения по волостям о созыве Съезда для организации Иваново-Вознесенской губернии» большая часть делегатов на него не прибудет. На совещаниях же 9 и 10 апреля рабочие и крестьяне выразили свою волю — г. Кинешма должен остаться «в пределах Костромской губернии» [1, ф. Р-33, оп. 1, д. 131, л. 14]. На заседании 18 апреля президиума «Голодного Совета» решил, что принял все возможные меры к выполнению заданий, порученных им общим собранием. «Контроль за действиями продовольственных управ»,

он оказался поставить не в силах, «так как для этого требуется штат опытных служащих». «Налеты» членов президиума на железнодорожные склады с целью выявления продовольственных грузов особенных результатов не дали. Дальнейшее существование самого Совета представлялось бессмысленным — было принято решение «распустить своих членов», сообщив населению «о тех причинах, которые побудили к этому шагу» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 65, л. 54—54 об.]. Так бесславно завершилась попытка создать в городе «крестьянский Совет».

Большинство делегатов «Голодного Совета» вернулись в волости уже после первого заседания, в полной уверенности, что в скором времени в продовольственном вопросе последуют серьезные улучшения. Однако быстро выяснилось, что решения этого органа власть реализовывать не торопится. На общем собрании Пуминовской вол. 10 апреля было решено, что «без свободной торговли хлебом мы такового никогда не получим» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 40, л. 14—14 об.]. 14 апреля на общем собрании Зименковской вол. было постановлено: «заявить советским властям, что хлебная монополия не оправдала возлагавшихся на нее надежд, а потому должна быть допущена свободная закупка хлеба» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 32, л. 2—2 об.]. Постепенно недовольство начинает нарастать — «Голодный Совет» не принес никаких улучшений, а Вятская экспедиция отпуска продовольствия добиться не смогла. Над уездным крестьянством нависала «костлявая рука голода». На общем собрании граждан Николаевской вол. 21 апреля было постановлено «исходатайствовать разрешение перед высшими властями на самостоятельную закупку хлеба, ни перед чем не останавливаясь» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 39, л. 20]. 30 апреля на общем собрании граждан Комаровской вол. было решено ходатайствовать перед Кинешемским советом «о разрешении оправиться по реке Волге в производительные губернии» для закупки хлеба вне губернского продовольственного наряда [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 37, л. 36—36 об.].

Попытка организации «Голодного Совета» ясно показала, что большая часть крестьян уезда настроена «антигубернски». Вследствие этого уездный Совет вынужден был приостановить процесс интеграции уезда в новую губернию. 15 апреля было решено не посылать волостных делегатов на III губернский Съезд Советов под сомнительным предлогом «весеннего бездорожья» (ледохода), вследствие которого заволжские волости оказывались отрезанными от остальной территории уезда [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 57, л. 85 об.]. А на запрос Комиссии по организации губернии, которая 18 апреля просила выслать протокол решения о присоединении, кинешемцы ответили, что «определенного постановления» по этому вопросу «не ставилось никогда» [1, ф. Р-33, оп. 1, д. 131, л. 15—16].

1 мая на общем собрании граждан Углецкой вол. делегат, направленный для закупки хлеба в Елабугу, рассказал о настоящем хаосе на местах: Елабугский Совет разрешил вывоз хлеба, а областной комиссар — запретил его, резолюция «ходоков от голодных мест» опубликована не была, поскольку «не понравилась начальнику Красной армии» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 46, л. 22—23]. На этом фоне нарастает раздражение беспомощностью уездного Совета, которое оборачивается и против новой губернии. 30 апреля на общем собрании граждан Тезинской вол. было принято решение: «принадлежать, как и принадлежали ранее, к Костромской губернии». Никто из ораторов по этому вопросу не высказывался, так что решение было явно не плодом агитации, а общим мнением массы [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 44, л. 11]. 28 апреля на

собрании Зименковского волостного совета было решено «настаивать, чтобы была наша волость в Костромской губ.» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 32, л. 11—11 об.]. Такое же решение было принято на общем собрании граждан Жирятинской вол. 17 мая: граждане желали «выйти из состава Иваново-Вознесенской губ. и приписаться к Костромской» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 31, л. 23—23 об.]. И крестьяне Дюпихской вол. на общем собрании 31 мая также единогласно постановили «числиться в Костромской губернии как в административном, так и в продовольственном отношении» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 29, л. 16]. А Колшевский волостной Совет 10 июня 1918 г. сообщал в Губисполком, что волость не считает себя исключенной из Костромской губ.» [1, ф. Р-33, оп. 1, д. 131, л. 24].

В течение мая недовольство крестьян нарастало. Жители волостей вновь пытаются добиться появления реального органа для защиты их прав. 9 мая крестьяне Ивашевской вол. постановили «просить экстренного созыва Чрезвычайного крестьянского съезда» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 33, л. 22—22 об.]. Аналогичный доклад прозвучал на общем собрании граждан Никитинской вол. 12 мая [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 38, л. 21 об. — 22]. 14 мая общее собрание представителей деревенских комитетов Николаевской вол. постановило ходатайствовать перед Кинешмой о «немедленном созыве экстренного продовольственного съезда, имея в виду надвигающийся повальный голод» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 39, л. 22 об. — 23]. Безвыходная ситуация подводила к возможности голодного бунта. 19 мая на общем собрании Троицкой вол. (700 чел.) прозвучала резолюция: «немедленно требовать от Советов до центрального включительно под страхом голодного бунта принять самые энергичные меры к доставке продовольствия» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 45, л. 30—30 об.]. 19 мая на общем собрании Георгиевской вол. жители заявили, что «ввиду небывалого голода, отказаться от поездок за мукою» могут только при условии, что Кинешма поднимет размер пайка с 2-х до 30-ти фунтов на человека в месяц [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 27, л. 8—8 об.]. В таких условиях агитация, которую пытались вести кинешемцы, с большим трудом достигала своей цели. Совет понимал, что власть в уезде постепенно уплывает из рук. На его заседании 23 мая «в связи со слухами о готовящихся выступлениях голодных рабочих и крестьян» было постановлено выпустить листовку о формировании продотрядов и «усилить охрану» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 57, л. 127].

25 мая состоялся уездный продовольственный Съезд. Этот форум был посвящен формированию продовольственного отряда (130 чел.), который направлялся на Нижнюю Волгу за хлебом «с деньгами и мануфактурой». Разрешения на это кинешемцы с немалым трудом добились в Москве. Центральную власть на Съезде представлял член Наркомата продовольствия Д. П. Малютин, который утверждал, что ситуацию может спасти лишь удержание монополии, задержка доставки хлеба вызвана действиями кулаков, для реквизиции хлеба у которых и создаются продотряды. Делегаты из волостей в ответ рисовали картину ужасающего положения на местах: «каждый день к Совету приходят голодные толпы народа и просят хлеба, на почве голода стали случаи грабежа скота и уже много случаев заболеваний от голода» (Ивашевская вол.). Они замечали, что «голодные массы сдерживать больше нельзя» и их недовольство «благодаря агитации противников советской власти может вылиться в анархию». Меньшевик Е. И. Кедров вновь призывал к свержению советской власти и восстановлению Учредительного собрания.

Однако большая часть делегатов «как ни голодны они были», отнеслась к его призывам весьма сдержанно [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 56 а, л. 340—341].

Резолюцию Съезда предложил Д. А. Малютин. Суть ее заключалась в том, что самостоятельное выступление кинешемцев «для непосредственного товарообмена в производящих губерниях, ни в коем случае не может обеспечить разрешения продовольственного кризиса», поскольку в таком положении находятся все потребляющие районы. Политика центральных властей объявлялась «единственно возможной для спасения страны от голода». Съезд лишь обращался к Наркомату «с предложением использовать имеющиеся в распоряжении Кинешемского района силы и средства для облегчения» закупки продовольствия для уезда [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 14, л. 41]. 29 мая на Общем собрании экспедиции по закупке хлеба прозвучало сообщение, что Кинешма получила внеочередной плановый наряд. В отряд вошли выборные от фабрик (133 чел.). День отъезда был назначен на 30 мая [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 65, л. 121—121 об.]. Одновременно было принято решение временно прекратить учет хлеба у рабочего населения «учитывая настроение голодной массы». При этом в волостях учет сохранялся, поскольку «у крестьян есть подспорье в виде своего картофеля, мяса, молока, а также частично и своего хлеба» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 57, л. 235—235 об.]. Столь явная опора уездного Совета на рабочих возмутила жителей волостей. 2 июня на общем собрании граждан Тезинской вол. (несмотря на протесты ряда лиц) была принята резолюция явно политического характера — с требованием прекращения гражданской войны, созыва Учредительного собрания, восстановления всех демократических организаций, перевыборов Советов, отмены продовольственной монополии [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 44, л. 12 об. — 14].

Сложившаяся ситуация стала причиной еще одной атаки деревни на город. Главным центром мятежа вновь стала Дюпихская вол.: «провокационная телеграмма», призывавшая крестьян «явиться в Кинешму по делу продовольствия», была получена именно оттуда [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 26, л. 7 об. — 8]. Текст был отредактирован Дюпихским волостным сходом, состоявшим из «лавочников, трактирщиков и подрядчиков» [2, с. 174]. 3 июня на заседании уездного Совета прозвучал доклад «о провокационных призывах в волостях крестьян для похода в г. Кинешму с целью разогнать Совет». Было решено направить в уезд сообщения с призывом не обнародовать «провокационные телефонограммы». Совет предупреждал, что «всякие беспорядки будут беспощадно подавлены» [1, ф. Р-166, оп. 2, д. 16, л. 107, 140—140 об.]. Эти действия не могли предотвратить выступления, но Совет оказался готовым к нему: в городе было введено осадное положение, выведены на ночное дежурство патрули, усилены караулы. С 8-ми часов утра 7 июня «стали появляться кучки людей идущих в город». Красноармейцам был дан приказ не допускать скопления людей, «но лишь только в одном месте разгонится, как эта же кучка перейдет в другое место». К часу дня «город был переполнен народом» (больше 20 тыс. чел.). Одни вообще не знали причины, по которой «их вызвали», другие сообщали, что в случае неявки в город им грозили штрафом в 25 руб. и лишь немногие утверждали, что пришли «за хлебом». Наконец «дикая масса людей» скопилась у здания Военного Комиссариата. Из толпы звучали лозунги: «Долой Совет!», «Да здравствует свободная торговля!», «Долой Красную армию!» и «Давай хлеба!». Со стороны военных последовало приказание разойтись, на что возбужденные участники митинга отвечали: «Стреляйте, мы не уйдем!». Затем на площади из числа участников

выступления были избраны 70 делегатов. Они окружили вышедшего к ним для переговоров заместителя военного комиссара Иноземцева и требовали, чтобы он вел всю делегацию «в Совет для переговоров». Он предложил взять лишь 10 чел., на что получил «разъяренные крики»: «Мы им покажем, идем все, церемонится с ним нечего!».

Едва комиссар вышел из толпы, как со стороны митингующих раздались револьверные выстрелы, одновременно началась стрельба из окон ближайших домов. Красноармейцы в ответ дали залп вверх — «часть толпы ступсывалась и обратилась в паническое бегство». Среди оставшихся участников митинга раздались призывы захватить склады оружия. Однако эта попытка успехом не увенчалась [2, с. 172, 175]. Вскоре Военным комиссариатом был издан приказ, согласно которому с 9 часов вечера в уезде вводилось осадное положение: запрещались «все сборища превышая 3-х человек», уличное движение с 12 часов вечера, «распространение провокационных и ложных слухов» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 15, л. 116]. Следующий день (8 июня) прошел довольно спокойно: органы власти «работали нормальным порядком». Получив в распоряжение военные отряды из Иваново-Вознесенска, Шуи, Костромы и Середы, военный комиссар организовал разоружение рабочих нескольких фабрик (Ветка, Томна), начались обыски и аресты среди городской буржуазии.

Воззвание, посвященное трагическим событиям в городе, было направлено во все волости уезда 11 июня. В организации выступления обвинялась «городская и деревенская буржуазия». Подстрекатели разослали по волостям повестки с призывом явиться в город «делить хлеб», которого в Кинешме просто не имелось. Всего в ходе этих событий были убиты 4 чел., ранены — 11 чел. Совет «глубоко сожалел о случившемся» и призывал рабочих и крестьян к спокойствию, напоминая, что «продовольственный вопрос можно улучшить только общим усилием». Свободная же торговля «только набьет карманы буржуазии и оголодит еще больше бедноту» [1, ф. Р-166, оп. 2, д. 16, л. 46]. 10 июня состоялось Продовольственное совещание, главным итогом которого стало формирование организации по заготовке хлеба, взявшей на себя контроль за распределением продуктов. Для закупки хлеба было решено собрать с крестьян и рабочих по 10 руб. на едока. Комиссия была обязана организовать закупку и доставку хлеба на эту сумму: привлечь продовольственные отряды, обеспечить складирование и транспортировку.

Серьезное обсуждение июньских событий состоялось на пленарном собрании членов Кинешемского исполкома и фабрично-заводских комитетов уезда 12 июня (116 чел.). Выступление было признано плодом действий «сплоченной группы контрреволюционеров, идущей во главе деревенских кулаков и городской буржуазии», которая желала «дать бой советской власти на остром вопросе борьбы с голодом» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 60 а, л. 117 об., 120 об. — 121 об.]. На это же совещание явился представитель Иваново-Вознесенского губисполкома, отреагировавшего, наконец, на демарш «Голодного Совета» двухмесячной давности. И. Е. Любимов развернул перед кинешемцами яркую картину промышленной интеграции Иваново-Кинешемского текстильного региона. Он отмечал, что образование губернии «вызывается всей хозяйственной экономической и промышленной жизнью края». Аргументы были достаточно весомыми: до сей поры «Кинешма и Иваново-Вознесенск были разрознены, и их богатой промышленностью пользовались Кострома и Владимир», теперь же следовало «свои богатства не раскидывать

по сторонам, а удержать у себя». Подробно остановился он на продовольственном вопросе, который стал причиной уже двух попыток «крестьянского переворота» в Кинешме. Любимов высмеивал предположения крестьян, что «новая губерния их не сумеет обслужить» и уверял, что «все соседние губернии получают отнюдь не больше нашего». По его мнению, губерния «имеет все данные быть одной из самых сильных материально» (главное — «толково объяснить это товарищам крестьянам»). В результате собрание приняло резолюцию о присоединении Кинешемского уезда к новой губернии (78 голосов при 14-ти воздержавшихся) [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 56 а, л. 349—349 об., 365—365 об.].

На этом же собрании было принято решение и о созыве уездного Съезда советов на 15 июля. В теме для обсуждения 5-м пунктом был вопрос «Об образовании новой Красной Иваново-Вознесенской губернии» [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 13, л. 198]. В течение двух летних месяцев позиция крестьян ни по продовольственному, ни по губернскому вопросам, особенно не поменялась. 20 июня на собрании Ивашевского Совета был заслушан доклад о выступлении 7 июня и постановлено: «во избежание подобного рода выступлений немедленно требовать увеличения хлебного пайка» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 33, л. 26]. 28 июля Шевалдовский Совет просил «не прекращать выдачи удостоверений на покупку хлеба», поскольку крестьяне находятся «без куска хлеба и накануне голодной смерти» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 47, л. 56—56 об.]. Что касается губернии, то особенно активный протест заявил Пуминовский Совет: 20 июля на его заседании была принята резолюция, согласно которой к Иваново-Вознесенску эта волость «никогда не имела ни малейшего тяготения и никакой связи», как по дальности расстояния (160 верст), так и за отсутствием общих интересов. Однако пуминовцы не хотели также покидать и Кинешемский уезд «если таковой только останется в составе Костромской губернии» [1, ф. Р-171, оп. 1, д. 40, л. 33—33 об.].

На 8-й уездный Съезд Советов 29 июля в Кинешму в качестве представителя Иваново-Вознесенска был делегирован Д. А. Фурманов. В своем выступлении 31 июля он повторял тезисы, ранее изложенные И. Е. Любимовым. Он полагал, что в волостях, не желающих присоединиться к Красной губернии, «мысль недостаточно освещена перед крестьянами», тогда как «рабочие сознательнее и развитее крестьян», вследствие чего и «сознают важность для них создания Ивановской губернии». Фурманов утверждал, что в Костроме и Владимире «бедноту гнут в дугу», а новая губерния «объединит рабочих, и крестьянству легко будет бороться с кулаками». Он обещал, что ивановцы «не будут чуждаться интересов крестьянства». После таких убедительных речей фракция коммунистов внесла резолюцию о присоединении уезда к новой губернии. Попытался протестовать лишь один оратор, ядовито заметив, что «присоединения желают все, кроме крестьян», на что получил грозную сентенцию: «Не берите смелости говорить от лица крестьян!». Резолюция уверенно прошла голосование [1, ф. Р-166, оп. 1, д. 50, л. 224—226 об.].

Рассмотренная фактическая канва процесса присоединения Кинешемского уезда к новой губернии свидетельствует о серьезном расколе по этому вопросу позиции рабочего населения и крестьянства. Если первое полностью поддерживало «Красную губернию», то второе относилось к ее созданию очень осторожно. Кинешемские большевики видели главную причину подобных настроений в активной кулацкой агитации и слабой информированности большинства сельского населения. На наш взгляд, следует вести речь

о противостоянии уездному Совету не только зажиточной верхушки, но вообще политически активной части крестьян. Основой подобного настроения были опасения политического господства в новой губернии пролетариата над крестьянством: жители волостей опасались ухудшения снабжения, а также реквизиций. Эти настроения частично разделяла и земская интеллигенция, недовольная резким ущемлением политических свобод в период введения «военного коммунизма». Все это многократно усиливались продовольственным кризисом, который привел к фактическому голоданию населения уезда в первое полугодие 1918 г. Именно наличие интеллигентского крыла, а также хорошая организация крестьянской верхушки (с помощью развитой сети торгово-производственных и кооперативных объединений) позволила подготовить и осуществить выступления 7 апреля и 8 июня. Однако если в первом случае мятежникам на краткий период удалось получить иллюзию политической власти, то во втором случае они оказались лишены и этого — выступление было подавлено военной силой, к противостоянию с которой митингующие оказались просто не готовы. Явный перевес представительства рабочего населения над сельским на уездных съездах позволил кинешемским большевикам подавить политическую активность крестьян и добиться включения уезда в новую «пролетарскую» губернию.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области.
2. 1918-й год в Иваново-Вознесенской губернии (хроника) / сост. М. К. Дианова, П. М. Экземплярский. Иваново-Вознесенск, 1930. 379+7+74 с.

ББК 63.3(2Рос-4Ива)61-72

Ю. А. Ильин

ДЕЛО «БЫВШИХ СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ» Г. КИНЕШМЫ И УЕЗДА (2-я ПОЛОВИНА 1918 г.) (По материалам газеты «Рабочий и крестьянин»)

Публикация посвящена проблеме трансформации норм внутривнутрипартийной жизни членов правящей партии накануне Гражданской войны и интервенции. Показано начало процесса замены кодекса чести и идейности на примитивную модель поведения, базовыми основами которой являются корысть, беспринципность и карьеризм. Фактическим примером служат события в г. Кинешме и уезде в июне 1918 г. Источником информации — официальная газета исполнительного комитета Кинешемского Совета и уездного комитета партии.

Ключевые слова: события 7 июня, Кинешма, Совет, исполнительный комитет, уездный комитет партии, аресты, ГЧК и ВЧК, партийный суд.

The publication is devoted to the problem of transforming the norms of the inner-party life of members of the ruling party on the eve of civil war and intervention.

© Ильин Ю. А., 2018

The beginning of the process of replacing the code of honor and ideology with a primitive model of behavior, the basic foundations of which are self-interest, absence of principles and careerism, is shown. Provided are real examples of the events in Kineshma and its district in June 1918. The source of information is the official newspaper of the executive committee of the Kineshma Council and the district committee of the party.

Key words: events of June 7, Kineshma, Council, executive committee, district committee of the party, arrests, GChK and VChK, party court.

На первый взгляд, тема статьи малозначительна, тем более на фоне набравших в 1917—1918 гг. силу процессов установления Советской власти, формирования военно-коммунистической государственной машины управления, неслыханного продовольственного кризиса, масштабного военного противостояния сторонников и противников нового режима, обострения классовой борьбы, уничтожения инокомыслия путем террора. Все так, но порой великое видится лучше, прозорливее через малое, так сказать, на клеточном, эмбриональном уровне.

В данной статье речь пойдет о трансформации (а точнее, мутации) внутрипартийных норм жизни и морали членов структуры, подмявшей под себя все институты, ключевые моменты политической надстройки советского общественного строя. В условиях монополии власти, в чрезвычайный период истории эти нормы бытия, психологии и повседневного стандарта, как вирус, интенсивно проникали во все сферы проявления гражданской активности и деформировались последовательно в свои кричащие крайности. Для одних (ответственные лица, командный состав партийно-государственного аппарата) — в безнаказанность, убежденность в свою избранность, высокомерие и спесь по отношению ко всем остальным, для других (рядовой состав партии и беспартийные) — в пассивную безропотность, страх и унижение перед ново-явленной (уже «красной») элитой.

Рассматриваемый в статье эпизод из жизни кинешемской организации РКП(б) на заре гражданской власти дает нам зримое представление, в каком русле шел регресс кадрового потенциала ответственных работников партийного и государственного аппарата крупного административного и промышленного центра Верхнего Поволжья. Мы уверены, что если отбросить местный колорит, специфику данного процесса, его основные тенденции проявлялись во всех регионах, затронули значительную часть провинциальной элиты.

Поднимаемая нами проблема весьма щекотливая, ибо затрагивает представителей партийного и карательно-силового аппаратов того времени. Материалы по делу так называемых «бывших советских работников» Кинешемского уезда до сих пор недоступны, поэтому воспользуемся информацией из официальной печати — органа Кинешемского уездного комитета РКП(б) и Совета Р.С.К.Д. под названием «Рабочий и крестьянин». К сожалению, данный источник был использован ограниченно по причине его плохой сохранности в местных газетных фондах (Государственный архив Ивановской области и Ивановская универсальная научная библиотека). В нашем распоряжении оказались лишь номера газеты за вторую половину 1918 г. Это обстоятельство предопределило логику и стиль исследования: изложение фактов, их интерпретаций и весьма высокий удельный вес предлагаемых читателю версий, предположений, которые, в свою очередь, требуют проверки

или дополнения на реальном фактическом материале. Хочется верить, что когда-нибудь все архивы откроются и их фонды станут доступны пытливым исследователям.

Итак, вначале изложим официальную версию событий, имевших место в г. Кинешме 7 июня 1918 г. В номере газеты «Рабочий и крестьянин» (орган Кинешемского исполкома Совета и уездного комитета партии коммунистов) (№ 68 за 28 июня 1918 г.)¹ вышла статья под названием «“Черная” работа наемников и провокаторов кинешемской контрреволюции». В ней констатировалось, что еще с начала весны была замечена активизация контрреволюции, особенно сильно проявившаяся после 13 мая. Очевидно, речь идет об антисоветских выступлениях в соседнем Юрьевецком уезде (деятельность уездного Совета «голодающих депутатов», митинг в г. Юрьевце 29 мая, поддержанный местным отрядом красноармейцев численностью 100 человек) (1918. 26/13 июня). В связи с этим с 5 июня 1918 г. Кинешма и уезд были объявлены на осадном положении.

Газета отмечала, что в уезде шла агитация за шествие в уездный город 7 июня. Были распространены слухи такого рода: с низовьев р. Волги вернулся отряд с хлебом, но Совет удерживает его, не хочет распределять среди населения; баржа с мануфактурой, отправленная вниз по р. Волге для товарообмена на хлеб, затонула, а власти не предприняли никаких мер для спасения ценного товара. Контрреволюционеры нашептывали населению, что надо самим спасать хлеб, принять нужные меры, имеющийся в распоряжении Кинешемского Совета хлеб поделить, идти в город всем, запастись едой на 3 дня. Слышались и угрозы в адрес тех крестьян, кто не желал оторваться от сельскохозяйственных работ: идти всем, кто не пойдет, будут лишать пайков, отберут землю и наложат штраф.

В итоге 7 июня на площади перед Советом собралось несколько тысяч человек. На их пути был выставлен кордон из красноармейцев. Контрреволюционные агитаторы обратились к ним с вопросом: «Неужели Вы будете стрелять в народ?» Те ответили, что нет, но если банда контрреволюционеров вознамерится пойти против Советов, то они будут стрелять.

Далее в № 68 газеты давалась информация, что «среди толпы стали появляться группы, в которых начали разрабатывать план мятежа (обезоруживание отряда Красной Армии, завладение оружием и т. д.). Тем временем над площадью раздавались крики “Долой Советы!”. Затем появляются 70 делегатов, которые направились в исполком Совета, чтобы потребовать от него разъяснений по продовольственному вопросу. Они требовали от охраны пропустить их в здание Совета. Товарищ военного комиссара обещал переговорить с членами исполнительного комитета по вопросу допуска делегатов в здание. Как только он отошел от красноармейцев, со стороны толпы раздались револьверные выстрелы и толпа с криком “Ура!” бросилась на заслон красноармейцев. Вот тогда и был дан приказ дать залп в воздух. Толпа временно отхлынула. Был выдвинут пулемет. Вновь раздались револьверные выстрелы, лавочник Смирнов напал на едущего верхом красноармейца, в его руках был револьвер. Выстрелом и штыком он был убит. Был дан залп из пулемета в воздух, но толпа не унималась. Тогда пулемет очередью ударил в толпу. 11 человек было ранено, из них два скончались в больнице. Дело

---

¹ Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием даты.

разгрома контрреволюционеров завершила конница, она через 15 минут очистила площадь и улицы от толпы» (1918. 28/15 июня).

Немаловажная деталь из статьи газеты: «9 июня в город прибыли отряд из Москвы (с броневиком) и отряд из соседних городов, но в уезде было уже спокойно». Статья завершается победной реляцией: «кинешемская Советская власть оказалась на высоте» (там же).

Что вызывает сомнение в вышеизложенном повествовании событий 7 июня:

1. Конечный вывод статьи. Основания для этого сомнения: а) даже в сопредельном Юрьевецком уезде, в большей мере охваченном антисоветскими настроениями и митингами (29 мая) граждан и красноармейцев, не было такого драматического исхода с кровопролитием и гибелью невинных граждан; б) космический отрыв местной власти от населения. Кстати, это признает и статья от 28(15) июня 1918 г., но объясняет этот факт тем, что «...местная Советская власть с октября 1917 г. по июнь 1918 г. работала, а не митинговала... Много сил и времени уходило на скорейшее создание нового государственного аппарата». Но было известно о готовящемся выступлении и «...ограничилось введением с 5 июня в городе и уезде осадного положения».

Сама газета невольно подтверждает низкий уровень доверия местного населения к работникам уездного Совета: «все советские работники были расколоты и тщетно пытались массы призвать разойтись».

Наконец, связь кинешемских событий с юрьевецкими очевидна. Кинешемские и юрьевецкие советские работники потеряли контроль над деревней, а в связи с продовольственным кризисом и доверие городских обывателей. Интересно то, что в обеих заметках нет и речи о позиции рабочих, по сути их и нет. Может быть, и они оказались в т. н. «толпе контрреволюционеров»?!

Сам факт расстрела гражданского населения, причем с применением пулемета, говорит о неадекватности оценки ситуации в городе глазами исполкома Совета. Отказ от общения с выбранными делегатами от народа и выбор карательного метода общения с гражданами есть свидетельство политической некомпетентности, моральной низости и элементарной трусливости руководителей уезда.

Заметим, что в г. Юрьевце также произошла антисоветская акция перед зданием местного Совета 29 мая 1918 г. Но кинешемский отряд во главе с Соболевым и Зельдиным не стал применять оружие против граждан. Может быть потому, что местный отряд сочувствовал интересам рядовых земляков? Тогда миссия кинешемцев ограничилась разоружением юрьевецкого отряда.

2. В представленной статье версии событий есть логические неувязки, объясняемые: а) предвзятостью ее авторов; б) умолчанием и даже исключением важнейших подробностей трагического инцидента 7 июня 1918 г.

Итак, в чем конкретно проявлялось это умолчание и искажение важных деталей события? Во-первых, авторы статьи отказываются признать факт провала всей продовольственной политики местного Совета, не сумевшего даже организовать товарообмен с хлебопроизводящими регионами, и это несмотря на то, что уезд располагал значительными денежными средствами и запасами мануфактуры, Кинешма являлась важным перевалочным пунктом поступления продовольствия, сырья, топлива с низовьев р. Волги. Во-вторых, уездные власти так и не смогли создать низовой аппарат управления в волостях к этому времени, а там, где он был, или не подчинялся уездному центру, или находился в состоянии паралича. В этих условиях население

или руководствовалось слухами, или шло за антисоветски настроенными гражданами уезда, тем более поводов для этого было предостаточно.

Далее, в статье от 28(15) мая 1918 г. говорится, что собравшиеся, разбившись на группы, стали разрабатывать план мятежа (обезоружить Красную Армию, завладеть оружием и т. д.). Какая-то тавтология?! Как видим, это не случайно, ибо сказать нечего для убеждения читателей в том, что 7 июня имел место «мятеж наемников и провокаторов кинешемской контрреволюции».

И тут же авторы статьи дают информацию, что 70 делегатов отправились к зданию исполкома Совета требовать разъяснений по продовольственному делу. Во-первых, откуда взялась эта делегация? Зачем она нужна для мятежа, силового свержения Советской власти?! На деле, среди собравшихся, разделившихся на группы, шла речь не о мятеже, а об избрании народных представителей для разговора с советскими руководителями уезда и не более! Во-вторых, выступление носило экономический характер. Крики «Долой Советы», возможно, и были, но большинство собравшихся пошли другим путем — путем переговоров с Советской властью, иначе зачем проводить выборы 70 депутатов и направлять их в Совет?!

Авторы статьи красочно описывают агрессивность и коварность толпы контрреволюционеров. Так, делегаты подошли к заслону красноармейцев и потребовали проводить их в здание Совета. Товарищ военного комиссара обещал попросить Совет о допуске их и отошел. И в этот момент раздались револьверные выстрелы и толпа с криками «Ура!» бросилась на красноармейцев. Сплошная нелепица! Во-первых, депутаты уже вступили в переговоры, зачем им давать сигнал к агрессивным действиям, зачем было выбирать 70 депутатов и направлять их в здание Совета?! Авторы статьи упирают на то, что раздались револьверные выстрелы. Вопрос — в кого? Ведь их депутаты в количестве 70 человек вплотную стояли с заслоном красноармейцев. То есть из толпы стреляли по своим депутатам?! Неужели не было понимания того, что в ответ красноармейцы начнут стрелять и первыми жертвами станут именно эти 70 депутатов от народа?! Где логика? Вероятно, были отдельные выстрелы в толпе, спровоцированные лицами типа лавочника Смирнова, напавшего на проезжавшего верхом красноармейца. Но залпа револьверных выстрелов из толпы в сторону здания Совета однозначно не было. У страха глаза велики: в ход был пущен пулемет, появились жертвы среди гражданского населения, что целиком на совести руководителей уездного Совета.

3. Предвзятый текст статьи: обелить преступные действия верхушки уездной власти, чрезмерную жестокость расправы. Об этом свидетельствует само название статьи, интерпретация событий 7 июня. Но в этой же статье есть оговорки, по сути разоблачающие само руководство уезда. Во-первых, отмечалось, что все советские работники были рассеяны и тщетно пытались призвать массы разойтись. То есть представители Советской власти находились в толпе, но к ним никакого физического насилия не применялось. При контрреволюционном мятеже такое бы не случилось.

Во-вторых, было сообщено, что 9 июня в город прибыли московский отряд с броневиком (видимо, из ведомства ВЧК) и отряды из соседних городов, но в уезде было уже спокойно. Такая мобилизация сил характерна для особо чрезвычайных обстоятельств, в частности при мятеже. Но в том-то и дело, что мятежа не было, предпринятые меры оказались излишними. По косвенным данным, командир отряда ВЧК по этому поводу дал

исчерпывающий отчет своему руководству, при этом нелицеприятно охарактеризовав руководство уездного Совета.

Третий момент: в статье говорится о том, что по горячим следам была создана чрезвычайная следственная комиссия при Ревтрибунале. Одним из первых ее решений было... отобрать у всех оружие и выдавать его по новым удостоверениям. Видимо, речь идет о представителях советского и партийного аппаратов уезда. Такая процедура была прикрытием для начала пристрастного следствия роли советско-партийного актива г. Кинешмы и уезда в событиях 7 июня 1918 г.

В статье признается факт и начавшихся арестов без указания фамилий, социального происхождения и должностей. Нетрудно догадаться, что речь идет об арестах прежде всего советских работников уезда. Кстати, в тексте статьи, посвященной событиям 7 июня, нет ни одной фамилии советских работников, а вот лавочник Смирнов стал главным героем повествования?!

Все эти манипуляции с фактами вызывают подозрение, что данная статья должна была отвести удар от ответственных работников города и уезда и, прежде всего, убедить членов чрезвычайной следственной комиссии, что действия членов исполкома Совета были правомерными и соответствовали серьезному текущему моменту. Такие мнения опираются на очевидный факт: в тот период редактором газеты «Рабочий и крестьянин» являлся И. П. Зельдин, член исполкома Кинешемского уездного Совета. Этот человек был весьма влиятелен в среде партийных и советских работников уезда. Помимо редактирования печатного органа Кинешемского уездного исполкома и уездного комитета РКП(б), энергично проявил себя как военный диктатор на территории Юрьеveckого уезда (события мая 1918 г.). 10 мая 1918 г. принял участие в работе окружной конференции РКП(б) в г. Иваново-Вознесенске, на ней был избран в состав Окружного комитета партии (16 мая).

План репрессивных действий в Юрьеveckом и Кинешемском уездах один и тот же. Вправе допустить, что и в кинешемских событиях 7 июня И. П. Зельдин сыграл не последнюю роль. После позорного бегства председателя уездного исполкома Г. Г. Цветкова по чину ему переходила власть в исполкоме Совета в тот день. Косвенным подтверждением сказанному является и то, что для разрешения юрьеveckого кризиса в город прибыли отряды из соседних городов, даже из соседних губерний и Москвы. Видеть в проявлении гражданской активности контрреволюционный мятеж и следовать силовому сценарию в ее подавлении — все эти черты были свойственны для создания и поведения данной личности.

Не менее интересным и поучительным для понимания трансформации норм партийного товарищества и утверждения негласного «кодекса» чести и поведения ответственного звена партии был ход событий в уезде и губернии после инцидента 7 июня 1918 г. В газете (№ 68. 28 июня) говорилось об арестах без упоминания фамилий бывших советских работников. Можно предположить, что первыми арестантами были дезертиры и растратчики Г. Г. Цветков и П. В. Беляев, К. А. Сперанская, рядовые члены отделов уездного исполкома Кинешемского уездного Совета. Временно исполняющим обязанности председателя исполкома был назначен брат Г. Г. Цветкова — Н. Г. Цветков, комиссар по продовольствию. Попутно заметим, что аресты среди советских работников шли поэтапно вплоть до сентября. Иваново-Вознесенская ГубЧК проявляла неожиданную активность в данном деле, можно сказать, особую пристрастность в выявлении круга обвиняемых

и меры их вины. Можно объяснить такую ретивость молодостью организации, — ведь это было первое ее крупное дело, прямо касавшееся представителей провинциальной элиты. Но не только этим объясняется такое поведение сотрудников Иваново-Вознесенского ГубЧК. Именно в эти месяцы и недели 1918 г. чрезвычайно затянулся процесс формирования на базе сопредельных территорий Костромской и Владимирской губерний новой административно-территориальной единицы — Иваново-Шуйско-Кинешемского региона с полномочиями губернии. В немалой степени этому препятствовали слабость власти и нежелание сельского населения Кинешемского уезда присоединиться к данному административно-территориальному образованию. Считаю, что события 7 июня были по полной использованы формирующимися губернскими структурами власти для положительного и форсированного разрешения этой проблемы, в частности получения экстренного согласия на это со стороны кинешемской номенклатуры. Момент для этого был весьма подходящим: кризис уездной власти, ее компрометация среди населения, запуганность следствием и арестами.

Следственные мероприятия губернского центра (в лице ГубЧК) позволили отменить избирательную кампанию в г. Кинешме, перевыборы депутатского корпуса местного Совета не состоялись. Была отменена и подготовка к созыву очередного уездного Совета (последний состоялся лишь в ноябре 1918 г.). На этом фоне состоялся приезд Любимова в уездный центр 17 июня, и на заседании членов Кинешемского Совета было наконец получено принципиальное согласие местного руководства на присоединение к Иваново-Вознесенской губернии. Это было крайне важно для делегации Иваново-Вознесенского губисполкома, находившейся в Москве для разрешения вопроса о создании новой губернии. Возникает невольный вопрос: не этим ли объясняется, что данный вопрос решался именно на коллегии НКВД, а принципиальное согласие было получено уже 18 июня? Да и публикация данного решения прошла 20 июня в ведомственном органе данного наркомата, а не через структуры ВЦИКа. Маневр с давлением удался. Под подписью председателя исполкома Кинешемского Совета Н. Г. Цветкова в июньско-июльских номерах газеты «Рабочий и крестьянин» на видном месте помещались объявления о присоединении Кинешемского уезда к Иваново-Вознесенской губернии по утверждению СНК 20 июня 1918 г. (?) (24/7 июля).

Но легитимная губернская власть г. Иваново-Вознесенска пошла дальше: впереди предстал IV губернский съезд Советов, где наряду с основными вопросами текущего момента стояла и проблема государственного обустройства нового региона (внутреннее районирование и упрочение аппарата управления). Требовались лояльность и конструктивность в мыслях и действиях кинешемской элиты. Подключался и окружной (губернский) комитет партии. Он вынес постановление об исключении из членов партии арестованных по делу «бывших советских работников». Цель его — задействовать принцип партийной дисциплины и субординации уездных, районных и низовых партийных организаций, нейтрализовать «семейный кружок Г. Г. Цветкова и Н. Г. Цветкова», сохранить свое влияние в среде работников исполкома Кинешемского уездного Совета.

И здесь успех сопутствовал инициаторам «кинешемского дела». Список арестованных пополнился, в него попал и исполняющий обязанности председателя исполкома Кинешемского Совета Н. Г. Цветков. Наиболее полный список бывших советских работников, арестованных по делу 7 июня,

приводится в газете «Рабочий и крестьянин» за 29 сентября 1918 г. Содержание статьи «Дело бывших советских работников» чрезвычайно важно, поэтому приведем подробные выдержки из ее текста. Там сообщалось, что силами Иваново-Вознесенского ГубЧК и ВЧК проведен арест Г. Г. Цветкова, Г. А. Цветкова, Н. Г. Цветкова, П. В. Беляева, Н. М. Браткова, А. А. Моркина, А. Я. Чаева, И. П. Зельдина, Н. Е. Морозова, И. П. Тулина, Х. П. Чугунова, К. А. Сперанской, Ершова, Котина. Отмечалось, что главными фигурантами дела являлись Г. Г. Цветков, бывший председатель Совета (обвинение — дезертирство, растрата народных денег, превышение власти и другие преступления), П. В. Беляев (аналогичные обвинения), И. П. Зельдин, бывший редактор газеты «Рабочий и крестьянин» (растрата денег и шантаж), К. А. Сперанская, сотрудник исполкома (похищение денег, связь с белогвардейским движением). Утверждалось, что виновность арестованных доказана, все они понесут заслуженное наказание. Интересно, что арестованному Х. М. Чугунову (левый эсер) ставили в вину действия, якобы послужившие выступлению партии левых эсеров в Москве.

В этом же номере газеты (№ 108) содержалась информация о прошедшем 22 сентября 1918 г. уездном съезде кинешемских партийцев. На нем была принята резолюция о продуктивности работы IV губернского съезда Советов, а деятельность на нем кинешемской делегации одобрялась. Другая резолюция съезда осуждала поведение ответственных работников уезда в событиях 7 июня и призвала применить к ним меры сурового наказания (29/16 сентября).

Любопытная деталь: только на этом съезде было принято решение назначить члена исполкома Кинешемского Совета Ладоху редактором газеты «Рабочий и крестьянин» с 1 октября 1918 г. (1 октября).

А дальше начинается откат в следственной деятельности ГубЧК, то есть отказ от прежних утверждений и выводов по делу. В чем причины? Приходится довольствоваться информацией из газеты за 9, 12 и 16 октября 1918 г. Разрозненные данные вынуждают нас прибегнуть к реконструкции произошедшего «сбоя» в судебно-следственной машине ГубЧК. В газете за 9 октября 1918 г. в заметке «Дело бывших советских работников» сообщалось, что ГубЧК своим решением от 2 октября освободил Н. Г. Цветкова (комиссара продовольствия) из-под ареста в связи с тем, что вменяемое ему обвинение в превышении власти (введение 3 % сбора с грузов в пользу Кинешемского Совета) снимается по причине того, что эти незаконные действия исходили не от него лично, а от исполкома Совета. Освободили из-под стражи и Х. М. Чугунова, ибо его причастность к левозэсеровскому мятежу не была доказана. Затем последовала полоса освобождений советских работников, которые в № 108 за 29(16) октября 1918 г. назывались преступниками, чья вина была доказана, и им грозило суровое наказание: Н. М. Братков, Г. А. Цветков, А. А. Моркин, И. П. Тулин, Беляев П. В., Ершов, Котин, А. Я. Чаев, Н. Е. Морозов. Основаниями для этого служили весьма неубедительные разъяснения: они вернули расхищенные деньги, и их проступки не имели существенного значения (?!). Правда, подчеркивалось, что с них взята расписка о невыезде из г. Кинешмы до суда (?!). С учетом сложного текущего момента данные решения вызывают лишь удивление.

Ситуацию вчерне проясняет статья «Дело бывших советских работников» в № 119 за 12 октября 1918 г. Видимо, под арестом остались те, кто был арестован в первой волне, по горячим следам (в июне 1918 г.). В их число

входили: Г. Г. Цветков, И. П. Зельдин, К. А. Сперанская, Савенков и другие представители военного отдела Кинешемского Совета. В данной публикации вскользь говорилось о том, что местный уездный исполком инициировал ходатайство перед ГубЧК об освобождении Г. Г. Цветкова на поруки. Видимо, «семейный кружок» Цветковых в исполкоме Совета крайне встревожился вынесенным ГубЧК смертным приговором в отношении Г. Г. Цветкова. Известно, что ГубЧК отклонила это заявление Кинешемского уездного исполкома, тогда тот отправил соответствующее ходатайство в центр (видимо, ВЧК). Москва сделала запрос в Иваново-Вознесенскую ГубЧК, которой пришлось командировать двух своих сотрудников для проинформирования следственной комиссии ВЧК о сути дела. Интересная деталь: от ГубЧК требовали лишь интересующий ВЧК материал, а не исчерпывающий доклад о проделанной следственной работе. То есть ВЧК взял под свой контроль это дело и вынесение окончательного решения по нему. Кинешемский уездный исполком тоже отправил делегацию в центр (12 октября, 16 октября).

В статье за 16 октября 1918 г. (№ 122) давались новые подробности этого конфликта губернской и уездной номенклатур по делу «бывших советских работников». Так, новый председатель исполкома Кинешемского Совета Кордюков инициировал ходатайство исполкома о смягчении участи заключенных, предлагая взять их на поруки, кроме И. П. Зельдина и К. А. Сперанской. Кинешемский уездный исполком отправил делегацию в центр с просьбой отменить приговор о расстреле Г. Г. Цветкова. Как сообщил Кордюков на районной конференции РКП(б) Кинешемского уезда 13 октября центр принял сторону кинешемской делегации, то есть высказался в пользу освобождения Г. Г. Цветкова на поруки, но представитель ГубЧК настаивал на своем приговоре. Тогда дело было передано на окончательное решение в ЦК РКП(б).

Мотивы вынесения Кордюковым данного вопроса на уездный партийный форум ясны: судьба Г. Г. Цветкова и его сотоварищей теперь была в руках партийного суда, для положительного разрешения спора требовалось ходатайство кинешемской партийной организации. Следует сказать, что в ходе прений по данному вопросу победило прежнее мнение делегатов первичной партийной организации: 29 голосов было отдано за резолюцию против смягчения участи арестованных, за их суровое наказание. При этом они подчеркивали, что уже есть на этот счет решение уездной конференции партии (от 22 сентября 1918 г.), 7 голосов — за смягчение наказания, 8 голосов — воздержались (13 октября).

Тогда руководство исполкома Кинешемского Совета в ноябре 1918 г. предприняло последнюю попытку повлиять на решение данного вопроса. Вопрос о «бывших советских работниках» был включен в повестку дня уездного съезда Советов. Вначале был заслушан доклад о деятельности исполкома Совета, в нем особо подчеркивалось, что в связи с последними событиями в г. Кинешме работа руководящих органов уезда шла «ненормально» (?!). Затем с информационным докладом выступил член исполкома, редактор газеты «Рабочий и крестьянин» Ладоха. В этом выступлении доминировал обвинительный уклон в адрес бывших советских работников, находившихся под арестом. В результате на съезде была принята резолюция, осуждавшая действия Г. Г. Цветкова. Данный документ интересен тем, что показал раскол депутатского корпуса на 2 лагеря: за принятие такой резолюции проголосовали 82 человека, против — 56 человек, воздержалось — 22 человека, то есть 82 против 76 голосов.

По-моему, над депутатами возобладало не чувство справедливости и чести, а скорее клановые интересы, работавшие на инстинкте самосохранения. И это несмотря на уже вынесенные решения районной и уездной партконференций, соответствующие постановления Окружного (губернского) комитета партии. Это был тревожный сигнал, говоривший о многом: на местах интенсивно шел процесс трансформации принципов товарищества, идейности и чести на негласный кодекс мышления и поведения, взаимной договоренности и выручки, выводящий ответственные кадры на режим безнаказанности.

Как же сложилась судьба Г. Г. Цветкова и его сотоварищей? Известно, что на заседании Кинешемского уездного исполкома 2 декабря 1918 г. рассматривалось заявление Г. Г. Цветкова о принятии мер по его немедленному освобождению. Обратим внимание на такие детали сообщения: бывший председатель Кинешемского Совета направил в адрес уездного исполкома не ходатайство, а заявление, причем не о содействии в смягчении будущего приговора суда ЦК РКП(б), а о принятии мер к его немедленному освобождению (?!). Даже под арестом у него сохранились амбиции, замашки властелина своей епархии. Каким же он обладал влиянием, будучи на своем посту?! Но уездный исполком, скованный дисциплиной аппарата и животным инстинктом самосохранения, отклонил это обращение (17 декабря).

Что касается личности Г. Г. Цветкова, то в начале 1919 г. прошел партийный суд в Москве, его защищали Коллонтай и Ломов, видные большевики. Партийная инстанция, учитывая стаж и заслуги Г. Г. Цветкова в период Февральской и Октябрьской революций, вынесла ему партийное взыскание и временно запретила занимать ответственные должности в партийных и советских аппаратах управления. Есть полная уверенность, что «грязь» Гражданской войны быстро смыла с его имени позорное пятно дезертира и растратчика и помогла выплыть на управленческий уровень — уровень вершителя судеб населения, но уже другой вотчины.

Что питает такую уверенность? Судьба его соратника по событиям в г. Кинешме 7 июня 1918 г. — И. П. Зельдина. В газете «Рабочий и крестьянин» за 1 декабря 1918 г. (№ 158) вышла небольшая заметка, посвященная И. П. Зельдину. В ней автор сообщал читателям, что данный фигурант «дела» освобожден... ВЧК (?!). Более того, имеет намерение устроиться на ответственную должность в г. Ярославле. Тамошние инстанции направили в адрес кинешемского уездного комитета партии запрос с вопросом: можно ли принять его на службу? Интересным был ответ: И. П. Зельдин не исключен из партии, т. е. был дан положительный отзыв о бывшем арестанте (?!). Автор искренне удивлен: как же так? Ведь известно, что Иваново-Вознесенский окружной (губернский) комитет партии исключил из членов партии И. П. Зельдина вместе с Г. Г. Цветковым, Коллиным, Савенковым. А дальше, после некоторых раздумий приходит к ироническому заключению: видно, в уездном комитете партии забыли об этом (?!). Завершается заметка замечательно убийственной присказкой, характеризующей изменение стандарта жизни, мышления и поведения «верхов» партии и советского аппарата: «Тих и кроток, как овечка, и крепенек лбом, до хорошего местечка доползет ужом».

О чем еще свидетельствует эта публикация? В партии, на местах, еще слышны отголоски протеста против набравшей силу «новой волны» порядка и нравов в среде избранной элиты общества. Иначе не появилась бы данная заметка, не произошла бы утечка «неудобной информации». Но это уже были

замирающие отголоски, прикрытые в данном случае псевдонимом (автор статьи скрывается под именем «Мистер ИКС»).

Итак, подведем итоги вышесказанному. Убив «дракона» (свержение царизма и режима Временного правительства), правящая партия сама стала превращаться в чудовище, правда, с оперением «советского красного самодержавия». Правящий статус меньшинства над абсолютным большинством в условиях ожесточенного противостояния сторон консолидировал партийцев ответственного звена советско-партийной власти в сословие избранных, освященных правами беззакония, непогрешимости, но с генетическим чувством страха перед вертикалью власти, ее карательно-репрессивными структурами. Именно правящая партия была генератором и пристанищем базовых принципов такой трансформации норм внутрипартийной жизни. Эти регрессионные процессы пошли уже весной 1918 г. по нарастающей, к концу Гражданской войны они были окончательно завершены. Этому свидетельством является системный политический кризис, вылившийся на рубеже 1920—1921 гг. в пресловутую форму «дискуссии о профсоюзах».

ББК 63.442.14(2)

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

МНОГОСЛОЙНАЯ СЕЗОННАЯ СТОЯНКА ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ САХТЫШ IV (Ивановская область)

Археологическая стоянка Сахтыш IV представляет собой остатки сезонных стойбищ эпохи первобытности от раннего неолита до эпохи позднего бронзового века включительно. Об этой ситуации надёжно свидетельствуют все полученные материалы. Здесь не выявлено никаких жилищных построек, ритуальных комплексов, захоронений. Орудийный набор очень беден, некоторые категории отсутствуют вовсе (резцы, свёрла, рубящие инструменты, разного рода заготовки). Не встречено массивных фрагментов от громоздких сосудов, которые трудно транспортируемы и т. д. Подобные сезонные фактории известны и в других пунктах левобережья р. Койка — Сахтыш III, X, XI. А стали возникать они в микрорегионе ещё в период финального мезолита (Сахтыш IX).

Ключевые слова: сезонная стоянка Сахтыш IV, неолит, эпоха бронзы, керамика, каменные орудия.

Archaeological site Sakhtysh IV represents the remains of seasonal camps of the primitive era from the Early Neolithic to the late Bronze Age inclusive. All the materials gathered definitely prove this point. No residential buildings, ritual complexes, burials were found here. The tool set is very poor, some categories are absent at all (cutters, drills, chopping tools, various preparations). There are no massive fragments from bulky vessels that are difficult to transport, etc. Such seasonal factors are also a feature of other sites of the Kiyka river's left bank: Sahtysh III, X, XI. They began to appear in the micro-region during the final Mesolithic (Sahtysh IX).

Key words: the seasonal site Sakhtysh IV, Neolithic, Bronze Age, pottery, stone implements.

© Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2018

Сахтыш IV — стандартный, но сильно нарушенный хозяйственной деятельностью памятник Сахтышского археологического комплекса. Он расположен на левом берегу р. Койки (Кийки), вытекающей из палеозера. Древняя стоянка занимала пологий склон небольшого возвышения — напротив многослойного поселения «Малый островок» (Сахтыш I). С запада она ограничивалась ныне спрямлённым руслом Койки; с севера — сухим руслом небольшого ручья, отделяющим его от стоянки Сахтыш III; с востока — невысоким гребнем бугра, а с юга упиралась в озеровидное расширение речки [4].

В первой половине 1950-х гг. на дюнном холме и его скатах, среди болотных топей началось строительство рабочего посёлка торфяников, зарегистрированное в кадастровом списке как «Четвёртый посёлок Ново-Леушинского торфопредприятия». На территории древней стоянки была устроена усадьба Д. Е. Пивного: деревянная изба, колодец, баня, всевозможные сараи, огород, придомный сено-покос для скотины и т. д.

И при строительстве, и при запашке земли хозяева постоянно встречали в грунте непонятные им вещи — обломки керамической посуды, кремнёвые осколки, редкие примитивные орудия труда эпохи первобытности. Они периодически собирали их и, по словам Д. Пивнова, «вёдрами сваливали на проезжую дорогу»; забутили даже тропку к входу в дом.

В 1962 году, когда Верхневолжская археологическая экспедиция ИА АН СССР приступила к раскопкам Сахтыша I, Д. Е. Пивнов сообщил Д. А. Крайнову о находках на огороде и лугу, завершив своё повествование рассказом «об обнаруженных «изогнутой <...> кирке из зелёного камня <...> и каменном топоремолотке» при рытье колодца [10]. Тогда же О. С. Гадзяцкой со слов находчика были сделаны карандашные «фото-роботы» артефактов, а в августе следующего года экспедиция приступила к исследованиям памятника.

Возле колодца был заложен шурф (2,5 × 1,5 м) в надежде отыскать следы разрушенной могилы эпохи бронзы. Увы, надежды не оправдались, До глубины — 0,5 м фиксировались только остатки сильно нарушенного культурного слоя. Аналогичная ситуация была прослежена и в двух других шурфах.

В 1964 и 1965 годах исследования древнего поселения были продолжены, а в августе 1977 г. завершены шурфом Ю. Б. Цетлина («контрольным участком» 2 × 2 м).

В целом было заложено и вскрыто 15 шурфов. Их объединённая площадь в сумме составила 86 кв. м. В шурфах была прослежена, в общем-то, более-менее однообразная стратиграфия.

На лугу под слабым дёрном толщиной 0,10—0,12 м шёл горизонт пахоты — слоя серо-коричневой супеси мощностью от 0,20 до 0,25 м.

На улице плотный дёрн, с втоптаным в него современным строительным мусором (не до конца разложившейся древесной щепой, мелкими керамическими обожжёнными катышами, кирпичной крошкой, обрезками листового железа, драночными гвоздями и стеклом), залегал тонким (в 10—12 см) горизонтом на тёмном песке с артефактами, а ниже шёл материковый грунт — белый песок мучнистого цвета.

На огороде дёрна как такового не было. Верхний раскопный слой начинался с лопатного перекопа светло-коричневой рыхлой супеси на глубину до 0,20 м. Ниже она плавно переходила в тёмно-коричневую супесь, мощностью до 0,20—0,30 м — нетронутый культурный горизонт древнего стойбища. Аналогичная ситуация фиксировалась и в северных (луговых), и в восточных (уличных) шурфах, с той лишь разницей, что варьировала толщина

слоёв, указывая на их увеличение вниз по склону, в сторону реки. В огородных шурфах наблюдалось хаотичное появление тонких (до 1—1,5 см), коротких линз эоловой пыли светло-жёлтого цвета, которая ветровыми эрозиями заполнила неровности древнего рельефа.

Низы всех шурфов подстилались плотными, влажными и прекрасно отсортированными пластами чистого желтовато-белого песка, которые можно уверенно интерпретировать как материк.

Археологические находки встречены и в пахотно-огородных пластах, и в тёмно-коричневой супеси, которые являли собой фактически полуразрушенный единый, по меткому выражению А. Н. Сорокина, «культурно-содержащий» горизонт. Иногда они группировались в небольшие пятна-скопления, порой не связанные между собой.

Почти вся коллекция была передана в фонды Ивановского областного краеведческого музея, но на момент написания настоящей заметки, её найти не удалось. Лишь в фондах археологического музея ИвГУ обнаружилась небольшая коробка с обломками керамики. Кроме того, сохранилась опись вещей, составленная Е. Н. Ерофеевой в 1965 г. и дополненная Л. С. Китицыной описанием находок 1963 и 1964 годов.

Объединённое число артефактов составило 306 единиц, 234 из них приходится на обломки керамической посуды

Венчают свиту керамики фрагменты горшков эпохи раннего железного века, как гладкостенные (9 экз.), так и «текстильные» (24 экз.), без какого-либо орнамента, но с крупной, плохо промешанной и тяжёлой минеральной примесью, — дресвой. Аналогичная посуда хорошо известна почти на всех Сахтышских поселениях, где она иногда сопровождается железными ножами с горбатой спинкой (Сахтыш II), обломками грузиков «дьякого» типа (Сахтыш VIII) и цельным тиглем (Сахтыш X) [7]. Однако материалы нигде не составляют отдельных комплексов, которые часто фиксируются на одновременных городищах, а хаотично «распылены» по слою. Единственным таковым комплексом в ближайшей округе следует считать четыре развала сосудов на стоянке Вашутинская (Ярославская обл.). Три из них — «сетчатые» и один гладкостенный [3]. Форма и размеры первых не реконструируются. Сделаны они грубо, имели слегка закрытое устье, выпуклое тулово и плоское днище с небольшими закраинами, сетчатый фон нанесён небрежно. Восстановлен гладкостенный сосуд вытянутых пропорций, округлобокий, также с плоским дном (диаметр устья — 18, дна — 16, высота сосуда — 26 см). В древности для его починки на шейке были просверлены попарно отверстия.

Аналогичную посуду на дьяковских городищах Подмосковья И. Г. Розенфельд датировала IV—VII вв. н. э. [20]. Для вашутинской керамики получена более ранняя дата по образцу угля из кострища в кв. 77 на глубине 20 см (раскоп 1984 г.) близ развалов горшков. Она составляет 2280 ± 40 л. н. (Je-2618). Если эта дата правильна, то следует предположить, что керамика эпохи раннего железа на Вашутинской стоянке и синхронных ей памятниках накапливалась, начиная с конца IV в. до н. э. Преобладание обломков и развалов сосудов с сетчатым фоном как будто бы это подтверждает.

Керамика эпохи бронзы (37 экз.) относится к так называемой, фатьяноидной, известной в литературе также как сейминская, предпоздняковская и чирковская. Мы вслед за А. Л. Никитиным, считаем её «дериватом лесного абашева» или «абашевидной», аналоги которой хорошо известны в курганном абашевском могильнике Кухмарь на Плещеевом озере (Ярославская обл.) [9].

Черепки происходят в массе своей от сосудов круглодонной формы с невысокой шейкой-раструбом. Большая часть ёмкостей, за редким исключением, не украшена. У декорированных сосудов орнаментировались только шейка и плечики тулова. Орнамент мелкозубчатый, примитивный: тонкие многорядные полосы, реже — одиночные или двоянные зигзаги. Формально, казалось бы, это — единый комплекс, но по примесям он чётко распадается на две группы: первая — с песком и дресвой в качестве отошителей глины, вторая — с обильными добавками мелко протёртой раковины. Если внимательно изучить опись 1965 г., то ряд фрагментов (четыре-пять), отнесённых к первой группе, следует считать собственно фатьяновскими, тем более, что на некоторых из них сохранились нарезки и в композиции рисунков (рис. 2:1).

Подобная посуда широко известна на многих многослойных поселениях Сахтышского палеозера [2; 7], на стоянках озёр Вашутино, Неро, Ловецкое, Плещеево, Заболоцкое [3; 12; 18; 19; 17; 1; 15], в бассейне реки-Москвы [16], в Языкове I [18] и в других пунктах западной части Волго-Клязьминского междуречья.

Удивляет другое: полное отсутствие остатков маломощного горизонта «ложнотекстильной» керамической группы, черепки которой часто путают с обломками «текстильной» посуды. Однако она по ряду признаков и нюансов чётко отличается от последних (относительная тонкостенность, большая аккуратность в промешивании измельчённой дресвы в составе формовочной массы и в нанесении на внешнюю поверхность «сетчатого» фона, почти обязательный ряд «жемчужин» под краем устья, наконец, доминирование низких, широкогорлых, округлодонных ёмкостей с S-овидным профилем).

Единственный «чистый» горизонт с подобным стилем керамики нам известен только на соседнем Ивановском болоте (Ярославская обл.). Это — первый культурный слой стоянки Ивановское III, датированный по необработанному куску древесины временем 3320 ± 40 л. н. (ЛЕ-1939) [14]. Слой отложился на месте рухнувшего от переувлажнения леса, гибель которого произошла, если судить по древесине одного из берёзовых стволов, 3580 ± 40 л. н. (ЛЕ-1968)¹.

Предшествующим керамическому комплексу эпохи поздней бронзы был квази-энеолитический, представленный финальноволосовской посудой, от которой в шурфах собрано всего 34 экз. Черепки однородные, мелкие, происходят от толстостенных сосудов средних габаритов с округлым, слегка приплюснутым дном и прямым венчиком. Примесями к тесту служили обильные добавки травяной трухи, поэтому они были лёгкими и ломкими (рис. 1:9). Также на их сохранность сильно повлияла влажная среда залегания в слое: почти у всех фрагментов пористые пустоты оказались забиты гидроокислами.

¹ Подобные, но более впечатляющие остатки суббореального «лесоповала» фиксировались при раскопках стоянки Ивановское V. Там стволы в основании пачки древесного торфа лежали, как в современном пилорамном цеху, эстакадой. При этом при падении многие сучья пробили горизонт ольхового торфа, культурный слой и частично углубились в материк. По шести образцам древесины проведён радиоуглеродный анализ. Получено столько же дат в интервале 2950 ± 40 — 3480 ± 40 л. н. (ЛЕ-2147, 2895, 2897, 2898; ГИН-5889, 5893). Не противоречат этому и датировки собственно по торфу — 3040 ± 60 (ГИН-5895) и 3380 ± 120 л. н. (ЛЕ-1108) [6, с. 4—5]. Прослеженный катаклизм в истории гидрологии Ивановского палеозера происходил не одномоментно, а, очевидно, на протяжении нескольких десятков лет — обводнение береговой кромки, омертвление корневой системы растительности и, наконец, падение мёртвых стволов деревьев.

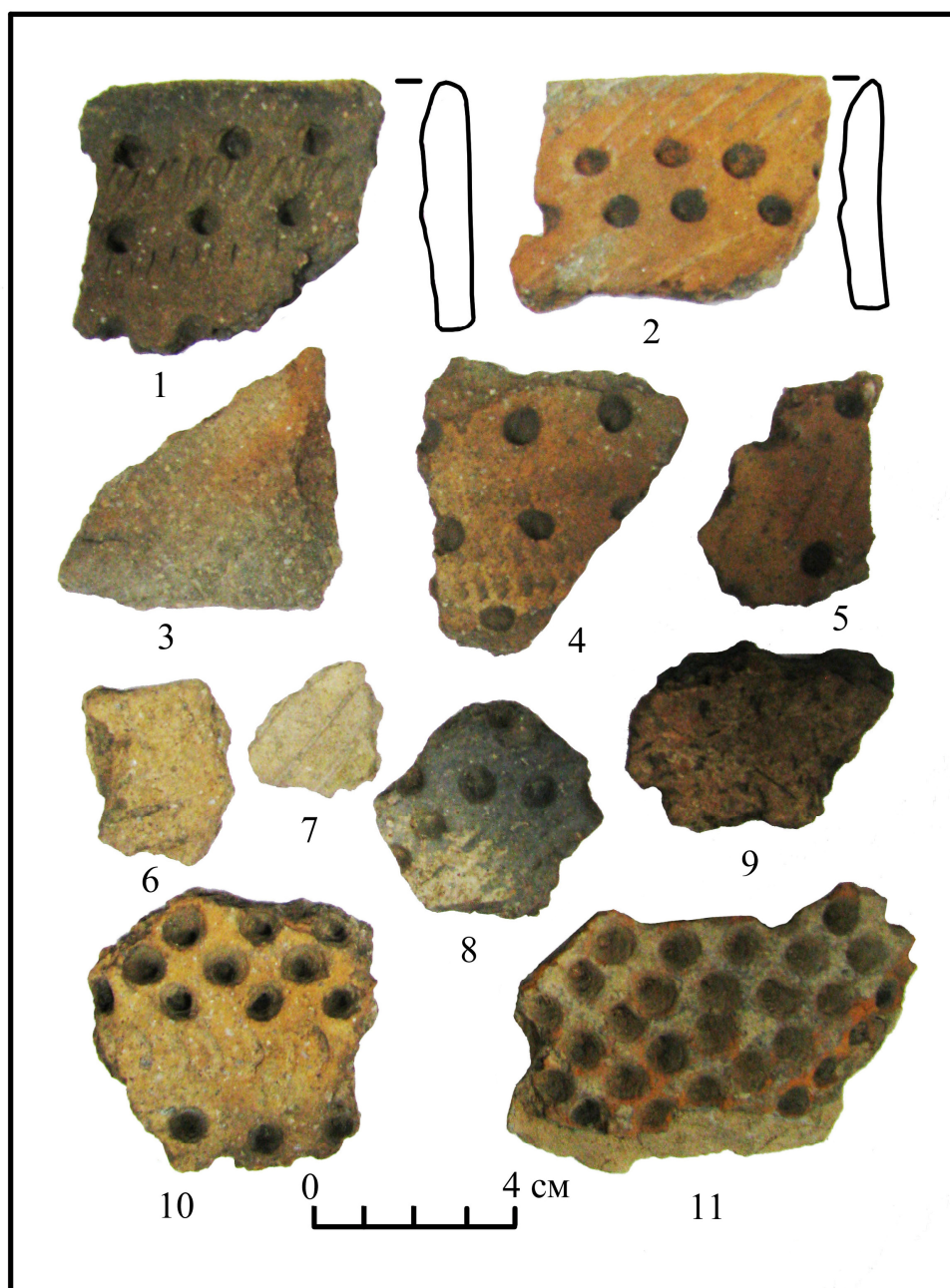

Рис. 1. Сахтыш IV. Обломки керамических сосудов
(фото Е. Л. Костылёвой)

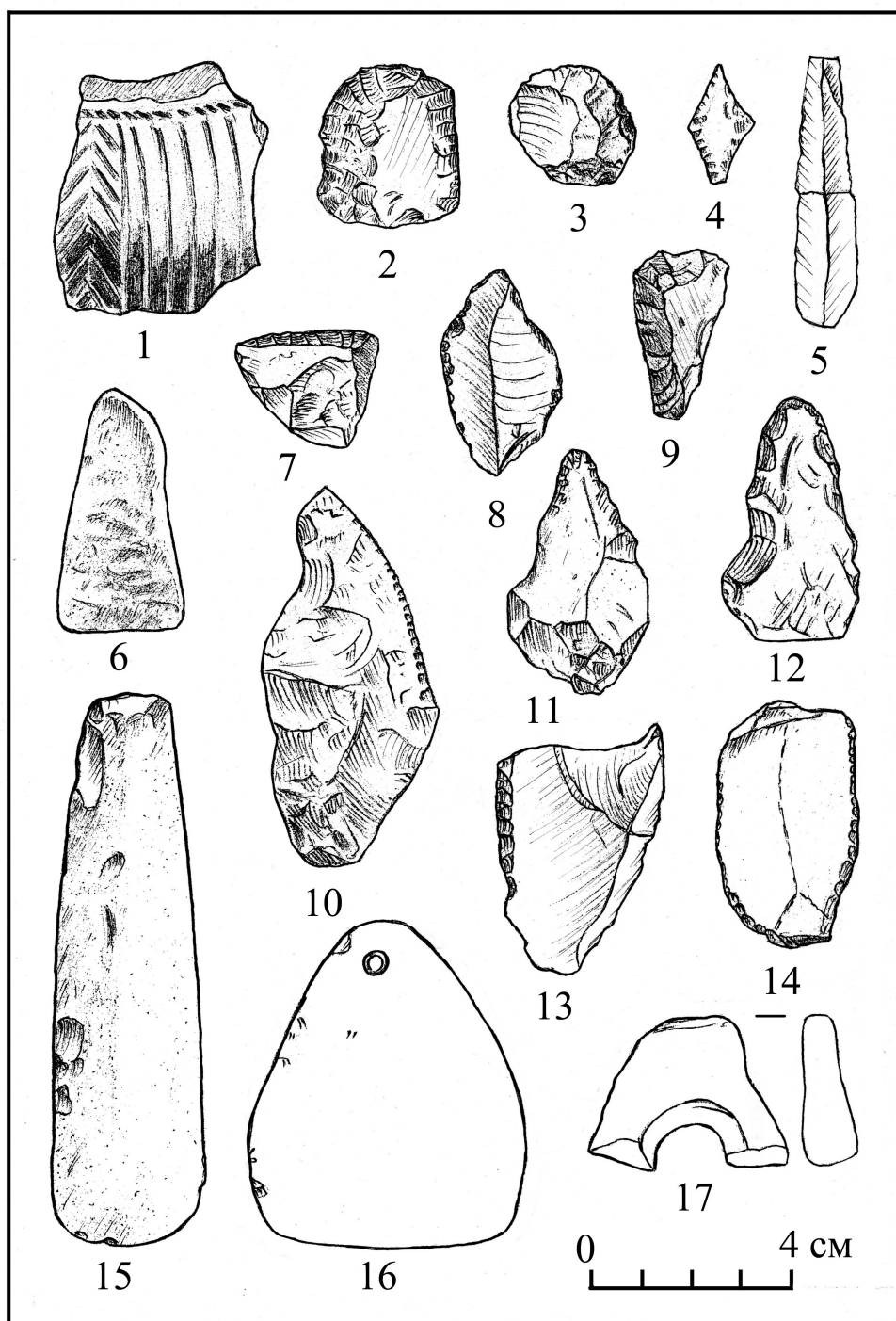

Рис. 2. Сахтыш IV. Керамика (1), орудия и поделки из камня (6, 15, 16), кремня (2—5, 7—14) и глины (17) (1—15 — рис. Е. Н. Ерофеевой, 16, 17 — рис. Л. С. Китицыной из описи находок в обработке Е. Л. Космылёвой)

Орнаментация посуды проста, набор рисующих инструментов скуден. Это горизонтальные ряды небрежных ямчатых вдавлений, нанесённых пуансонами под острым углом к поверхности и чередующихся по вертикали. Часть сосудов была украшена короткими, но широкими наклонно или вертикально поставленными зубчатыми оттисками, сгруппированными в горизонтальные пояса. Какого-либо усложнённого декора не отмечено. Нет даже отпечатков рамчатого штампа.

Среди остатков неолитической посуды доминировали фрагменты от горшков льяловской культуры — круглодонных, полуяйцевидной формы, средней и малой величин (110 экз.). Примесь в тесте — мелкотолчёная дресва (иногда хорошо промытый песок). Орнамент и его композиции примитивны. Внешнюю поверхность сосудов покрывали частые ряды конических ямок, расставленных построчно или в шахматном порядке. Примерно одна треть черепков (возможно, чуть меньше) дополнительно была декорирована аккуратными оттисками зубчатых штампов, являвшихся разделителем ямочного поля. Как правило, в разделительной зоне присутствовал пояс наклонно или вертикально поставленного зубчатого штампа, или две-три полосы горизонтальных оттисков штампа «внахлёт». Очень редко «разделители» были из горизонтального ряда отпечатков «лунниц», выполненных тыльным концом белемнита. В большинстве случаев, пояски штампа наносились на места стыка глиняных лент, из которых были «свиты» сосуды, для уплотнения «шва» (рис. 1:2, 5, 8, 10, 11).

Кроме того, в подсчёты собственно льяловской керамики включены четыре обломка с редкоямочной орнаментацией, понять композиции которых невозможно, и десяток черепков от одной ёмкости керамики так называемого «северного» типа. Она с примесью крупной, плохо промешанной дресвы. Главным рисующим элементом был зубчатый короткий штамп, вдавления ямок редки, иногда они наносились на гребенчатые поля. Подобная посуда хорошо известна на территории Финляндии, где получила название Типичной гребенчатой керамики Первого стиля; её ещё называют также керамикой типа Сярайсниemi-I (рис. 1:1, 4).

Последний керамический блок (по хронологической шкале Волго-Очья — первый) состоит из раннеолитических черепков верхневолжской культуры (≈20 штук). Культурная принадлежность обломков определена исключительно по рисункам Е. Н. Ерофеевой в «Описи находок», так как, когда исследовался памятник, о подобной керамике знали три-четыре столичных археолога, да и то лишь по публикациям Б. С. Жукова по непонятному «лесному энеолиту». Фрагменты мелкие, но форма посуды более-менее угадывается, как полужакрытый тип с приострённым венчиком, раздутым туловом и параболоидным днищем. Размеры средние. Примеси — шамот, или смесь дресвы и шамота. Внешняя поверхность сосудов сплошь орнаментирована относительно длинными наклонно поставленными зубчатыми оттисками (рис. 1:3, 6, 7). Присутствовали в орнаментации и ямочные вдавления. Они, в отличие от конических льяловских ямок, были цилиндрическими и не оставляли на обороте чётких следов в виде рельефных «жемчужин». В системе декора ямчатые углубления носили подчинённый характер, были сгруппированы в одиночные горизонтальные строчки или под срезом венчика, или в разделительной зоне орнамента.

Отходы производства каменных орудий обычны для эпохи первобытности. Сырьём служил местный валунный кремень низкого качества.

При раскопках собрано 53 мелких бесформенных осколков, отщепов, чешуек и просто кусков. К ним также отнесено 22 экз. с нерегулярной краевой ретушью, так называемых эрзац-орудий, и шесть ножевидных пластинок правильной огранки без обработки.

Типологически и морфологически выраженных артефактов мало — 17 экз. (рис. 2: 2-17). Так, один из трёх скребков малых размеров, имеет «циркульный» абрис и удивительно напоминает аналогичные орудия среднего мезолита стоянки Малая Ламна-III, расположенной на востоке Ивановской обл. [21]. Изделие, на наш взгляд, следует относить к раннему неолиту. Одновременно ему три ножевидных пластинки с трёхгранными скатами и регулярной режущей ретушью.

Второй скребок — короткий, подпрямоугольной формы, со спинкой, полностью обработанной ровной струйчатой ретушью. Близкое оформление имеет малый треугольно-черешковый наконечник стрелы с шипами. Оба изготовлены в позднебронзовом веке. Этим же временем датируются короткообушковый сверлёный фатьяновский топор, по-видимому, из диорита (утерянный ещё до начала шурфовки памятника) и узкое полированное тесло, подобное найденному на стоянке Плещеево IV [17].

Прочие орудия (скребок, иволистный наконечник стрелы, обломок подромбического наконечника и четыре ножа на широких отщепах) маркируют нео-энеолитический этап периода первобытности. Несомненно, льяловской была сланцевая мотыга. Она слегка изогнута, правильных ромбических пропорций, края пришлифованы, в центре сквозное отверстие. Причём, отверстие не сверлилось, а прибавалось методом встречного пикетажа.

Как волосовское изделие мы рассматриваем обрубок короткой ветви лоса. Это, по-нашему мнению, пуансон, конец которого дополнительно подточили на абразиве.

Безусловно, позневолосовским является простое украшение — подвеска. Она из зеленоватого сланца, тонкая, треугольной формы, плоские поверхности ровно отшлифованы, в вершине просверлено коническое отверстие. Подобные артефакты в изобилии известны на Сахтышских могильниках [5].

Последняя находка на Сахтыше IV представлена обломком керамической поделки из глины с естественными включениями мелкого песка, в поперечном разрезе секторовидная, но боковые края сохранили рёбра тела. По центру до термической обработки сделано широкое отверстие. Один конец заужен и напоминает короткий обушок. Подобных находок из культурных отложений поселений мы не знаем. По осторожному мнению Д. А. Крайнова [11], это мог быть фрагмент вотивного детского топора, которые sporadически встречаются в поздних фатьяновских могилах, в частности, Волосово-Даниловского некрополя.

Заключение

Подведем итоги. Исследованный Верхневолжской экспедицией под руководством Д. А. Крайнова археологический памятник Сахтыш IV являет собой остатки наслоившихся друг на друга временных стоянок эпохи первобытности от раннего неолита до эпохи позднего бронзового века включительно. Об этой ситуации надёжно свидетельствуют все полученные материалы, несмотря на современную антропогенную разрушенность объекта.

Сплошной шурфовкой здесь не выявлено никаких жилищных построек, ритуальных комплексов, захоронений. Нет даже намёков на их существование. Орудийный набор очень беден, некоторые категории отсутствуют вовсе (резцы, свёрла, рубящие инструменты, разного рода заготовки). Не встречено массивных фрагментов от громоздких сосудов и чанов, которые трудно транспортируемы и т. д. Подобные сезонные фактории, но с лучше сохранившимися культурными пластами, известны и в других пунктах левобережья Койки/Кийки — Сахтыш III, X, XI [7; 8; 22]. А стали возникать они в сахтышском микрорегионе ещё в период финального мезолита (Сахтыш IX [13]).

Другими словами, вслед за спадом весеннего паводка всхолмления левого берега реки на весь тёплый сезон заселялись первобытными охотниками и рыболовами. Они со своим промысловым инвентарём и нехитрым домашним скарбом приходили с базовых поселений — Сахтыш I, II, IIa, VII и VIII и туда же возвращались, когда начинало холодать.

Библиографический список

1. Азаров Е. С., Чаукин С. Н. Финал бронзового века на городище Александрова гора // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. М. : ИА РАН, 2018. Вып. 14. С. 14—25 с.: ил.
2. Гадзяцкая О. С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы: Волго-Клязьминское междуречье // Советская археология. 1992. № 1. С. 122—141: ил.
3. Гадзяцкая О. С., Уткин А. В. Новые раскопки Вашутинской стоянки // Советская археология. 1989. № 1. С. 125—144: ил.
4. Жилин М. Г. Заселение Сахтышского торфяника в мезолите и неолите // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 99—105: ил.
5. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М. : ТАУС, 2010. 300 с.: ил.
6. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Неолитическая стоянка Ивановское V // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 3. С. 3—23: ил.
7. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Многослойная стоянка эпохи первобытности Сахтыш X // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 62—83: ил.
8. Костылёва Е. Л., Жилин М. Г., Уткин А. В. Многослойная сезонная стоянка эпохи первобытности Сахтыш III // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 3. С. 58—64: ил.
9. Крайнов Д. А. Кухмарский курганный могильник // Краткие сообщения Института Археологии. М., 1962. Вып. 88. С. 51—63: ил.
10. Крайнов Д. А. Отчёт о работе Верхневолжской археологической экспедиции в Ивановской области за 1963 год // Архив ИГОИРМ 07-3/43.
11. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М. : Наука, 1972. 274 с. : ил.
12. Крайнов Д. А., Уткин А. В. Многослойная стоянка Уница на озере Неро // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. Вып. II. С. 50—71: ил.
13. Крайнов Д. А., Лозовский В. М., Костылёва Е. Л. Мезолитическая стоянка Сахтыш IX // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1990. Вып. 3. С. 23—31: ил.
14. Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Уткин А. В. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III // Советская археология. 1990. № 3 С. 25—31: ил.

15. *Кренке Н. А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: Этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М., 2014. 720 с.: ил.
16. *Кренке Н. А., Еришова Е. Г., Войцук А. А., Каспаров А. К., Лавриков М. В., Раева В. А.* Археологическая разведка в нижнем течении р. Сула. К вопросу об изменении ландшафтов и истории хозяйственного освоения региона Заболоцкого озера в позднее Голоцено) // Стоянка Замостье-2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в Голоцено. СПб. : ИИМК РАН, 2018. С. 166—184: ил.
17. *Никитин А. Л.* Эпоха бронзы на Плещеевом озере // Советская археология. 1976. № 1. С. 69—86: ил.
18. *Сидоров В. В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна: Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992. С. 4—113: ил.
19. *Сидоров В. В.* Стоянки Заболоцкого озера // Древности Залесского края : материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад, 1997. С. 104—143: ил.
20. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М. : Наука, 1974. С. 90—197.
21. *Уткин А. В.* Мезолитическая стоянка Малая Ламна III в бассейне р. Лух // Советская археология. 1990. № 4. С. 158—168: ил.
22. *Уткин А. В., Жилин М. Г., Костылёва Е. Л., Климашов И. Ю.* Сезонная стоянка мезолита — раннего неолита Сахтыш XI // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3(11). С. 38—42.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИВГУ

ББК 60.9ц

Е. Б. Задорожникова

СТАНДАРТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Статья посвящена различным аспектам процесса стандартизации социальных услуг как средству регулирования социальных отношений, в котором заинтересованы получатели социальных услуг, государство, коммерческие и некоммерческие организации.

Ключевые слова: стандарты, социальные услуги, стандартизация.

The article is devoted to various aspects of the process of standardization of social services as a means of regulating social relations, in which the recipients of social services, the state, commercial and non-profit organizations.

Key words: standards, social services, standardization.

В современных условиях стандартизация все чаще выступает инструментом повышения эффективности социальных услуг, средством регулирования социальных отношений, фактором снижения риска предложения социальных услуг и фактором профессионализации социальной работы.

Процесс стандартизации, с одной стороны, предполагает разработку требований к своевременности и качеству, а, с другой стороны, вызывает доверие к социальным услугам у граждан. Основная задача стандартизации социальных услуг — минимизация издержек взаимодействия между получателями услуг и исполнителями в процессе оказания социальных услуг [3].

В процессе стандартизации требуется соблюдение следующих принципов:

1. Обязательность применения стандартов при оказании социальных услуг.
2. Единство требований к социальной услуге на всей территории Российской Федерации.
3. Минимизация затрат и ресурсов получателя.
4. Регулирование и пересмотр требований стандартов социальных услуг.

Следует отметить, что в процессе стандартизации заинтересованы как государство, так и коммерческие и некоммерческие организации.

Так, интересы государства в процессе стандартизации состоят в следующем:

- разгосударствление социальных услуг;
- создание конкуренции в сфере социальных услуг;
- повышение качества социальных услуг;
- увеличение ассортимента социальных услуг;
- приращение мощностей.

© Задорожникова Е. Б., 2018

Не менее значимыми представляются и интересы коммерческих и некоммерческих организаций в процессе стандартизации:

- возможность создания специальных социальных услуг для своей целевой группы;
- обновление социальных услуг, деятельности;
- обеспечение длительного финансирования;
- развитие частично оплачиваемых услуг;
- уравнивание статуса государственных и негосударственных поставщиков социальных услуг;
- получение налоговых льгот;
- право получать компенсацию за оказание социальных услуг;
- быстрое реагирование на запрос целевой группы.

В настоящее время наличие стандартов оказания услуг является одним из правовых условий оказания социальных услуг. Порядок предоставления социальных услуг гражданам наряду с наименованием, правилами предоставления, требованиями к деятельности поставщика, перечнем необходимых документов включает в себя стандарт конкретной социальной услуги.

Стандарты — это наборы измеримых и проверяемых критериев, которые описывают, как должно выглядеть качество социальных услуг или образец структуры и содержания деятельности социальной организации по предоставлению социальных услуг гражданам, утвержденный необходимым образом и содержащий требования к продуктивности и качеству предоставления социальной услуги [4]. Основная цель стандарта — оценка качества предоставления социальных услуг.

Различают следующие группы стандартов качества социальной услуги:

- процедурные стандарты (цель и способ оказания услуги, договор, жалобы, защита прав потребителей);
- профессиональные стандарты (персонал, условия работы и менеджмент оказания социальных услуг, профессиональное развитие сотрудников);
- операционные стандарты (место и время оказания услуг, осведомленность об услуге, порядок и условия оказания социальных услуг, поддержка качества социальных услуг, финансирование) [1, с. 120].

Логика разработки стандартов социальных услуг всегда предполагает — подготовительный этап, разработку проекта стандарта социальных услуг, обсуждение в профессиональной среде, научную проработку и общественное слушание [2, с. 96].

Наиболее эффективная методика разработки стандарта социальных услуг состоит в следующем:

1. Организационная подготовка.
2. Сбор информации.
3. Исследование.
4. Разработка проекта стандарта.
5. Апробация проекта стандарта.
6. Экспертиза проекта стандарта.
7. Утверждение проекта стандарта.
8. Внедрение стандарта.
9. Мониторинг исполнения стандарта и пересмотр.

В научной литературе до сих пор ведется поиск идеальной модели стандарта оказания социальных услуг. Многообразны подходы к стандартизации социальных услуг: экономический, правовой, технологический, социальный.

К содержанию стандартов социального обслуживания населения на сегодняшний день сложились следующие подходы:

1. Диалектический.
2. Системный.
3. Клиентоориентированный.
4. Административный.
5. Целевой.
6. Результативный.
7. Ресурсный.

В рамках ресурсного подхода основной задачей руководителя организации должны быть привлечение, распределение и контроль над ресурсами организации. Именно этот подход позволяет максимально актуализировать внутренние ресурсы организации, а также найти необходимые во внешней среде.

Очевидно, что стандарты социального обслуживания это динамично развивающийся социальный инструмент, смысл которого в создании условий для получения социальных услуг нуждающимися гражданами. Причем стандарты должны быть реалистичными, четкими, надежными и обоснованными.

Таким образом, стандарты социальных услуг выступают определенными факторами, обуславливающими оптимальное качество предоставления социальных услуг и необходимыми как получателям, так и работникам организаций, оказывающих социальные услуги, так как они устанавливают нормативно формы и методы оказания социальных услуг, а также условия их оказания.

Библиографический список

1. Григорьева М. И. Современные подходы к стандартизации и регламентации социальных услуг в контексте концепции реализации человеческого потенциала в условиях городской агломерации // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 119—123.
2. Козлова Е. А. Методика оценки качества и эффективности социальных услуг // Наука и современность. 2013. № 21. С. 94—98.
3. Методические рекомендации по созданию Реестров государственных услуг и разработке стандартов государственных услуг. М. : ГУ Высшая школа экономики, 2004. 56 с.
4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу 01.05.2018)

*М. В. Клюев***БУДУЩИЕ НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ В ИВАНОВЕ**

Описано одновременное пребывание в Иванове трех великих отечественных ученых, будущих лауреатов Нобелевской премии Н. Н. Семенова, П. Л. Капицы и Л. Д. Ландау во время наблюдения полного затмения Солнца 9 июля 1945 года.

Ключевые слова: Н. Н. Семенов, П. Л. Капица, Л. Д. Ландау, Иваново.

It is described the simultaneous stay in Ivanovo of three great domestic scientists, future Nobel Prize winners N. N. Semenov, P. L. Kapitsa and L. D. Landau during the observation of the total eclipse of the Sun on July 9, 1945.

Key words: N. N. Semenov, P. L. Kapitsa, L. D. Landau, Ivanovo.

Очередное солнечное затмение произошло 9 июля 1945 года. В Иванове оно должно было начаться в 16 час 17 мин, а закончиться в 18 час 24 мин, причем начало фазы полного затмения ожидалось в 17 час 23 мин, а продолжительность полной фазы составляла лишь 48 сек.

Тем не менее к этому важному событию тщательно готовились. В Иваново приехало несколько научных экспедиций под общим руководством академика АН СССР В. Г. Фесенкова (от Пулковской обсерватории — чл.-кор. АН СССР Г. А. Тихов, от Московского педагогического института — проф. Попов, от Экспериментального института астрономии и физики казахстанского филиала АН СССР — проф. А. Н. Бойко и др). В наблюдениях принимала участие старейший русский астроном Н. М. Субботина.

Для наблюдений в селе Богородское (Ивановского района) в районе опытной станции сельскохозяйственного института были построены семь электрофицированных дощатых и фанерных павильонов, в которых на специально возведенных кирпичных фундаментах была размещена ценнейшая астрономическая аппаратура для фотографирования спектра различных солнечных оболочек, наиболее плотных слоев солнечной атмосферы и солнечной короны.

Часа за три до начала затмения из Москвы на самолете прилетела большая группа научных работников Института физических проблем во главе с директором, академиком АН СССР, П. Л. Капицей (см. фото). В ее состав входил директор Института химической физики, академик АН СССР, Н. Н. Семёнов, чл.-кор. В. М. Вул, и другие, в числе которых был и не упоминавшийся в «Рабочем крае» Л. Д. Ландау (*Бессараб М. Я.* Ландау. Страницы жизни. М. : Моск. рабочий, 1978. 232 с.).

Так на ивановской земле одновременно оказались три будущих лауреата Нобелевской премии! На тот момент П. Л. Капица (08.07.1894 Кронштадт — 08.04.1984 Москва) и Н. Н. Семенов (15.04.1896 Саратов — 25.09.1986 Москва) были отцами-основателями указанных институтов АН СССР, академиками. Лев Давидович Ландау (22.01.1908 Баку — 1.04.1968 Москва) станет академиком АН СССР 30 ноября 1946 года, причем сразу, минуя ступень члена-корреспондента. У наших героев отличное настроение. Закончилась

Великая Отечественная война. Впереди мирная жизнь. Только что Родина отметила заслуги ученых высокими наградами. Петр Леонидович 30 апреля 1945 года стал Героем Социалистического труда за разработку и осуществление нового метода получения жидкого кислорода. 10 июня 1945 года Н. Н. Семенов получил первый из девяти (!) орден Ленина, а Л. Д. Ландау — орден Трудового Красного Знамени.

Московские физики в Иванове
в день полного солнечного затмения 9 июля 1945 г.
В центре — П. Л. Капица и Л. Д. Ландау

Первым из этой плеяды Нобелевской премии удостоился Николай Николаевич Семенов: в 1956 году ему и Сирилу Хиншельвуду её присудили за разработку теории цепных реакций. До сих пор это единственная Нобелевская премия российских и советских ученых в области химии!

Л. Д. Ландау номинировался на приз в 1959 и 1960 гг., а получил в 1962 году за пионерские исследования в теории конденсированной материи, в особенности жидкого гелия. Надо сказать, что 7 января этого года Л. Д. Ландау попал в страшную автомобильную катастрофу, после которой врачи буквально собрали его по частям. Несмотря на то что спасали Льва Давидовича, без преувеличения, всем миром, жизнь его висела на волоске. В виде исключения Нобелевскую премию Л. Д. Ландау вручали в больничной палате.

В 1978 году настал черед П. Л. Капицы. В тот год премию по физике разделили. Пётр Леонидович получил половину премии за фундаментальные изобретения и открытия в области физики низких температур и по четверти премии присудили Арно Пензиасу и Роберту Вильсону за открытие в космосе микроволнового реликтового излучения.

Ну а что с затмением? Увы, физикам не повезло. С утра 9 июля небо заволкло дымкой, и после обеда разразился ливень с градом. Лишь академику В. Г. Фесенкову удалось сделать несколько снимков зари затемнения, которую наблюдали через просвет на юго-востоке...

Е. В. Тресцова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Модернизация Гражданского кодекса РФ привела имущественный оборот к необходимости упорядочения правового режима недвижимого имущества в части установления квалифицирующих признаков таких объектов и дифференциации их видов по различным классификационным основаниям, в связи с чем судебная практика потребовала решить проблему единообразного применения новых правил в деятельности правоприменительных органов.

Ключевые слова: недвижимое имущество, правовой режим, Гражданский кодекс РФ, нотариальная форма сделки.

The modernization of the Civil Code of the Russian Federation has led to a property revolution in the need to streamline the legal regime of real estate in terms of establishing the qualifying characteristics of such objects and differentiating their types on different classification grounds, and therefore the judicial practice required solving the problem of uniform application of new rules in the activities of law enforcement agencies.

Key words: real estate, legal regime, Civil Code of the Russian Federation, notarial form of the transaction.

Гражданский кодекс Российской Федерации относит к недвижимым вещам земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке. Из данного положения следует, что законодатель применяет как равнозначные по своему правовому содержанию категории «недвижимая вещь», «недвижимость» и «недвижимое имущество». При этом квалифицирующим признаком любого объекта недвижимого имущества, искусственно созданного человеком, служит критерий «прочной связи объекта с землей». Формально его содержание образует либо невозможность перемещения имущества в пространстве либо несоразмерность ущерба его назначению при перемещении вещи [2, с. 67—68].

Судебная практика оценивает такую связь через признак укрепленности фундамента как конструктивной части объекта недвижимости в глубь поверхности земельного участка. При этом такой конструктивный элемент должен свидетельствовать о капитальности постройки с соблюдением градостроительных норм и правил ее возведения, при которых она не может рассматриваться в качестве самовольного строения.

Наличие технического паспорта также не является достаточным основанием для признания вещи недвижимым имуществом. Правоприменители

констатируют наличие ошибок в деятельности органов технического и кадастрового учета при оценке объектов, в силу чего вещи движимые по своей природе приобретают статус недвижимого имущества. Отсюда важен момент определения вещи в качестве недвижимости: либо момент ее фактического создания, либо момент кадастрового учета, либо момент государственной регистрации права на такую вещь [1, с. 18].

Представляется, что создание вещи не всегда приводит к результату, вследствие которого вещь становится недвижимостью. Для этого имеет значение ее целевое назначение, определяемое через категорию и назначение земельного участка, на котором она возводится, а также наличие документов об отводе земельного участка под строительство объекта и разрешение о его строительстве.

Принятие вещи на государственный учет индивидуализирует ее в имущественном обороте, придает ей статус недвижимого имущества через присвоение уникального кадастрового номера. Вместе с тем ошибки кадастрового учета, затрагивающие права и интересы третьих лиц, могут привести к установлению судом иной природы вещи, которая не имеет правового режима недвижимости [2, с. 69].

Если право на вещь было зарегистрировано как на недвижимое имущество, то действует презумпция о том, что такое право предполагается действительным, пока оно ни кем не оспорено в суде. В силу данного обстоятельства акт государственной регистрации права на вещь как недвижимое имущество можно отменить на основании судебного решения, если приоритет права на такую вещь существует у другого лица. При этом оно может доказать, что объект не имеет признаков недвижимости, а сведения о нем в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН) появились ошибочно в силу акта, который в последствие был отменен или признан недействительным.

Таким образом, элемент правового режима недвижимой вещи, связанный с регистрацией прав на нее, не во всех случаях означает, что объект относится к недвижимому имуществу.

Актуальной проблемой правового режима недвижимых вещей является государственная регистрация. Закон сохраняет требование об обязательной государственной регистрации прав на недвижимое имущество, включая право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. Регистрации подлежат: право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного пользования, ипотека, сервитуты, а также иные права в случаях, предусмотренных ГК РФ

В случаях, предусмотренных законом, наряду с государственной регистрацией могут осуществляться специальная регистрация или учет отдельных видов недвижимого имущества. Орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней, обязан по ходатайству правообладателя удостоверить произведенную регистрацию путем выдачи документа о зарегистрированном праве или сделке либо совершением надписи на документе, представленном для регистрации. Такие органы также предоставляют информацию о зарегистрированных правах.

Сохранение государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом законодатель сохраняет только для случаев, установленных в законе. Правовые последствия для сделки, которая требует государственной

регистрации, наступают после ее регистрации, а изменение условий зарегистрированной сделки подлежат государственной регистрации.

Акт государственной регистрации прав на недвижимое имущество, их ограничений (обременений), а также сделок с недвижимыми вещами предполагает соблюдение ряда предписаний закона: во-первых, принципов государственной регистрации, к которым относятся принципы проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра. Во-вторых, в государственном реестре должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить объект, на который устанавливается право, управомоченное лицо, содержание права, основание его возникновения. Права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом. В-третьих, в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, сделка, влекущая возникновение, изменение или прекращение прав на имущество, которые подлежат государственной регистрации, должна быть нотариально удостоверена.

Требование о нотариальной форме сделок с недвижимым имуществом имеет значение для случаев, когда она касается отчуждения долей в праве общей собственности, относится к случаям управления имуществом несовершеннолетних, недееспособных и ограниченных в дееспособности лиц. Предполагается, что возврат в имущественный оборот нотариальной формы сделок с недвижимыми вещами во всех случаях нецелесообразен. Однако когда стороны такой сделки имеют статус социально незащищенной категории лиц, то она должна быть облечена в нотариальную форму [4, с. 84]. Речь идет о сделках пожизненного содержания с иждивением, доверительного управления имуществом подопечных, людей, нуждающихся в постороннем уходе по причине ограниченных возможностей здоровья или возрасту.

Нотариальная форма сделки с недвижимым имуществом гарантируется полной имущественной ответственностью нотариуса, а риски по ней обеспечиваются обязательным страхованием гражданско-правовой ответственности нотариуса, системой коллективного страхования нотариальной деятельности при оформлении сделок с недвижимостью, действием компенсационного фонда. Кроме того, нотариус как специалист на рынке недвижимого имущества может квалифицированно установить вид сделки с недвижимым имуществом, установить содержание ее условий, разъяснить сторонам их права и обязанности, собрать пакет документов для последующей государственной регистрации сделки, перехода прав по ней и ограничений (обременений) путем их последующего направления в органы Росреестра.

Создание Единой информационной системы нотариата способствует установлению контактов с регистрирующими органами на предмет подачи заявлений о запрете совершать регистрационные действия по заявлению третьих лиц. Важно, что законодатель установил ответственность лиц, участвующих в сделке с недвижимостью и обеспечивающих ее совершение в форме возмещения убытков, компенсации стоимости утраченного по вине регистратора прав жилого помещения и иные меры защиты прав и законных интересов граждан.

В случаях участия физических лиц в сделках по долевому участию в строительстве закон гарантирует переход на систему финансового проектирования и участие банков в контроле за расходованием застройщиком

средств дольщиков. Предполагается открытие специальных счетов, в том числе эскроу-счетов, потратить средства по которым можно только по факту передачи дольщикам построенных квартир.

Банковский механизм контроля позволит предупредить в имущественном обороте сомнительные сделки по строительству объектов недвижимости, а также недобросовестность застройщиков и их мошеннические схемы удорожания строительства.

Требование о добросовестности (осмотрительности) стороны в сделках с недвижимостью подкрепляются выводами судебной практики. На момент совершения сделки по приобретению недвижимости право собственности в ЕГРН было зарегистрировано не за отчуждателем недвижимости. Договор купли-продажи недвижимости заключили в период, когда существовали судебные запреты на совершение распорядительных действий с имуществом, и об этом в ЕГРН была внесена соответствующая запись. Приобретатель знал, что в нарушение установленного порядка сторона сделки и его правопреемники не регистрировали право собственности на недвижимость. Договор купли-продажи недвижимости заключили в период, когда ещё не истек срок на обжалование определения суда об отмене ареста этого имущества, а переход права собственности на него был зарегистрирован после отмены указанного определения вышестоящим судом. В период регистрации перехода права собственности на недвижимость уполномоченный орган предупредил приобретателя имущества о приостановлении государственной регистрации перехода права собственности из-за ареста этих объектов. Аффилированность между истцом и ответчиком имела на момент совершения сделок по отчуждению имущества, родственные и иные связи между лицами, участвовавшими в заключении сделок. Спорное имущество не передавалось в фактическое владение приобретателя. Имущество приобретено покупателем по цене значительно ниже рыночной, которая явно несоразмерна действительной стоимости этой недвижимости. Сделки по отчуждению имущества совершены в короткий период времени, расчеты производились за счет заемных средств последующих приобретателей недвижимости, а имущество фактически оставалось во владении и пользовании истца на основании договоров аренды. При этом заключенные сделки (договор купли-продажи и договор аренды) являлись явно убыточными для истца [4, с. 94].

С учетом изложенного можно заключить, что правовой режим недвижимого имущества требует единого правоприменения и уяснения правил его толкования судами.

Библиографический список

1. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2018. 528 с.
2. *Тресцова Е. В.* Модернизация объектов недвижимого имущества в гражданском законодательстве Российской Федерации // *Lex russica*. 2015. № 1. С. 67—75.
3. *Щербатова С.* Мошеннические схемы с квартирами психически больных людей // *Жилищное право*. 2018. № 5. С. 83—95.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена преступлениям японских военных, совершенным в годы Второй мировой войны и расследованным в ходе судебных процессов 1945—1949 гг.

Ключевые слова: преступления японских военных, Вторая мировая война, бактериологическое оружие, Хабаровский судебный процесс, отряды № 731 и 100.

The article is devoted to the crimes committed by Japanese soldiers committed during the Second World War and investigated during the trials of 1945—1949.

Key words: Crimes of the Japanese military, World War II, bacteriological weapons, Khabarovsk trial, detachments No. 731 and 100.

Вторая мировая война, развязанная нацистской Германией и ее союзниками, стала одной из самых жестоких и кровавых войн в истории человечества. Фашистскими странами осуществлялся массовый геноцид мирного населения, практиковалось уничтожение людей в концентрационных лагерях, проявлялось бесчеловечное отношение к военнопленным, над которыми в том числе ставились разного рода эксперименты. Одним из итогов Второй мировой войны стали крупные Международные военные трибуналы, осудившие немецких (в Нюрнберге в 1945—1946 гг.) и японских (в Токио в 1946—1948 гг.) военных преступников [9]. В ноябре 2018 г. исполняется 70 лет с момента окончания Токийского судебного процесса.

В ходе Международного военного трибунала для Дальнего Востока (1946—1948) были установлены факты вопиющей жестокости, проявленной японскими военными по отношению, как к мирному населению оккупированных стран, так и к военнопленным. Наиболее известным преступлением японских военных, совершенным в период до и во время Второй мировой войны, стали зверства в Нанкине [6]. Однако они были далеко не единственными.

Не менее страшные события происходили на Филиппинах в 1942 году и вошли в историю под названием «Батаанский марш смерти» [2]. На Филиппинах в 1942 году американский генерал-майор Эдвард Кинг сдал японцам свою военную группировку в количестве 78 тыс. человек, находящуюся на Батаанском полуострове. Японское командование приняло решение переместить военнопленных (67 тыс. филиппинцев, 1 тыс. филиппинцев китайского происхождения и 11796 американцев) в лагерь, расположенный в южной части полуострова. Военнопленным предстояло пешком пройти 40 км до порта Баланга, затем 50 км до города Сан-Фернандо и 14 км преодолеть до военного лагеря О'Доннела. Японцы полагали, что военнопленные быстро дойдут до Баланги, поэтому по пути их не планировалось снабжать продуктами питания и питьем. Когда начался марш, выяснилось, что солдаты сдавшейся армии ослаблены физически, многие больны, поэтому пройти за один день 40 км они не могли. Поход растянулся почти на неделю.

Во время движения японцы проявляли звериную жестокость по отношению к военнопленным. Так, тех солдат, которые падали, не могли из-за усталости продолжать путь или пытались протестовать — убивали. Конвоиры отрубали головы упавшим, перерезали им горло или пристреливали. Военнопленных насиловали, избивали прикладами, им не позволяли есть и пить, пленных закалывали штыками, вспарывали им животы. Если кто-то пытался оказывать помощь упавшим или ослабшим — их убивали. Людей давили японские танки. Мотоциклисты на уровне шеи военнопленных выставляли штыки винтовок и проезжали вдоль ряда марширующих людей по дороге. В результате военнопленным наносились смертельные порезы. Дорога покрывалась телами погибших или еще живых, стонущих от боли, людей. Много солдат погибло от голода, обезвоживания, болезней, перегрева, ран, которые никто не лечил.

Общее число погибших во время «Батаанского марша смерти» по одним данным оценивается минимум в 5—6 тыс. человек [2]. По другим сведениям, из 72 тыс. военнопленных до пункта назначения добралось только 54 тысячи. В целом общепризнанные цифры погибших включают от 5 до 10 тыс. филиппинцев, 600—650 американцев. К этим цифрам следует добавить пленных, умерших в лагерях после этого марша. Определенному количеству солдат удалось бежать [2].

После капитуляции Японии в 1945 г. генерала-лейтенанта Масахару Хомму, который командовал японскими войсками во время «Батаанского марша смерти», привлекли к уголовной ответственности. Комиссия союзников предъявила генералу обвинения в совершении военных преступлений, в том числе в жестоком обращении с военнопленными. Генерала расстреляли в окрестностях Манилы 3 апреля 1946 г. [2].

Крайняя жестокость была проявлена японскими войсками во время оккупации Сингапура в феврале 1945 г. В ходе развернувшегося геноцида, направленного против китайского населения, убили не менее 100 тыс. человек. Столицу Филиппин — город Манилу, поняв, что удержать ее не смогут, японцы вообще начали разрушать, уничтожая все ее население в феврале 1945 г. Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Убили даже медсестер Международного красного креста. По подсчетам историков, в ходе бойни в Маниле также погибло не менее 100 тыс. человек [4].

Еще один судебный процесс по делу японских военных преступников состоялся в Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г. Процесс проходил в военном трибунале Приморского военного округа. На этом процессе были выдвинуты обвинения против группы военнослужащих японской Квантунской армии, участвовавших в создании и применении бактериологического оружия в период Второй мировой войны в нарушении Женевского протокола 1925 г. [3].

Японцев обвиняли в том, что они сформировали в составе Квантунской армии два специальных подразделения («отряд 731» и «отряд 100»), которые занимались разработкой, испытанием и применением бактериологического оружия. Как было установлено в ходе судебного разбирательства, японские военные разводили бактерии чумы, сыпного тифа, сибирской язвы, холеры, брюшного тифа, дизентерии и другие бактерии. Их испытывали на людях, в т. ч. на советских военнопленных, инфицируя указанными заболеваниями. Использовали данное оружие против Китая и на границе с СССР. В частности, были заражены Центральные районы Китая и отравлены водоемы на советской границе в районе Трехречья [10].

В ходе бесчеловечных экспериментов по применению бактериологического оружия, проводившихся на людях, в страшных муках погибли тысячи китайских и советских военнопленных [1]. При подходе советских войск японцы сжигали все помещения, оборудование и документы филиалов указанных отрядов, чтобы скрыть следы своих преступлений [1].

Советской стороной японским военным преступникам обвинение было предъявлено по п. 1 Указа Президиума Совета СССР от 19 апреля 1943 г. за № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [5]. Указ предусматривал такую меру наказания, как смертная казнь через повешение [5]. Однако 26.05.1947 г. в СССР смертная казнь была отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР [8]. Таким образом, японским преступникам смертная казнь за совершенные злодеяния не грозила.

Всего обвинение было выдвинуто против 12 человек. Из них четырех приговорили к 25 годам лишения свободы. Остальные обвиняемые получили сроки от 2 до 20 лет. Среди обвиняемых был генерал Отодзо Ямада, являвшийся с 1944 г. главнокомандующим японской Квантунской армией и руководивший преступной деятельностью подчиненных ему отрядов № 731 и 100. К ответственности были привлечены непосредственные начальники указанных отрядов и их филиалов (генерал-майор медицинской службы, доктор медицинских наук Киёси Кавасима, майор медицинской службы, врач-бактериолог Томио Карасава, майор медицинской службы, врач-бактериолог Масао Оноуэ и другие). Попал на скамью подсудимых генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук, бывший начальник санитарного управления Квантунской армии Рюдзи Кадзицука, по инициативе которого и были созданы отряды № 731 и 100. К ответственности привлекли и других должностных лиц Квантунской армии, принимавших непосредственное участие в организации и работе указанных отрядов и их филиалов [10].

После вынесения приговора те осужденные, которых приговорили к небольшим срокам лишения свободы, отбыли их полностью и были отправлены в Японию. Осужденные на длительные сроки отбывали наказания в тюрьме в городе Иваново. Правда, пребывали они там только 7 лет. В 1956 г. осужденных одели по последней моде, доставили в Хабаровск, устроили в их честь банкет и отправили на Родину.

Таким образом, японские военные преступники, причастные к испытаниям бактериологического оружия и его применению против мирного населения Китая, уже в 1956 г. благополучно вернулись в Японию.

Такое «гуманное отношение» к лицам, причастным к массовой гибели тысяч ни в чем не повинных людей (за исключением того небольшого числа главных преступников, в отношении которых были приведены в исполнение смертные приговоры), вызывает удивление. Почему помиловали в 1950 г. бывшего посла в СССР Мамору Сигэмицу, а затем в 1955 г. еще 13 лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, почему советские власти отпустили японских врачей-бактериологов уже в 1956 году, не совсем понятно [7].

Однако сам факт осуждения со стороны международного сообщества бесчеловечного отношения к мирному населению, к военнопленным, проявленного японскими военными, имел огромное политическое значение.

В современном международном праве принят целый ряд документов, направленных на защиту мирного населения и военнопленных от антигуманного отношения в период войны [3].

Библиографический список

1. *Барышев В. А.* Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками: (к 60-летию события). URL: <http://evolutio.info/content/view/1598/232/>
2. Батаанский марш смерти. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Батаанский_марш_смерти (дата обращения: 25.02.2018).
3. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml (дата обращения: 25.02.2018).
4. *Калашников Д.* Иная Япония. URL: <http://dm-kalashnikov.livejournal.com/132425.html> (дата обращения: 25.02.2018).
5. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. 537 с.
6. *Николаев А.* Токийский военный трибунал. URL: <http://www.konkurs.senat.org/notabene/tokyo.html> (дата обращения: 25.02.2018).
7. Послевоенные суды над преступниками (горькая правда). URL: <http://www.br-kulturverein.de/wp-content/uploads/2017/03/горькая-правда-о-судах-над-военными-преступниками.pdf> (дата обращения: 25.02.2018).
8. Президиум Верховного Совета СССР УКАЗ от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни». URL: <http://www.alppp.ru/law/ugolovnoe-pravo--ispolnenie-nakazaniy/16/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-26-05-1947.html> (дата обращения: 25.02.2018).
9. Токийский международный трибунал. Суд над японскими военными. URL: <http://protown.ru/information/hide/5478.html> (дата обращения: 25.02.2018).
10. Хабаровский процесс. URL: <http://histrf.ru/biblioteka/Soviet-Nuremberg/Khabarovsky-process> (дата обращения: 25.02.2018).

Сведения об авторах

БАЛАХОНОВА Мария Андреевна магистрант 2 курса исторического факультета, Ивановский государственный университет.
mary.1995@yandex.ru

БУДАНОВА Ирина Александровна кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, начальник отдела подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации, Ивановский государственный университет.
budanova78@gmail.com

БУТРИН Егор Сергеевич кандидат исторических наук, главный специалист отдела публикации и использования документов Государственного архива Ивановской области, г. Иваново.
esbutrin@yandex.ru

ЕВСЕЕВ Владимир Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет.
yevseyev@mail.ru

ЗАДОРОВНИКОВА Елена Борисовна кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Ивановский государственный университет.
zadorelena@mail.ru

ИЛЬИН Юрий Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет.
Ilyin37@mail.ru

КЛЮЕВ Михаил Васильевич доктор химических наук, профессор кафедры органической и физической химии, Ивановский государственный университет.
klyuev@inbox.ru

КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru

- ОКОЛОТИН Владимир Сергеевич** доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет. Okolotin.vladimir@yandex.ru
- ОРЛОВА Светлана Алексеевна** старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Ивановский государственный университет. iv.kafedratgp@mail.ru
- ТРЕЦОВА Елена Владимировна** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Ивановский государственный университет. trestsova64@mail.ru
- ТЮЛЕНЕВ Владимир Михайлович** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. tyulenev.vl@yandex.ru
- УТКИН Александр Витальевич** сотрудник Археологического научно-образовательного центра, Ивановский государственный университет. u_two55@mail.ru
- ФЁДОРОВА Елена Львовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. Felena2006@yandex.ru
- ЮДИН Кирилл Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет. kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

---

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, коррекмирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.